Н. Д. КОЗИН

ГВАРДЕЙЦЫ В БОЯХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Части, которыми командовал Герой Советского Союза, ныне генерал-майор в отставке, почетный гражданин города Барнаула Н. Д. Козин, участвовали в разгроме фашистских войск под Москвой, Сталинградом, Курском, в освобождении Прибалтики, Польши. 52-я гвардейская стрелковая дивизия одной из первых ворвалась в Берлин.

В книге автор рассказывает о своей жизни, довоенной службе, но основное место в ней занимают военные годы, рассказ о мужестве и героизме советских солдат и офицеров.

- От автора
- Глава первая. Детство и юность. Начало службы
- Глава вторая. Боевое крещение
- Глава третья. От Ельни до Северного Донца
- Глава четвертая. Вызов в штаб фронта. Новое назначение
- Глава пятая. И снова — бой!
- Глава шестая. На Дону и Волге
- Глава седьмая. На Курской дуге
- Глава восьмая. В Прибалтике, Польше, Померании
- Глава девятая. И настал победный час!
- Вл. Бескишкин
- Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

От автора

Я не ставил перед собой задачу полно, во всем объеме рассказать о боевых делах подразделений и частей, которыми командовал. Считаю, что такая задача для одного человека непосильна.

Я старался на отдельных примерах и боевых эпизодах показать, насколько трудной была борьба с немецко-фашистскими захватчиками, как воины-гвардейцы, преодолевая все трудности и лишения, храбро дрались и свой ратный труд закончили победой и что победное окончание войны для советского народа и полное поражение гитлеровской Германии явились естественным завершением событий, ибо авантюризм всегда заканчивался бесславно.

При написании этой книги использованы личные записи, письма боевых товарищей, журнал боевых действий, документы Архива Министерства обороны СССР, «История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Военно-исторический журнал», материалы Государственного музея обороны Царицына — Сталинграда, музея Героев-сибиряков Сибирского Военного округа и другая литература.

Большую помощь в работе над книгой оказали мне боевые друзья-однополчане, приславшие много писем, фотографий, схем.

Выражаю глубокую благодарность Герою Советского Союза генерал-майору Н. И. Бигоненко, капитану И. И. Батлуку, подполковнику К. Г. Губернаторову, его жене старшине П. И. Губернаторовой, полковнику Р. Д. Емельянову, подполковнику Е. И. Иткису, генерал-майору П. Г. Коновалову, майору Г. И. Окуневу, кандидату технических наук майору И. Т. Обушенко, полковнику В. К. Потанину, полковнику Г. Г. Пантюхову, генерал-лейтенанту И. Н. Руссиянову, старшему лейтенанту З. П. Степановой, генерал-лейтенанту Г. Г. Семенову, Герою Советского Союза генерал-полковнику И. М. Чистякову, полковнику И. Ф. Юдину, полковнику В. С. Якушкину и другим, а также всем тем, кто принимал участие в технической подготовке иллюстраций и издании книги.

Особую благодарность выражаю журналисту В. М. Бескишкину за помощь в литературной обработке рукописи.

Глава первая. Детство и юность. Начало службы

Сколько лет ни пройдет с тех пор, как человек уедет из родных краев, где потом он ни живет, а отчего дома, своей деревни он никогда не забудет. С годами память все чаще уводит на родину, наверное, оттого, что первые, детские впечатления настолько непосредственны и сильны, что навсегда, на всю жизнь остаются с человеком. Многое, конечно, забывается, но главное, самое важное и значительное помнится.

…Уже после Великой Отечественной войны мне несколько раз довелось побывать в своей родной деревне Бурково-Новопокровское, что в Татарском районе Новосибирской области. Как все там изменилось! Но и теперь отыскиваются следы босоногого детства. Вот здесь, на этой улице, не без основания называвшейся Криулино, стояла наша хатенка, пятая от угла, принадлежавшая бабушке Екатерине. Дед по отцовской линии, Андрей, умер еще до моего рождения. Рядом по соседству жили Заикины, Боборыкины, напротив, через дорогу, — Фомины, Максименко, Леонтий и Павел Байдуковы (родные дяди прославленного летчика Героя Советского Союза Г. Ф. Байдукова).

Домов этих уже нет, деревня сильно поубавилась, сейчас здесь отделение совхоза.

В двадцать втором году мой отец Дмитрий Андреевич отделился и поселился на другой улице — сначала на Собачьей Заимке, а потом на Новой Зеленой, более чистой и удобной, с хорошими огородами. Время снесло и этот домик на Новой Зеленой. Его и домиком-то можно было назвать лишь с большой натяжкой. Это была крохотная, в два окошка, низенькая хибарка. Но все равно она казалась нам самым лучшим домом на свете.

В деревне — а она была тогда большой, насчитывала до трехсот дворов — две улицы назывались Зелеными, но из зелени на них буйно росла лишь трава. Деревня всем ветрам-метелям была открыта и зимой и летом выглядела скучноватой, обнаженной. Большую часть ее жителей составляли переселенцы из Харьковской, Пензенской, Тамбовской и других западных областей страны, перебравшиеся в Сибирь во второй половине прошлого века в поисках свободных земель, вольной жизни. Но тогда «воля» везде была одна, каждый кусок хлеба давался тяжким трудом. Видно, по этой причине селянам было не до деревьев, не до красоты деревни. Все время, от зари до зари,

уходило на работу на пашне и в огородах. А вся «механизация» — лошаденка, соха да мотыга.

Единственной отрадой и развлечением для нас, детворы, было довольно большое озеро (к сожалению, теперь высохшее), начинавшееся сразу от крайних огородов. У него мы частенько сидели на утренней зорьке и вечерами с удочками. А еще мы любили охоту на зайцев, тетеревов, куропаток и уток.

…Родился я 19 декабря 1902 года, третьим по счету. Старше меня были Степан и Аксинья. Через два года появилась еще одна сестренка — Тоня. Родители мои жили, как я уже говорил, в хатенке бабушки Екатерины. Дом в мою пору был наполнен, как улей: семья состояла из двенадцати душ — самой бабушки, ее двух сыновей — оба Дмитрии, дочерей Федосьи, Евдокии и Елены с сыном Михаилом, моей матери Домны Алексеевны и нас, четверых ее детей. А настоящих работников-мужчин — один мой отец.

Было трудно, однако бабушка, отец, мать старались не падать духом, к нам относились ласково, заботливо.

— Погоди, мама, — говорила моя мать, — вот вырастет наша орда, тогда будет кому трудиться.

Но матери не суждено было увидеть своих детей и внуков счастливыми: в 1906 году, когда мне не было еще и четырех лет, она умерла. И хотя я был еще мал, я остро почувствовал эту утрату.

В те годы горе посетило не только наш дом, оно было частым гостем почти всех бедняцких и многих середняцких хозяйств. Все это я уже потом узнал из рассказов отца. Только что закончилась разорительная для народов России русско-японская война. Затем один за другим последовали неурожайные годы. А что может быть для бедняцких семей страшнее голода! А тут еще в наших краях вспыхнула эпидемия сибирской язвы и ящура. Это вызвало сильный падеж скота, во многих деревнях большинство семей, в том числе и наша, лишились последней коровенки. А какую помощь можно было ожидать крестьянину от царского правительства! Никто на помощь и не надеялся. Каждый рассчитывал только на себя.

А жизнь шла своим чередом.

Маму нам заменила бабушка Екатерина, которая стала еще более ласковой, внимательной, заботливой. Мы ее очень любили. Я и младшая сестренка Тоня называли ее мамой. Было ей в то время около пятидесяти лет. Невеликого роста, спокойная, с добрыми задумчивыми темно-серыми глазами.

— Когда-нибудь легче будет жить, — часто говорила она. (Забегая вперед, скажу, что умерла она, когда мне было

восемнадцать лет).

Надежды на лучшую жизнь у бабушки были связаны с верой в бога, который, дескать, «все видит на земле, всех нас знает и обо всех думает, одних карает за грехи, а праведникам помогает». И когда мы пытались говорить о несправедливости к нам Николая-чудотворца, о котором больше всего рассказывала бабушка, она строго отвечала:

— Значит, мы еще недостойны его милости, видно, много грешим.

Но я все больше разубеждался в божеской сверхсиле, особенно когда пришлось побывать в сельской лавке местного купца Тимофея Сидорова. Боже мой, чего там только не было: конфеты всякие, пряники, орехи, сахар — детские голодные глаза все увидели. Мне тогда казалось, что в этой лавке все есть.

Дома спросил:

— Бабушка, а Сидоровых бог сделал богатыми?

Но бабушка, будто не слыша, продолжала суетиться у печки. Я продолжал допытываться. Бабушка молчала. Видно, и в ее чуткой душе было уже накоплено немало сомнений, видно, и она чувствовала, что мир устроен несправедливо. Поставила на стол чашку с горячей картошкой в «мундире».

— Ешьте, пока не остыла, и благодарите всевышнего. У многих и этого нет… А Сидоровы… бог им судья. Нужно расти честными, трудолюбивыми. — И бабушка тяжко вздохнула.

Когда мне исполнилось восемь лет, я пошел в школу. Сейчас трудно описать, с каким волнующим нетерпением ожидал я этого дня — очень уж хотелось учиться! Ведь многие мои друзья, что были постарше, — Кузьма Максименко, Павел и Елена Байдуковы, Назар Заикин и другие — уже учились. Однако радость моя продолжалась недолго. В конце сентября наступили первые утренние заморозки. Был я слаб, а ни путной одежонки, ни обуви у меня не было. Я заболел-брюшным тифом и проболел почти два месяца. Год для учебы пропал.

На следующий год опять пошел в школу. Через месяц, заметив мое прилежание, учительница Глафира Петровна Кошкарова перевела меня во второй класс. Я стал учиться еще старательнее, особенно мне давалась арифметика.

И опять несчастье. В конце октября заболел возвратным брюшным тифом. Болел, как потом рассказывали отец и бабушка, долго и тяжело, на мое выздоровление уже не надеялись. В конце 1963 года я встретился с другом детства Павлом Тимофеевичем Боборыкиным. Вспоминая годы детства, он рассказывал: «В деревне все считали, что твой второй случай болезни — это конец. Хорошо помню, как твой отец пригласил Ивана Шахова

делать гробик, а бабушка Екатерина суетилась и беспокоилась из-за отсутствия необходимого количества свечей. А в деревне как было? Тут же собрались старушки, крестились.

— Господи, да ведь он уже больше двух месяцев мучается, да и нас всех измучил. Слава богу, кажись, теперь отмучился. — И бабушка Екатерина перекрестилась. — Царствие ему небесное. Жалко мальчонка, смышленый был, да, видно, так богу угодно.

Старуха Маланья Максименко тут же нашла объяснение «господней воли»:

— Дак после смерти матери отчего он болеет? Видно, шибко скучает по матери. Знамо, видит господь бог, чтобы Несторка так не убивался, всевышний дает возможность им свидеться. Вот радость-то будет обоим!

Но, Нестор, твое счастье, не пришлось старушкам помянуть за упокой души усопшего раба божьего».

В конце декабря 1911 года я начал поправляться, встал на ноги.

1912 год также оказался для нашей семьи горестным: от укуса тарантула умер мой старший брат Степан. Не успела затихнуть боль утраты — новый удар: в 1914 году началась первая мировая война, и моего отца Дмитрия Андреевича, как и многих других из нашей деревни, забрали на фронт. Провоевал он, однако, недолго. Второй стрелковый корпус 2-й армии генерала Самсонова, в котором находился отец, был разбит в Восточной Пруссии. Отец раненым попал к немцам в плен. Неоднократные попытки побега успеха не имели.

Вернулся отец домой уже в 1920 году. Все эти тяжкие годы мы в полную меру бедствовали, учиться дальше мне, конечно, не пришлось, со школой я расстался. С тринадцати лет стал я в семье и пахарем, и сеятелем, и жнецом. А в деревнях орудовали всякого рода спекулянты, воры, конокрады. Помню, в нашей деревне этим славились братья Александр и Константин Галкины. Они ничем не гнушались. Это они однажды ночью увели с нашего двора последнюю лошадь. И мне, чтобы хоть как-то помочь семье, пришлось идти в пастухи, а позднее наниматься грузчиком на железную дорогу.

Но вот с фронтов стали приходить раненые. Федор Ефимович Заикин, Григорий Иванович Курочкин, Елисей Никитович Науменко, Макар Кондратьевич Саханин, Лука Илющенко, Григорий Самойлович Тимошенко и его брат Трофим, Осип Захарович Боборыкин и другие. Они стали кое-что прояснять, рассказывая односельчанам, о чем толкуют солдаты в окопах.

— Надо царя, всех буржуев, помещиков и их прихвостней гнать в шею, — говорили они. — Народ должен быть хозяином,

землю крестьянам надо раздать.

Многие слушатели пугались: как это, мол, царя-батюшку того… Но наиболее смелые поддерживали фронтовиков: «А что? Хуже не будет, куда еще хуже быть!»

Слушая эти разговоры, я вспоминал рассказы бабушки о том, как они на родине, в Пензенской губернии, пять дней в неделю гнули спину на барской пашне, и только шестой день оставался для них.

— Так какой нам резон воевать, защищать чьи-то интересы! — опираясь на костыли, говорил Макар Саханин. — Судите сами: одно наше Бурково послало на эту бойню не менее пятисот человек. А что изменилось? Сколько из них сложило свои головы? А за что? Анисима Самойловича Тимошенко нет, его брата Федора нет, Дениса Никитовича Науменко, Кирилла Федоровича Илющенко тоже нет. А из оставшихся в живых половина калеки, вот как я. Выходит, зря мы кровь проливали…

Мне конечно, тогда еще трудно было все это осмыслить, но я все же понимал, что назревает что-то значительное. И вскоре оно произошло — сначала Февральская, а потом и Октябрьская революция, которая и дала народу власть.

* * *

5 мая 1924 года я был призван в ряды РККА, а осенью зачислен курсантом полковой школы. С этого момента я целиком посвятил себя военной службе. Я был командиром отделения, помощником командира пулеметного взвода, а после окончания Омского пехотного училища был назначен командиром пулеметного взвода. Затем служил комендантом гарнизона, командиром роты, помощником начальника разведки дивизии. Великую Отечественную войну я встретил в должности командира 3-го стрелкового батальона 586-го стрелкового полка 107-й стрелковой дивизии. Командиром полка был Иван Михайлович Некрасов, а дивизии — полковник Павел Васильевич Миронов.

Глава вторая. Боевое крещение

Утро 22 июня 1941 года выдалось солнечное, тихое. День выходной. Но лагерь 107-й стрелковой дивизии, расположившийся в сосновом бору, ожил рано: намечались открытие лагерного сбора и подведение итогов учебной тревоги. Для нас всех это был большой, волнующий праздник. Бойцы, сержанты, командиры приводили себя в порядок: чистились, гладились, подшивали подворотнички, готовились к торжеству.

Вскоре шумно стало и на стадионах: спортсмены после физкультурного парада собирались помериться силами.

Из города прибыли гости — представители партийных, советских и профсоюзных организаций, родные и близкие, ко многим приехали знакомые девушки.

Играла, музыка. У всех было торжественно-приподнятое настроение.

Все шло пока своим чередом. Но… ни празднования лагерного сбора, ни разбора учебной тревоги не состоялось.

Весть о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну распространилась с молниеносной быстротой. Как позже стало известно, на рассвете 22 июня против Советского Союза были брошены огромные силы: 190 пехотных, моторизованных и танковых дивизий численностью в 5,5 миллиона человек, 3712 танков, 4950 самолетов, 47 260 орудий и минометов и 193 боевых корабля[1], В частях и подразделениях начались собрания и митинги. Мы получили указание немедленно приступить к выполнению мобилизационного плана.

В нашем 586-м стрелковом полку митинг был коротким. Каждый выступавший командир, красноармеец говорил сжато и предельно четко: не быть Родине под пятой фашизма! Выступавшие перед развернутым знаменем полка клялись, что не пожалеют сил, крови и самой жизни для изгнания врага с родной земли. Во второй половине дня 27 июня наш 3-й батальон получил приказ следовать на станцию для погрузки в эшелон.

Каждый из нас понимал, что война — не увеселительная прогулка, но считал для себя высокой честью быть вделанным в числе первых на фронт.

За полтора часа до выступления батальона ко мне буквально врывается один из бойцов 9-й стрелковой роты лейтенанта Василия Михайловича Заики (фамилия его, кажется, Коледов, знаю, что он из Солтонского района) и просит:

— Товарищ капитан, возьмите меня с собой. Рота отправляется на фронт, я не могу один оставаться здесь.

Возьмите, прошу.

Спрашиваю:

— Откуда вам известно, что мы отправляемся на фронт и что вас оставляют?

— Товарищ капитан, я нахожусь в санчасти полка, старший врач Казанцев не разрешает мне выписываться…

Я справился у лечащего врача. Тот заявил:

— Боец болен, у него температура, с эшелоном ему ехать нельзя.

Коледов не унимается, настойчиво требует отправки:

— Товарищ капитан, я здоров! Возьмите!

— Вы поймите, дорогой, что едете на войну, а не в гости.

— В гости я бы и не просился так.

— Хорошо, — говорю бойцу, — идите туда, откуда пришли. Мы тут решим. На всякий случай будьте готовы.

Вызываю лейтенанта Заику.

— Примерный боец, очень хороший наводчик. Надо взять его, товарищ капитан, — говорит он.

Когда уже шли погрузка, Коледов случайно встретился мне.

— Ну как, товарищ больной?

— Все в порядке. Чувствую себя хорошо.

— А температура?

— Температура в санчасти осталась, товарищ капитан.

Да, с такими бойцами можно было отправляться на защиту Отечества. Тот, кто не боится войны, кто готов ради свободы своего народа пожертвовать собой, — тот настоящий боец, с ним можно уверенно идти в бой. А эти ребята знали, куда отправляются, хотя, может быть, и не знали в полной мере, с каким коварным и опытным врагом им придется иметь дело. Но они понимали, что враг силен: уже почти все государства центральной, юго-восточной и западной Европы подчинены и порабощены фашизмом. Немецкий кованый сапог топтал земли и свободу Франции, Голландии, Дании, Норвегии, Югославии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, Чехословакии, Польши. И вот теперь Гитлер замахнулся на Советский Союз, направив против него всю мощь своей военной машины. Мы, если и не знали тогда точно, то догадывались, что гитлеровская армия многочисленна и вооружена до зубов, располагает большим количеством танков, самолетов, орудий, пулеметов, автоматов, имеете большой практический опыт ведения войны, что на службу фашистской грабьармии поставлена вся промышленность, ей подчинена вся экономика не только самой Германии, но и оккупированных государств.

В пути мы не теряли времени даром: с командирами рот,

взводов, с сержантами прорабатывали теоретические вопросы наступления и обороны, действия в ночном и встречном бою, взаимодействия подразделений. Много говорилось о личном примере, которому придавалось большое значение. Я был глубоко убежден (а теперь тем более так считаю), что личный пример — лучший метод агитации. А в самые трудные и ответственные минуты он приобретает особо важное значение.

Но порой и личный пример сам по себе, без разъяснительной работы мало что может дать. Поэтому с красноармейцами мы проводили беседы, разговаривали по душам. И это давало положительные результаты, помогало им лучше и глубже понять тебя. И по их общему настроению я проверял себя, правильно ли поступаю, правильно ли они понимают меня, чего я хочу. В этом деле большую помощь мне оказывал комиссар батальона Никифоров. Он, как правило, быстро находил путь к сердцам красноармейцев, говорил с ними просто и убедительно.

…А поезд, отстукивая на рельсах, торопился на запад. Часто, стоя у дверей вагона, я задумчиво глядел в пространство, словно можно было разглядеть, что происходит там, далеко на западе. Хотелось самому во всем разобраться.

Навстречу нам шли эшелоны с ранеными, с эвакуированными из Западной Белоруссии и Украины. Невозможно было без боли в сердце смотреть на горе народа: женщины, старики, дети, в суматохе покинув родные места, растеряв друг друга, кое-что прихватив с собой, гонимые пожаром войны, уезжали подальше на восток.

На одной из станций я подошел к девочке, которая держала за руку мальчика лет трех — четырех. Лицо у мальчонки испуганное, глаза какие-то уже не детские. Взял его к себе на руки, спрашиваю:

— Как тебя звать?

— Коля, — отвечает.

— А куда едешь?

— От фасистов.

— С мамой едешь? — спросил я. И потом уж не рад был. Коля, услышав слово «мама», чуть не выпрыгнул из моих рук, видимо решив, что я вижу его маму.

— Где мама? Где мама? — и заплакал. Девочка снова взяла Колю за руку.

— Я еду с бабушкой, а он с нами, — пояснила она. Услышав плач, из товарного вагона выглянула женщина лет 50–55.

— Иди, внучек, сюда, мы скоро к маме приедем.

— Бабушка, где мама? — не успокаивался мальчик.

Женщина рассказала, что едут они с Западной Украины, что

девочка — ее внучка, а Коля — сын соседки, которая при бомбежке была тяжело ранена. Где она сейчас и жива ли — неизвестно. Вот и взяли Колю с собой. Будет за внука. Есть в эшелоне родители, которые при бомбежке детей потеряли.

Война! Сколько убитых, раненых, покалеченных, обездоленных, осиротевших! А сколько еще будет?

На каждой станции и местные жители и эвакуированные встречали наш эшелон, если нельзя сказать — с открытой радостью, то уж во всяком случае с посветлевшими лицами. В нас они видели надежду на отпор врагу.

— Вы уж, милые, остановите этих супостатов, — напутствовали нас женщины со слезами на глазах. — Изверги они да и только. Освободите нашу родную землю от них.

В ответ красноармейцы клялись отомстить врагу, избавить народ от мучений. В каждом из нас росла и крепла ненависть к поработителям, мы готовы были в любую минуту вступить в смертельный бой.

Мы не раз видели слезы на глазах раненых. Это они приняли на себя первые удары гитлеровских полчищ. И теперь сожалели не столько о том, что они покалечены, сколько о том, что многие из них уже не смогут снова встать в строй, чтобы бить врага. Больно видеть плачущего мужчину, горько сознавать, что он теперь бессилен.

Не успели мы прибыть на конечную станцию Вязьму для разгрузки, как на эшелон налетело звено штурмовиков противника. Наши счетверенные зенитные установки с ходу вступили в бой.

Многие здания были уже разрушены, повсюду виднелись воронки от бомб. Значит, уже не раз здесь побывали стервятники. Добро, созданное десятилетиями и веками, в один миг превращалось в обломки и пепел. Вот оно — истинное лицо фашизма, людей, именующих себя высшей расой.

В тот же день батальон выступил в направлении Вязьма — Дорогобуж в район сосредоточения. На пути видели картины бедствий и разрушений еще более печальные, которые усиливали ощущение горечи и чувство ненависти к врагам. По обочинам дорог — поток гужевого транспорта, скопление бегущих с тележками, узелками и мешками. На лицах ужас и растерянность. Вот на руках забинтованной женщины плачет ребенок. Вдоль дороги на бреющем полете проносятся «мессершмитты», поливая беззащитных людей длинными пулеметными очередями. Снова раненые и убитые. Вокруг угнетающий гул, шум, крик.

На десятиминутном привале к нам подошел, опираясь на палку, старик.

— Слава богу, не все двигаются на восток, есть люди, которые с оружием в руках идут на запад. Может, и наступит этому разбою конец. — Помолчал и пошел дальше.

На левом берегу Днепра, чуть западнее Дорогобужа, где нашей дивизии предстояло занять оборону, работы по созданию оборонительного рубежа велись круглосуточно. Тысячи женщин, девушек, подростков трудились, не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Немецкие самолеты бомбили их день и ночь. Люди укрывались в только что вырытых ими траншеях и окопах и снова брали в руки ломы, кирки и лопаты, едва затихал гул самолетов. Этот участок фронта считался одним из решающих: предполагалось, что немцы нанесут главный удар именно в этом направлении: Смоленск — Вязьма— Москва.

Время торопило нас. Но не дремал и враг: самолеты противника не раз появлялись над этой местностью, фотографировали. Один из них был подбит в первые же дни. Боец 9-й стрелковой роты Петр Иванович Чепкасов, проживающий ныне в алтайском селе Первомайском, рассказывал: «Когда вошли в горящий Дорогобуж, над облаками пыли и дыма пикировало три бомбардировщика противника. Красноармеец нашей роты, родом из Солтонского района, положил свой ручной пулемет на плечо товарища и открыл по ним огонь. Вскоре один самолет загорелся и, резко снижаясь, пошел в западном направлении».

Итак, свой боевой счет батальон открыл.

В середине июля 24-я армия[2], в состав которой входила и 107-я стрелковая дивизия, заняла оборону на линии Оленино — Белый — Дорогобуж с задачей не допустить прорыва противника в направлении Смоленск — Вязьма. Работы по строительству и укреплению оборонительных рубежей в 150-километровой полосе начали вестись еще до подхода соединений армии. Здесь самоотверженно трудились трудящиеся Москвы, Смоленской и Калининской областей. С выходом на этот рубеж дивизий работа значительно ускорилась, и к 14 июля строительство в основном было завершено.

Противник рвался к Москве, стремясь до наступления холодов разделаться с нашей столицей. Правее 24-й армии на линии Осташков — Ржев оборонялась 30-я, левее — от Ельни до Брянска — 28-я армия.

10 июля танковые и моторизованные соединения противника из районов Витебска и Орши вышли к Смоленску. У стен древнего русского города началось одно из крупнейших сражений, которое длилось без каких-либо пауз два месяца. До десятка и более крупнейших атак противника отбивали в день войска Западного фронта, а нередко и сами переходили в контрнаступление, нанося

противнику большие потери. После ожесточенных боев танковые дивизии противника обошли 20-ю армию и 16 июля захватили южную часть Смоленска. А через три дня вражеская группировка, вытеснив из Ельни 19-ю дивизию 28-й армии, заняла город. Угроза прорыва вражеских войск к Москве возросла.

Чтобы избежать внезапного удара со стороны противника, 107-я и другие дивизии 15 и 16 июля силами разведывательных батальонов вели активную разведку в северо-западном, западном и юго-западном направлениях. 16 июля наш батальон, подкрепленный артиллерийским дивизионом капитана В. П. Дубкова, получил приказ командира 107-й дивизии Павла Васильевича Миронова выступить по маршруту Дорогобуж — Городок — Быково — Ельня, войти в соприкосновение с противником и захватить пленных, чтобы через них узнать о намерениях противника. По маршруту главных сил батальона была выслана разведка — головная походная застава в составе 9-й стрелковой роты лейтенанта М. В. Заики, взвода пулеметной роты младшего лейтенанта Соколова, взвода 82-миллиметровых минометов лейтенанта Журавлева.

Мне и личному составу батальона, за исключением командира дивизиона капитана В. П. Дубкова — участника боев против японских самураев, предстояло принять боевое крещение. Получив задачу, я думал, как выиграть этот бой и тем самым создать уверенность у бойцов в будущем. Мне было ясно, что успех в известной степени зависит от того, как я организую бой. Значит, необходимо самому все видеть, чтобы руководить.

Прошли 8—10 километров. Получаю первое донесение командира взвода разведки лейтенанта В. Чеснокова: впереди в березовой роще обнаружено до роты пехоты, бронемашина, два противотанковых орудия противника. Было ясно, что перед нами усиленная рота противника, ожидающая подхода главных сил.

Принимаю решение: пока к противнику не подошло подкрепление, уничтожить эту роту и подготовиться встретить главные силы противника.

9-я стрелковая рота лейтенанта М. В. Заики при поддержке артбатареи совместно со взводом пулеметной роты и батальонной артиллерией активными и решительными действиями сковала противника огнем с фронта, отвлекла его внимание на свой левый фланг. А в это время 7-я стрелковая рота лейтенанта Журавлева и 8-я старшего лейтенанта Лаубаха, прикрываясь рощей, форсированно выдвинулись вперед и с приданными им средствами усиления атаковали правый фланг противника. Вскоре с запада подошла колонна главных сил вражеского батальона. Но и она была разгромлена 7-й и 8-й

ротами при поддержке двух батарей капитана Дубкова.

9-я стрелковая рота добивала головную походную заставу в роще.

Взятые нами пленные оказались из дивизии СС. Допрос вел старший лейтенант Лаубах, по национальности немец. Пленный офицер признался, что они не ожидали столь дерзких действий со стороны русских. Командование их уверяло, что наша армия разбита и что немцы на пути к Москве могут встретить лишь отдельные очаги сопротивления.

Как ни нагло держались пленные, они вынуждены были признаться: «русские сражаются упорно», «никто из нас еще не участвовал в таких жестоких боях, как в России», «после боя на русской земле поле боя имеет ужасный вид. Такого, как под Смоленском и восточнее, мы еще не переживали. Наши войска от ударов русских несут большие потери…» Придет время — и еще не так будут сетовать фашисты на русских, на свою судьбу.

В этом первом бою личный состав батальона проявил мужество и упорство. Кадровый командный состав показал, что способен управлять подразделениями, учитывая обстановку и хорошо используя местность. Исключительно умело действовал пулеметный взвод лейтенанта Нешитова. Наводчик Тихон Федорович Безруков из Солтонского района Алтайского края огнем своего пулемета уничтожил более десятка фашистов, не давал гитлеровцам поднять головы. Расчет орудия комсомольца сержанта Дмитрия Афанасьевича Сухоплюева, наводчиком которого был Филипп Григорьевич Кондратьев[3], находясь в боевых порядках 9-й стрелковой роты, подбил бронемашину и противотанковое орудие противника. Батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Владимира Александровича Шмонина[4] прямой наводкой уничтожила пушку, два пулемета и более двух десятков фашистов, тем самым обеспечив успешную атаку 8-й стрелковой роты. Задачу наш батальон выполнил успешно. От пленного мы узнали, что противник готовится к наступлению.

Со второй половины июля обстановка в районе Ельня — Дорогобуж значительно осложнилась. Командующий 24-й армией генерал-майор К. И. Ракутин отдал приказ: 103-й мотострелковой дивизии комбрига Кончина совместно с 355-й стрелковым полком 100-й ордена Ленина" стрелковой дивизии во что бы то ни стало выбить противника из деревни Ушаково как опорного пункта. По приказу командира 107-й стрелковой дивизии Миронова в распоряжение Кончина поступил и 3-й батальон.

С комбригом Кончиным мне приходилось встречаться и раньше — на маневрах войск Сибирского военного округа. И вот

теперь встреча на Ельнинской земле. Доложил о своем прибытии.

— Ваша задача — прикрывать правый фланг 103-й мотострелковой дивизии по мере ее продвижения.

103-я мотострелковая дивизия и 355-й стрелковый полк полковника Н. А. Шварева в течение двух суток вели наступательные действия. Потеряли много людей, деревня несколько раз переходила из рук в руки. Стало ясно, что удержать ее нам можно лишь в том случае, если будет взята высота 238,8. Н. А. Шварев приказал 2-й роте лейтенанта Т. Е. Логойского овладеть высотой и остальными силами полка атаковать Ушаково. 2-я рота захватила высоту, а к 7 часам утра полк овладел деревней, но не удержал и на сей раз. Но и противник, потеряв более половины своих людей и 18 танков, так и не смог передвинуться на северо-восток.

20 июля наша разведка обнаружила у села Каськово усиленный батальон противника. Разгромить гитлеровцев, предотвратить их удар по нашему левому флангу — такую задачу поставил П. В. Миронов перед нашим 586-м стрелковым полком. Выполнение этой задачи командир полка И. М. Некрасов возложил на 1-й стрелковый батальон старшего лейтенанта Э. Х. Люманова. Его поддерживали 1-й и 2-й дивизионы 573-го пушечно-артиллерийского полка.

Завязался жестокий бой, длившийся более шести часов. В район Каськово — Городок враг непрерывно подтягивал свежие силы.

Командир полка решил вывести из обороны 3-й батальон и, усилив его 1-м дивизионом 347-го артполка, при поддержке 2-го дивизиона 573-го артполка и во взаимодействии с 1-м батальоном разгромить Каськово-Городокскую группировку противника.

22 июля во второй половине дня батальон приступил к выполнению задачи. На марше от командира взвода полковой разведки младшего лейтенанта Фотина я получил донесение: в направлении Каськово — Дорогобуж двигается усиленный батальон эсэсовцев. После оценки обстановки было принято решение встретить противника и ударить с фланга и в тыл его главных сил. Командиру 8-й стрелковой роты Лаубаху была поставлена задача совместно с 3-й батареей лейтенанта А. И. Данилова 1-го дивизиона 347-го артполка, пулеметным взводом младшего лейтенанта Л. И. Соколова, взводом батальонной артиллерии лейтенанта Михайлова при поддержке 2-го дивизиона 573-го артполка, сбивая охранение противника, продолжать движение и завязать бой с его главными силами, в случае упорного сопротивления гитлеровцев, прикрываясь огнем

артиллерии, отходить. Когда 7-я и 9-я стрелковые роты ударят по врагу — атаковать с фронта.

В это время гитлеровский батальон ротными колоннами прошел Городок и начал втягиваться в лес. Командир 8-й стрелковой роты Лаубах сделал засаду и захватил головное охранение. Пленные оказались из эсэсовского полка «Великая Германия» дивизии «Райх».

Колонна главных сил противника, попав под наш артиллерийский огонь, приняла боевой порядок и продолжала с боем продвигаться вперед. Но вскоре 7-я и 9-я стрелковые роты с фланга и в тыл открыли по колонне мощный огонь. Часто застучал пулемет Пунева, на левом фланге ему ответил «максим» А. Н. Калмыкова[5]. Снайперы Петр Кулешов и Василий Петров из 7-й стрелковой роты били гитлеровцев без промаха. Лес ожил, наполнился трескотней станковых и ручных пулеметов, автоматов и винтовок, уханьем артиллерийских снарядов и визгом мин. Здесь хорошо отличилась 1-я батарея старшего лейтенанта Владимира Алексеевича Шмонина. Враг окончательно смешался. Падали убитые и раненые. Оставшиеся в живых метались по поляне, но везде их настигала смерть. По сигналу ракеты подразделения поднялись и пошли в атаку. 7-я стрелковая рота лейтенанта Журавлева атаковала гитлеровцев с левого фланга и тыла. 9-я рота ударом с правого фланга отрезала и полностью уничтожила до роты противника. 8-я рота решительной атакой с фронта разрезала боевые порядки уцелевших фашистов на две части и во взаимодействии с другими подразделениями завершила их разгром.

Уже вечерело. С наступлением темноты бой затихал. Гитлеровцы, привыкшие к легким победам на Западе, пытались и на полях России в ночное время отдыхать. Но чувствовали себя неспокойно. Местность перед своим передним краем беспрерывно освещали ракетами, периодически, будто подбадривая себя, вели огонь из пулеметов.

…Справа алело зарево большого пожара. Пахло гарью, сухой землей и созревающими хлебами. В темном небе на большой высоте надсадно гудели вражеские бомбардировщики, летевшие на Москву.

Едва смолкло эхо только что закончившегося боя, как я получил от И. М. Некрасова приказ следовать в деревню Басманово. Он сообщил следующее: вечером из Басманово в расположение штаба полка прибежала девушка-комсомолка — дочь местного агронома — и принесла страшную весть: в полукилометре от деревни гитлеровцы нагнали большую группу подростков и всех до одного расстреляли. Двести детских трупов

осталось в поле. Фашисты после расправы над детьми ворвались в село, закрыли все выходы из него и начали грабить жителей, забивать скот. А потом устроили облаву на девушек.

Выслав разведку и охранение по пути движения, я приказал свернуть боевые порядки батальона и форсированным маршем выступить в направлении Басманово. Опускались густые сумерки, когда мы достигли указанного пункта.

Ни один фашистский гад не должен уйти живым! Таков был приказ. Таково было и общее решение бойцов.

Конечно, каждый понимал сложность нашей задачи, трудности ночного боя. Мы шли в неизученный район, на не известные нам силы противника. Но каждый был готов обрушить на извергов всю свою ненависть, отомстить им за их зверства.

Соблюдая все меры предосторожности, батальон скрытно, вплотную подошел к деревне. Этому помогло поле густой и высокой, в рост человека, ржи. Необходимо было использовать внезапность удара и быстроту действий.

От командира взвода разведки Чернова поступило сообщение: на восточной окраине села у противника бронемашина, противотанковое орудие, два станковых пулемета. В некоторых избах горит огонь, с центральной улицы доносятся голоса, женский плач и одиночные выстрелы (эти звуки доносились и до нас).

Я приказал Чернову, не обнаруживая себя, продолжать наблюдение за поведением противника, быть готовым по сигналу снять часовых и без единого выстрела захватить бронемашину, орудие и пулеметы, прикрывавшие въезд в село с нашей стороны.

Задача батальону была такая: 8-й роте с батареей старшего лейтенанта В. А, Шмонина, пулеметным взводом лейтенанта В. Ф. Маслова[6], взводом батальонной артиллерии и минометным взводом лейтенанта Журавлева обходом слева выйти на окраину деревни, чтобы закрыть противнику выход в западном направлении. Частью сил быть готовым отразить возможный подход противника со стороны Ельни. Командиру дивизиона Дубкову быть готовым двумя батареями поддержать действия 8-й стрелковой роты. Иметь два орудия для стрельбы прямой наводкой вдоль улицы — на случай отхода бронемашин противника. 7-й и 9-й ротам выйти справа и слева Басманово, занять исходное положение и быть в полной готовности к уничтожению противника.

В 2 часа 30 минут, сразу же после снятия часовых, дома, в которых находились фашисты, были окружены. Бойцы открыли огонь по окнам. Удар был настолько неожиданным и ошеломляющим, что эсэсовцы не знали, куда деваться. Гарнизон

был атакован со всех сторон. Использовались в основном гранаты, приклады и штыки. Стрелять было нельзя — кругом свои. За какие-нибудь полтора — два часа с вражеским батальоном было покончено. Были захвачены богатые трофеи, освобождены советские девушки.

Не успели мы закончить бой, как из 8-й роты сообщили, что со стороны Ельни к нам направляется мотоциклетная р «та, видимо, на помощь разгромленному батальону. Фашистов «гостеприимно» встретили рота Лаубаха, взвод батальонной артиллерии и батарея старшего лейтенанта В. А. Шмонина.

Но тут Лаубах допустил ошибку: он преждевременно открыл огонь, и противник повернул обратно. Удалось уничтожить лишь десять мотоциклов.

В общей сложности в этом ночном бою из техники противника мы уничтожили 2 бронемашины, 5 автомашин, 10 мотоциклов, 10 станковых и ручных пулеметов, захватили 10 мотоциклов, 3 станковых пулемета и 6 ручных и другое военное снаряжение.

Об этом эпизоде рассказывалось потом в дивизионной газете «В бой за Родину!». «Справедливая месть богатырей-сибиряков», — писала газета. Уже тогда слово «сибиряки» заставляло трепетать врага, приводило его в бешенство.

Несладко приходилось немцам. Через пять дней мы во взаимодействии с 1-м дивизионом 347-го артполка разгромили другой батальон эсэсовского полка «Великая Германия» — в селе Казанке. Рота лейтенанта М. В. Заики ворвалась на северную окраину села и нанесла по противнику неожиданный удар. На поле боя осталось 50 трупов вражеских солдат и офицеров, 3 орудия, 3 миномета, 2 станковых пулемета.

Вдруг с чердака школы открыл огонь немецкий пулемет. Рота залегла. Тогда секретарь комсомольского бюро полка заместитель политрука Дмитрий Васильевич Матросов пробрался к брошенной немцами противотанковой пушке, развернул ее и ударил по чердаку. Вражеский пулемет умолк. Рота поднялась в атаку. Затаившийся в канаве немецкий автоматчик приготовился дать очередь, но его опередил старший политрук секретарь партийного бюро полка Антон Осипович Пронин, вовремя метнувший в фашиста ручную гранату.

Не заметив обхода с флангов, гитлеровцы решили контратаковать нашу роту. Батальон эсэсовцев, впереди которого шагали автоматчики, надвигался на нас.

— Приготовиться! — скомандовал лейтенант Заика. Действия роты Заики поддерживала батарея старшего лейтенанта Шмонина.

— Ты вставай за первое орудие, я — за второе, — приказал своему помощнику сержанту Д. А. Сухоплюеву младший лейтенант Михайлов.

Снаряды разрывались прямо в боевых порядках гитлеровцев.

— Давай, давай! — гремел голос Сухоплюева, плечистого детины почти двухметрового роста.

Заряжающий красноармеец Михайлов, однофамилец командира взвода, смахивая рукавом гимнастерки с лица пот, посылал в казенник орудия снаряд за снарядом. Наводчик Филипп Григорьевич Кондратьев каждым снарядом метко поражал цель. Длинными очередями заливались станковые пулеметы младшего лейтенанта Соколова, Тихона Федоровича Безрукова. Цепи врага валились, словно подкошенные. С фланга эсэсовский батальон стремительно контратаковали роты лейтенанта Журавлева и старшего лейтенанта Лаубаха. Только немногим гитлеровцам удалось спастись бегством от ливневого огня пулеметчика 7-й роты Александра Николаевича Калмыкова.

586-й стрелковый полк сибиряков под командованием полковника Ивана Михайловича Некрасова с первых дней стал грозой для гитлеровцев, он беспощадно громил их отборные части.

О боевых делах полка и нашего батальона не раз писала армейская газета «Красноармейская правда». В заметке «Подразделение Козина заняло новый рубеж», помещенной под рубрикой «Некрасовцы беспощадно уничтожают фашистскую гадину», сообщалось: «После первых боев, когда некрасовцы уничтожили противника в районе К. (село Казанка — *Н. К.*), подразделения товарища Козина вновь встретились с фашистской ордой-пехотой. Враг не выдержал натиска отважных пехотинцев-сибиряков и бросился наутек, неся людские потери. В этом бою были взяты 2 немецкие бронемашины, 4 мотоцикла, оружие и боеприпасы.

27 июля бойцы, командиры и политработники этого подразделения, проникнутые непоколебимой верой в победу, с лозунгами за честь и свободу Родины вновь обрушили на врага всю силу и мощь советского оружия. Фашистские людоеды-захватчики, неся потери убитыми и ранеными, отступили. Славные орлы-сибиряки с боем заняли новый рубеж. Бойцы и командиры дрались с больши'-м — упорством и ожесточением.

«В любых боях не опозорим Красного знамени армии, победно понесем его через огонь Отечественной войны до полной победы над фашизмом», — говорят некрасовцы. Сказанные слова они претворяют в жизнь, воодушевляя своей храбростью, бесстрашием и мужеством всех бойцов и командиров нашей части

на новые подвиги. Вперед на врага! За нашу победу, товарищи некрасовцы!

В конце июля — начале августа бои в районе Смоленска и восточнее его приняли еще более напряженный характер. Сдерживать напор группы армий «Центр» становилось все труднее. Нашим подразделениям требовалась серьезная помощь.

С 20 июля по 23 августа части 107-й и 100-й дивизий вели ожесточенные бои с превосходящими силами дивизий СС «Райх», 15-й, 137-й, 268-й пехотных, с отдельными частями 10-й танковой, 17-й моторизованной.

Северо-восточнее Ельни бои не умолкали до 6 августа. За две недели воины 107-й стрелковой дивизии на рубежах Каськово — Городок — Басманово, Казанка — Ушаково разгромили эсэсовский полк «Великая Германия» дивизии «Райх» и 44-й пехотный 1.5-й дивизии. Остатки разбитых частей врага отступили и заняли оборону.

Первые успешные сражения вдохновили сибиряков на решительную борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

30 июля 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о создании Резервного фронта во главе с генералом армии Г. К. Жуковым. В его состав вошла и 24-я армия. В первых числах августа в районе Дорогобужа, где мы находились, побывал Г. К. Жуков. Он тогда говорил: «Вот что, сибиряки, на вас партия и правительство возлагают большие надежды. Немецкая армия рвется к Москве. Наша задача сейчас — разгромить Ельнинскую группировку противника, выиграть время, дать возможность подтянуть войска из глубины страны, чтобы затем перейти в решительное контрнаступление и разгромить группу армий «Центр» генерал-фельдмаршала Бока».

Активные действия наших войск вынудили группу армий «Центр» в соответствии с директивой Гитлера № 34 от 30 июля 1941 года перейти в конце июля — начале августа к обороне на главном стратегическом направлении — смоленско-московском.

План молниеносной войны дал существенную трещину. Способствовала этому и 24-я армия, в том числе и наша 107-я дивизия. Своими решительными действиями она нанесла гитлеровцам большой урон.

Используя передышку, фашистское командование стягивало войска в район Ельни, совершенствовало оборону. Дальнейшее накапливание сил врага на этом выступе, глубоко вклинившемся в наши боевые порядки, таило серьезную опасность для нас.

Выполняя директиву Ставки Верховного Главнокомандования, Военный совет Резервного фронта принял решение разгромить противника и ликвидировать Ельнинский

выступ. Проведение этой операции возлагалось на 24-ю армию генерал-майора Константина Ивановича Ракутина. Ее части наступали на Ельню с северо-востока. Навстречу им с юго-востока двигалось несколько соединений 43-й армии.

Военный совет армии выпустил Обращение к бойцам, командирам, политработникам. В нем говорилось: «Отважные воины Красной Армии! Фашистские изверги обагрили кровью нашу родную советскую землю, они насилуют женщин, разрушают города и села, убивают стариков и детей. Эти палачи хотят растоптать своими кровавыми сапогами свободную, социалистическую жизнь, вернуть в нашу страну помещиков и капиталистов, превратить народы нашей Родины в рабов немецких князей и баронов. Не выйдет! Не бывать этому никогда!…Пусть в сердце каждого бойца, командира, политработника ярким пламенем горит священная ненависть к злейшему врагу человечества — фашизму. Отомстим палачам за кровь и слезы наших матерей, жен и детей, за разрушенные и сожженные села. На вас с надеждой и верой в нашу победу смотрят миллионы граждан Советского Союза, отдавших все свои силы для фронта, для победы. Враг будет разбит и разгромлен. За наших матерей, жен и детей! За нашу честь, свободу и любимую Родину! Вперед на полный разгром фашистских оккупантов!»[7]

В полках и дивизиях развернулась подготовка к наступлению. Уточнялись задачи, дорабатывались вопросы взаимодействия с соседями и поддерживающими частями. Во всех полках состоялись партийные и комсомольские собрания, митинги.

В ответ на Обращение Военного совета воины твердо заявили: «Враг будет разгромлен. Будем бить его беспощадно».

Красноармейцы писали заявления с просьбой принять их в партию: «Хочу идти в бой коммунистом. За дело партии, если потребуется, отдам свою жизнь не задумываясь…»

Пять суток днем и ночью шла кропотливая работа. Артиллерия, минометы, пулеметы заняли свои позиции. Были подвезены боеприпасы. В траншеях отрыты ступеньки для облегчения быстрого броска в атаку. Много потрудились и разведчики и саперы. На рассвете 8 августа после артподготовки 586-й и 765-й полки нашей дивизии атаковали противника на рубеже Старое Рождество — Черемисино и овладели первой траншеей, по дальше продвинуться не могли. Было принято решение прекратить атаки и подготовиться для наступления под прикрытием движущегося в сторону противника огневого вала. Это был испытанный, оправдавший себя метод ведения боя: противник лишался возможности маневрировать живой силой и огневыми средствами.

Через два часа бой возобновился. Гул артиллерийской канонады потряс землю. Бойцы, прижимаясь к разрывам своих снарядов, бросились в атаку. Наш батальон и батальон старшего лейтенанта Э. Х. Люманова овладели селом Старое Рождество, а батальоны старших лейтенантов Лобова и Шереметьева 765-го стрелкового полка — селом Черемисино. Гитлеровцы оказывали яростное сопротивление, жестокие контратаки следовали одна за другой. Противник всеми силами стремился задержать наше продвижение, бросал в бой свежие резервы.

На помощь нам пришла батарея реактивных минометов. После трех ее залпов враг стал «сговорчивее». Все вокруг было завалено трупами солдат, офицеров и техникой врага. Эсэсовская дивизия «Райх» потерпела серьезное поражение. Ее потрепанные части стали откатываться назад, на рубеж Никифорово — Пушкино.

К исходу дня наша дивизия продвинулась на 25 километров, освободив несколько населенных пунктов.

На рубеже Митино — хутора Иваненский — Кусаловка — Вязовка, куда вошли наши части, гитлеровцы, используя авиацию и танки, попытались дать решительный бой, но успеха не имели.

3-й батальон и батальон Люманова, отразив контратаки врага, после упорных боев овладел Кусаловкой, а батальоны Шереметьева и Лобова — Вязовкой.

По всему восьмикилометровому фронту в полосе наступления дивизии бои не утихали ни днем ни ночью. Над боевыми порядками наших войск непрерывно висела вражеская авиация, на них обрушивались контратаки эсэсовцев, поддержанных артиллерией и танками. Но, ломая сопротивление противника, наши части шаг за шагом освобождали родную землю: за трое суток продвинулись на 40 километров в юго-западном направлении и создали угрозу нанесения удара во фланг и тыл Ельнинской группировки противника. Разгром дивизии «Райх» был завершен. Гитлеровцы потеряли до 1500 солдат и офицеров только убитыми и вдвое больше ранеными. Было уничтожено 17 танков, 21 орудие, 28 минометов, 36 пулеметов, 4 склада, 80 автомашин, сбито 10 самолетов[8]. Жалкие остатки дивизии в ночь с 10 на 11 августа были срочно выведены из боя. Ее сменила пополненная 15-я пехотная дивизия.

Нелегко нам приходилось сдерживать натиск фашистских орд. У нас не хватало боеприпасов, особенно бронебойных снарядов. Но и немцам доставалось. Настроение их резко падало, о чем мы могли судить по письмам, которых немало попадало в политотдел дивизии и в штаб полка. Тон писем становился все более грустным, в них встречались и такие фразы: «Это не

Франция», «Русские упрямы…». Вот строки из письма одного солдата: «…Четвертый год я в армии, из них два на войне. Но не только мне, но и другим начинает казаться, что настоящая война началась только сейчас. Вчерашний бой не похож на сегодняшний, а что будет завтра? Русские, особенно сибиряки, дерутся не на жизнь, а на смерть…»

В атаку гитлеровцы шли уже с большой опаской, не то что в первые дни, когда шагали в полный рост.

Но как бы то ни было, а обстановка для нас была напряженной, требовалось принятие срочных мер. Необходимо было развить успех 107-й дивизии, активизировать действия войск и на других участках, сковать силы противника и не дать ему возможности перебрасывать резервы на направление главного удара. Военный совет 24-й армии срочно перегруппировал силы, в бой вводил свежие подразделения.

И со второй половины августа сражение разгорелось с новой силой. Преодолев сопротивление противника, 103-я мотострелковая и 102-я танковая дивизии продвинулись в юго-западном направлении. На одном из участков нашему наступлению сильно мешала господствующая над местностью высота 251,1. Командир полка поручил взять ее батальону старшего лейтенанта Э. Х. Люманова. Выполнить эту задачу фронтальным ударом было невозможно. Люманов создал сильную сковывающую группу. Массированным огнем она подавила огневые средства противника. Двумя ротами батальон охватил высоту с флангов, окружил врага и в упорном бою, длившемся почти весь день, разгромил его.

Необходимо было не только удержать захваченный рубеж и высоту 251,1, но и развивать дальнейшее наступление. Поэтому командир полка И. М. Некрасов ввел в бой 3-й батальон, который поддерживали 1-я и 2-я батареи 1-го дивизиона 347-го артполка, пулеметная рота В. Ф. Маслова и взвод минометной роты.

Четко взаимодействуя, 1-й и 3-й батальоны стремительным ударом сумели прорвать оборону противника и завязали бой за село Гурьево. Это был памятный бой. Гитлеровцы оказали яростное сопротивление, но и наши подразделения дрались успешно. 9-я рота лейтенанта В. М. Заики при поддержке 3-й батареи лейтенанта А. И. Данилова из 347-го артиллерийского полка обошла противника и ворвалась в село. Гитлеровцы здесь потеряли около 300 солдат и офицеров.

Еще шел бой в Гурьево, когда мы заметили, что движется автоколонна врага. Я приказал развернуть орудия 1-й и 3-й батарей и минометной роты и открыть огонь по автоколонне. Около 20 немецких автомашин с пехотой были полностью

уничтожены. Особо здесь отличились наши земляки-солтонцы минометчики И. А. Гаврилов, Г. И. Жданов, П. Л. Бондин.

Но фашисты не оставили нас в покое. Село Гурьево несколько раз переходило из рук в руки. Взбешенные неудачами фашисты подтягивали сюда новые и новые силы, решив во что бы то ни стало уничтожить нас. 3-й батальон был окружен с трех сторон во много превосходящими силами противника. Сложилась очень тяжелая обстановка на всем левом фланге нашего полка. Перед каждой контратакой гитлеровцы вели мощный артиллерийско-минометный огонь, предпринимали массированный налет авиации.

Чтобы не дать полностью окружить батальон, оказаться во вражеском кольце, организовали группу бойцов для прикрытия с тыла, а с другой, открыв ураганный огонь, пошли в атаку. Гитлеровцы в панике заметались. Воспользовавшись этим, мы усилили удар. В этом бою 21 августа батальон уничтожил более двухсот фашистов. Трое суток не затихали схватки. Несмотря на численное преимущество, враг терпел поражение. Эсэсовцам не удалось окружить нас. Необходимо особо отметить комиссара батальона Никифорова, который все время находился в гуще красноармейцев, личным примером вдохновлял их на разгром врага. Но, к великому несчастью, в одной из атак он был сражен пулеметной очередью.

Когда наш батальон уже добивал эсэсовцев полка «Великая Германия» в селе Гурьево, 485-й полк 268-й пехотной немецкой дивизии сделал попытку прорваться к нам в тыл и снова взять в кольцо. Маневр фашистов был разгадан. 1-й и 2-й батальоны 630-го стрелкового полка под командованием младшего лейтенанта П. Снегурова и старшего лейтенанта И. Кудашкина и батальон старшего лейтенанта Э. Х. Люманова обошли врага с флангов, окружили его юго-восточнее Гурьева и в многочасовом бою разгромили. Люманов вышел на правый фланг моего батальона и прикрыл его от возможного удара с запада.

За трое суток боев 15-я пехотная дивизия врага была сильно потрепана. Ее сменила вновь пополненная эсэсовская дивизия «Райх».

Полки «Великая Германия» и «Фюрер» намеревались с ходу контратаковать наши позиции. Разведчики младшего лейтенанта Фокина из нашего полка в период смены немецких частей дерзким налетом захватили двух гитлеровцев. Один из них оказался из полка «Великая Германия».

И. М. Некрасов немедленно доложил об этом командиру дивизии, информировал соседей. И как только эсэсовцы двинулись в контратаку, четыре наших артиллерийских полка,

вся артиллерия стрелковых частей, минометы, отдельный истребительный противотанковый дивизион, и батарея реактивных минометов обрушили на их головы мощный огонь. Контратака гитлеровцев сразу же захлебнулась. Понеся огромные потери, немцы отошли.

Как показали пленные, немецкое командование считало, что в этом направлении действуют большие силы русских. Потому-то Гитлер и бросал сюда отборные части. Уже в начале сентября он собирался устроить парад на Красной площади в Москве.

— Устроим мы фашистским гадам парад! — говорили наши бойцы и еще смелее шли в атаку, еще мужественнее дрались. И всегда впереди оказывались политруки, комиссары и первыми шли на врага.

Вообще должен сказать, что в наших боевых успехах партийно-политическая работа играла огромную роль. Она велась непрерывно и целеустремленно. Вот что писал в конце августа 1941 года в политдонесении политуправлению Резервного фронта начальник политотдела армии дивизионный комиссар К. К. Абрамов: «Хорошо организована партийно-политическая работа в 586-м полку 107-й стрелковой дивизии, где комиссаром полка старший политрук В. А. Алтухов, который правильно нацеливает партполитаппарат на выполнение стоящих перед частью задач… Этот полк по боевым действиям занимает первое место среди частей, участвующих в боях»[9].

…Бои на подступах к Ельне не затихали. Немцы вводили в сражение свежие части и подразделения. Земля была завалена трупами немецких солдат и офицеров, сожженными танками, разбитыми орудиями, минометами, пулеметами, сгоревшими самолетами и машинами.

Ряды советских воинов тоже таяли. Медсанбаты были переполнены ранеными. Но каждый день рождал новых героев.

Вот только один из множества примеров. Шел бой за Гурьево. Немцы предприняли очередную контратаку. Обстановка для нас сложилась очень трудная, особенно в 7-й роте. Спас положение пулеметчик Александр Калмыков, который, заняв удобную позицию, косоприцельным губительным огнем прижал к земле фашистов. Те пытались подобраться к нему то с одной, то с другой стороны, но безрезультатно. После отражения двух контратак патроны у Калмыкова оказались на исходе, и он прекратил огонь. Немцы, решив, что пулеметчик убит, стали наступать смелее. Но Калмыков выжидал лишь удобного момента: подпустив противника на близкое расстояние, он вновь открыл огонь. Из полусотни фрицев почти никто не ушел назад.

Стойкость и мужество русского солдата бесили гитлеровцев.

Пленный 15-й пехотной дивизии не случайно признался: «Как только мы попытаемся преодолеть западный заболоченный берег речушки Ужа, ваши солдаты немедленно начинают поливать нас ружейно-пулеметным и минометно-артиллерийским огнем. И все наши попытки не дали положительных результатов. Потери от вашего огня велики, нигде таких потерь мы не несли, нигде мы не видели такой стойкости, такого воинского упорства.

Мы уже совсем было атаковали ваш левый фланг юго-восточнее Гурьева, но никакая сила не смогла сдвинуть русских с их позиций…»

Самоотверженно дрались Иван Санников, Михаил Моисеев, Петр Чепкасов, Яков Пинаев, Павел Болдин и многие другие герои из Солтонского района Алтая.

…Обстановка в двадцатых числах августа на нашем участке фронта обострилась. Враг наседал без передышки. Лавины гитлеровцев под прикрытием танков, при поддержке артиллерии и минометов обрушивались на нас. Но успеха не имели.

24 августа я по приказу командарма принял 85-й полк 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии. Поэтому о дальнейшей судьбе бойцов 3-го батальона не мог знать. Многое узнал уже значительно позже. В 1965 году я случайно встретился с бывшим политруком, ныне подполковником запаса И. В. Горбачевым. Многое он мне рассказал, и в частности о подвиге командира взвода батальонной артиллерии лейтенанта Михайлова…Шесть гитлеровских автоматчиков наступали на Михайлова. Двух он убил, но сам был ранен, однако продолжал стрелять. Когда кончились патроны, Михайлов встал, поднял руки. Двое автоматчиков приблизились к нему. Подпустив их вплотную к себе, Михайлов одного кулаком, другого коленом сбил с ног, выхватил у одного гитлеровца автомат, открыл огонь по двум другим. В это время оставшийся в живых фашист смертельно ранил героя.

В 1967 году я получил письмо от бывшего командира батареи 347-го артиллерийского полка старшего лейтенанта В. А. Шмонина. Он писал: «…Я хорошо помню почти все бои, в которых участвовал 3-й батальон, который все называли «истребительным», он и впрямь здорово истреблял гитлеровских гадов…»

В январе 1968 года мне прислал письмо бывший комиссар полка подполковник запаса В. А. Алтухов, проживающий в Полтавской области: «Я часто вспоминаю тяжелые бои под Ельней. Крепко дрался ваш 3-й батальон. Тогда на стороне противника были большие преимущества, особенно в танках и авиации. Но мы не только выстояли, но и били противника. Мне в

вашем батальоне пришлось быть дважды. Можно ли забыть ночной бой при уничтожении передового отряда 15-й пехотной дивизии противника в Басманово? Второй раз с вами совершал марш-бросок в направлении станции Глинки, у которой произошел встречный бой с батальоном 17-й моторизованной дивизии гитлеровцев… Ваш батальон тогда здорово с ходу атаковал противника…»

Атаковать и разбить более сильного врага — дело нелегкое. При выполнении заданий мы часто прибегали к ночному бою. Почему? Своими ночными действиями мы сводили на нет преимущество противника — исключали применение им танков и авиации, навязывали ему свой метод боя.

Днем нам труднее было добиваться успеха. Хотя наши артиллеристы умело стреляли прямой наводкой и с закрытых позиций, бойцы искусно применяли противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью, но танк с его вооружением и броней остается танком, хотя смелости и героизма нашим воинам не занимать.

Помню, 9 августа в наш батальон, в район западнее деревни Кусановки, прибыл командир дивизии полковник Павел Васильевич Миронов. В это время с медпункта в свою 9-ю роту следовали перевязанные бойцы Санников и Хоржавин.

— Почему вы не в медсанбате? — поинтересовался

Миронов.

— Конечно, тяжело, товарищ полковник, но как вспомнишь, что фашистская нечисть к Москве протягивает свои грязные лапы, как подумаешь, что они могут топтать Красную площадь, то поверьте, и рана перестает болеть и про усталость забываешь.

— Здесь тяжело, но и в глубоком тылу людям не легче, — добавил Хоржавин. — Вот мы и крепимся. Семь — десять дней назад в нашем батальоне было около пятисот человек, сейчас половины их нет. Можно ли нам быть в санбате?

О жарких боях с фашистами вспоминает в своих письмах и бывший инструктор пропаганды 586-го стрелкового полка старший политрук Василий Иванович Тайков:

«Много лет прошло с тех пор, как расстались мы в районе деревни Гурьево, где шли страшно кровопролитные бои с превосходящими силами противника, но я все помню. Тем более, что недавно мне пришлось побывать на местах боев. Эти бои мне запомнились лучше других. Был в Быково, Ушакове, Дубовежбе, Никифорове, Гурьево, на знаменитой высоте 251,1, в березовой роще, где ваш батальон разгромил немецкий батальон 15-й пехотной дивизии, на станции Глинка, где батальон провел удачный бой с передовым отрядом 17-й мотодивизии

противника».

Глава третья. От Ельни до Северного Донца

Жестокие, кровопролитные бои шли по всему фронту 24-й армии. Враг подтягивал свежие резервы, теснил наши части. Во второй половине августа 1941 года нам пришлось оставить ряд населенных пунктов. Создалась реальная угроза более глубокого прорыва немцев к Москве.

Самоотверженно, стойко сражались наши воины, но события на отдельных участках развивались не в их пользу.

24 августа я принял командование 85-м стрелковым полком 100-й стрелковой дивизии генерала И. Н. Руссиянова, с которым познакомился еще в 1932 году.

Жаль было расставаться со своим 3-м батальоном, который передал старшему лейтенанту И. М. Огневу. Боевые товарищи, с которыми не раз ходил в атаку и с которыми переживал горести и радости, тепло меня провожали. В подарок от командования дивизии я получил карманные часы с надписью: «Богатырю Отечественной войны от коллектива крайместпрома гор. Красноярска. 1941 год»[10].

…Во второй половине дня 24 августа я прибыл на командный пункт 100-й дивизии, который размещался в березовой роще юго-восточнее деревни Шебяки (район Ельни).

— Как добрались? — спросил Иван Никитович Руссиянов.

— Как видите, товарищ генерал: жив-здоров.

— Обстановка, капитан, трудная. Из одного блиндажа в другой не всегда удается добраться… О ваших делах кое-что читал в «Красноармейской правде» и «В бой за Родину».

100-я ордена Ленина стрелковая дивизия — одно из старейших соединений Советской Армии, прошедших суровую школу борьбы за Советскую власть с силами внешней и внутренней контрреволюции. Дивизия была сформирована из частей 44-й и 45-й Волынской стрелковых дивизий 23 ноября 1923 года как 45-я «Б» стрелковая дивизия. 24 апреля 1924 года она была переименована в 100-ю стрелковую дивизию. Дивизия обладала боевым опытом, имела свои традиции. В памяти и командиров, особенно старших, и красноармейцев жил незабываемый образ народного героя Николая Щорса — первого командира 44-й дивизии.

В сентябре 1939 году дивизия участвовала в освободительном походе в Западную Белоруссию.

В ноябре 1939 года финская белогвардейщина

спровоцировала войну с Советским Союзом. В отпоре кровавой авантюры клики Маннергейма принимала участие и 100-я стрелковая дивизия, которая разрушила 22 дота и 46 дзотов противника, за что была награждена в марте 1940 года орденом Ленина. При прорыве броневой (бетонной) системы укреплений «линии Маннергейма», о которой иностранные военные инженеры заявляли, что-«такую линию никакая армия в мире не может разбить», бойцы и командиры проявили невиданную храбрость, героизм и умение, взяли всю цепь крепостей и разбили врага.

В славных боевых делах дивизии немалая заслуга была и 85-го стрелкового полка, которым мне предстояло командовать.

В конце нашей беседы Руссиянов сказал мне:

— Сейчас обстановка сложнейшая. Трудное положение и в 85-м полку. Нет комиссара. Из командиров батальонов только один, да и тот молодой. Не все есть командиры рот и взводов. Транспорту авиация и арт-огонь противника нанесли большой урон. А мы, капитан, должны быть в любую минуту готовы к наступательным действиям по разгрому Ельнинской группировки гитлеровцев. Сейчас обязанности командира полка временно исполняет начальник штаба майор Иван Пантелеймонович Шуляк. Полк кое-что дополучит, а мой комиссар Кирилл Иванович Филяшкин поможет вам подобрать комиссара.

Я не мог не заметить, что генерал почувствовал мое не совсем боевое настроение — принять полк в таком состоянии! Не буду кривить душой, настроение у меня действительно было тогда не ахти какое. В эти минуты мне еще раз вспомнился 3-й батальон: ведь мы постоянно вели бои, отбивая одну за другой атаки противника, и часто сами переходили в контратаки, крепко били гитлеровцев. Очень жарко нам приходилось, и все-таки батальон оставался боеспособным.

— Ничего, товарищ Козин! Основа есть, а остальное зависит от нас, командиров.

С наступлением темноты я в сопровождении офицера связи отправился в штаб полка, который размещался в роще чуть севернее деревни Митино. Чувствовал себя неспокойно, заботило то, что полк не укомплектован.

Офицерский состав в большинстве своем был в сборе, ожидали меня. После знакомства я сказал, что командир дивизии обещает помочь дополнительно личным составом, оружием и боеприпасами, боевой техникой и поэтому особое внимание следует обратить на новичков: выяснить, все ли в достаточной степени владеют оружием, научить их, что делать при налете авиации, как бороться с танками противника, научить действиям в ночных условиях.

— О неподготовленных мне докладывать, в бой не посылать.

Указывал я и на серьезность вопроса подгонки снаряжения, в частности, чтобы одежда и обувь были по возможности по размеру. А то как иногда бывает: пошел человек в бой, натер ногу — и он уже неполноценный боец. Или одежда: то тесна — жмет, то широка — болтается, а это тоже мешает нормально вести бой, особенно в наступлении.

— За это несут полную ответственность заместитель командира полка по материальному обеспечению и старший врач А. С. Ванштейн.

Вскоре на должность комиссара полка прибыл старший батальонный комиссар Николай Михайлович Волобуев, который имел опыт работы в мирное время в кавалерийском полку. Стало легче, появилась возможность больше времени уделять изучению обороны противника, разведке, а также боевой подготовке командиров и красноармейцев, особенно отработке вопросов прорыва обороны противника, взаимодействия подразделений — как своих, так и приданных, и ввода в бой второго эшелона полка и подвижной группы противотанкового заграждения с артиллерией.

Политработники под непосредственным руководством Н. М. Волобуева стали более оживленно вести политико-воспитательную работу. Широко пропагандировался личный пример героизма однополчан, не однажды умело и храбро дравшихся с противником, сержанта Василия Сазонова, политрука Оськина, комсорга полка младшего политрука Василия Якушкина[11] и других.

В боевой обстановке время чувствуется настолько остро и напряженно, что приходится постоянно не только учить других, но и самому учиться. Точно не помню, но кажется, 26 августа с наблюдательного пункта иду на командный. Навстречу два генерала. Одного сразу узнал — Руссиянов. Кто же второй? Оказалось, что это был командующий 24-й армией генерал-майор Константин Иванович Ракутин.

— Введите нас на свой наблюдательный пункт, — приказал он.

— Товарищ генерал, туда очень трудно попасть: нужно пройти мостик через Ужу, а он обстреливается артиллерийско-минометным огнем противника.

— Вы что же, боитесь? А я о вас был другого мнения…

С немалым риском мы добрались до наблюдательного пункта. Там командующий дает мне несколько задач.

Я их решил.

— Этот капитан сумеет управлять полком в бою, —

обращаясь к Руссиянову, заключил Ракутин. А затем снова ко мне:

— А зачем вы шли на командный пункт?

— Просить разрешения у командира дивизии на разведку боем, ведь о системе обороны противника на этом участке нам не все известно…

Разрешение на разведку боем я получил и начал ее осуществлять 28 августа. В ходе разведки нам удалось уточнить систему огня и расположение огневых точек противника, а также установить, что Гурьево и участок юго-западнее являются сильно укрепленным опорным пунктом противника, взять который можно только при хорошей подготовке и сильной артиллерийской обработке. До этого деревня уже не раз переходила из рук в руки.

Выполнив все подготовительные работы, произведя необходимую перегруппировку сил, наша дивизия во взаимодействии с другими соединениями 24-й армии 30 августа после сильной артиллерийско-минометной подготовки перешла в решительное наступление.

Преодолевая упорное сопротивление противника, наш полк метр за метром вгрызался в его оборону. И как ни яростно фашисты отбивались, подтягивая все новые и новые силы мотопехоты, артиллерии, танков, совершая авианалеты, устоять им не удалось. Наши бойцы и командиры дрались с невиданным упорством, проявляли чудеса храбрости, они понимали, что за спиной Москва — сердце нашей Родины.

Вот один из примеров. Рядовому 4-й роты 2-го батальона комсомольцу-добровольцу ленинградцу Сашко осколком мины оторвало правую руку. Сашко схватил винтовку левой, поднялся и с криком «Вперед, товарищи!» бросился на врага. Даже тяжело раненный, он не отступил, продолжал драться, пока, истекая кровью, не потерял сознание и не упал.

4-я, 5-я и 6-я роты под прикрытием артиллерийско-минометного огня, увлеченные небывалым примером Сашко; стремительным броском овладели первой траншеей противника и углубились в его оборону. Для развития успеха наступления я приказал ввести в бой 2-й эшелон полка. В этот момент своевременной оказалась и помощь командира дивизии, который ввел в бой 355-й стрелковый полк майора З. С. Багдасарова.

2 сентября И. Н. Руссиянов, подводя итоги двухдневного боя, отметил:

— Жаркий, кровопролитный был бой у деревни Гурьево. 85-й полк успешно выполнил свою задачу, штурмом овладел сильно укрепленным вражеским узлом. В этом большая заслуга командования и политаппарата полка, решительность и

бесстрашие личного состава.

Необходимо отметить действия 9-й стрелковой роты лейтенанта Г. С. Богданова. Бойцы, увлеченные своим командиром, при поддержке полковой батареи старшего лейтенанта Богомазова и 5-й батареи 246-го гаубично-артиллерийского полка лейтенанта В. Ф. Титаренко, отразив две яростные атаки противника, перешли в контратаку и в рукопашной схватке решили исход боя.

Оборона противника в районе Гурьево была прорвана. Это подняло дух у наших бойцов, окрылило их. Но и прибавилось ненависти к поработителям. Ведь что осталось от деревни? Выбив из нее на рассвете немцев, мы увидели страшную картину: большинство изб сожжено дотла, только могильно торчат печи, повсюду тела расстрелянных гитлеровскими извергами ни в чем не повинных советских людей. Менее половины жителей осталось в живых, это те, кто успел спрятаться в погреба. В одной из печей бойцы обнаружили трехлетнего мальчика, в другой — грудного ребенка, убитых фашистами. А у колодца насчитали 13 обугленных и и изуродованных трупов советских воинов. Жители рассказали, что эти бойцы попали к фашистам в плен тяжело раненными. Уж как только не издевались над ними фашистские палачи!

Весь личный состав полка на стихийно возникших митингах поклялся еще крепче бить врага, беспощадно мстить за кровь и слезы наших людей. Бойцы брали пример бесстрашия со своих командиров капитанов Федора Коврижко и Василия Тыртычного. На счету их было 16 вражеских танков, которые они сожгли за три дня июньских боев под Минском. Коврижко и Тыртычный доказали: танк — он грозен только с виду, а на деле для бойца, умеющего бороться с ним, он не так уж страшен.

* * *

Оценивая положение, создавшееся на центральном участке Восточного фронта, немецкое Верховное главнокомандование в своей директиве указывало: «Первоочередная задача на данном участке состоит в том, чтобы ликвидировать вклинившиеся на запад фланговые позиции противника, сковывающие довольно крупные силы пехоты группы армий «Центр»…

Цель данного наступления состоит в том, чтобы еще до наступления зимы овладеть всем комплексом государственных экономических и коммуникационных центров противника в районе Москвы и тем самым лишить его возможности

восстановить разгромленные силы и нарушить работу аппарата государственного управления»[12].

Для того чтобы совершить следующий скачок и попытаться выполнить гитлеровский план захвата Москвы, фашистская армия должна была привести себя в порядок, и подтянуть свежие силы. Исходным плацдармом для броска на Москву немецкое командование считало глубоко вдавшийся в расположение наших войск выступ в районе Ельни. В 1948 году мне довелось еще раз побывать в районе Ельни и я убедился, что этот район являлся действительно весьма благоприятным для сосредоточения наступательной группировки противника. Сама Ельня расположена в котловине, окруженной со всех сторон в радиусе 9—10, а местами до 15 километров высотами. Город имел хорошо развитую во всех направлениях дорожную сеть. Противник укрепился на командных высотах и занимался подготовкой «решительного наступления».

3 сентября наш полк захватил и пересек шоссейную дорогу Ельня — Смоленск, а 5 сентября — железную дорогу и 6 сентября вышел в район деревень Плешковки и Леонидово, что юго-восточнее Ельни. 19-я, 100-я, 107-я стрелковые дивизии являлись основной ударной силой северной группы наших войск, осуществлявших разгром Ельнинской группировки противника.

Бои под Ельней были тяжелыми и изнурительными. Противник встретил наши наступающие войска плотным артиллерийским и минометным огнем. Командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков ввел в действие всю наличную авиацию, танки, артиллерию и реактивные минометы. Боевые действия не прекращались ни днем ни ночью. В результате успешных действий всех наших соединений, участвовавших в боях, к 4 сентября Ельнинская группировка гитлеровцев оказалась полуокруженной, а 6 сентября наши войска вошли в Ельню.

Опасный плацдарм был ликвидирован. Врагу дорого обошлась попытка удержать Ельнинский выступ. Всего за период боев в районе Ельни было разгромлено до пяти фашистских дивизий, противник потерял убитыми и ранеными 45–47 тысяч человек, большое количество пулеметов, минометов и пушек. По показаниям пленных, в некоторых частях минометов и артиллерии не осталось совершенно. Танки и авиацию в последнее время противник применял отдельными группами и только для отражения наших атак на важнейших участках[13].

Под Ельней немецко-фашистские полчища потерпели первое крупное поражение, наголову были разгромлены 10-я танковая, 17-я моторизованная и 15-я пехотная немецкие дивизии.

Это были бои, когда наши бойцы и командиры проявляли

невиданный в истории человечества массовый героизм. Враг вводил в сражения новые части — 157-ю, 178-ю, 268-ю и 292-ю пехотные дивизии, но неизменно терпел поражение за поражением. Значительное подкрепление, полученное немцами, не остановило наступательного порыва наших войск, хотя мы также несли большой урон. Медсанбаты дивизий были переполнены ранеными. Врачи боролись за жизнь каждого человека. Уже после войны военврач 3-го ранга 107-й дивизии Нина Федоровна Тяжкун рассказывала мне: «Помню, как военврач 2-го ранга Веселицкий 36 часов подряд не отходил от операционного стола. Трое суток бессменно оперировала раненых военврач 3-го ранга Наталья Ивановна Лузгина. То же самое можно сказать и о командире медсанбата военврача 2-го ранга Лалетине».

Напряженное положение было в медсанбате и 100-й дивизии, куда поступали раненые и из 107-й дивизии, о чем сообщал врач 85-го стрелкового полка Арсений Семенович Ванштейн. Врачи делали все возможное, не жалели сил и добивались своего: из ста раненых 70–75 человек вновь возвращались в строй, чтобы продолжать громить врага. Только спасибо можно сказать нашим мужественным врачам.

С ликвидацией Ельнинского выступа был нанесен удар мифу о непобедимости немецкой армии.

Это, несомненно, была большая победа. Ее значение сказалось в дальнейшем ходе событий. Правда, в октябре противник снова овладел Ельней и прорвался на восток, но время, которое мы выиграли у врага, сработало на нас. Враг понес потери и отступил на Запад. Наши войска до 15 сентября продолжали преследовать противника.

Ничего не вышло у Гитлера с планом «молниеносной» войны. А как фашисты на это рассчитывали! Еще 3 июля гитлеровский генерал — начальник штаба сухопутных войск — Гальдер записал в своем дневнике: «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена… восточнее Западной Двины, Днепра мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, каждая в отдельности, по своей численности не могут серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней»[14].

Одного не учли гитлеровские «стратеги»: Россия — страна социализма и в этой стране живет человек раскрепощенного, свободного труда. А такого человека победить нельзя.

Нельзя не сказать о постоянной заботе нашей партии и

правительства, которую они проявляли о повышении политико-морального состояния войск. Только за первые три месяца войны по решению партии на политработу в армию и на флот было мобилизовано свыше 95 тысяч наиболее подготовленных в военном отношении коммунистов и комсомольцев, для укрепления рядов начальствующего состава — 47 тысяч руководящих партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. К концу 1941 года в Красной Армии и Военно-Морском Флоте было 1027 тысяч коммунистов и 1742 тысячи комсомольцев[15]. Это люди высокой сознательности, образцы преданности партии и народу. Они явились той цементирующей силой, которая делала нашу армию-освободительницу самой сильной армией в мире. И сила ее заключается в том, что она отстаивает интересы своего трудового народа, правое дело.

После ельнинского сражения части нашей дивизии по приказу командующего 24-й армией к утру 7 сентября сосредоточились в районе Токарево — Замошье — Чанцово, поступив во фронтовой резерв. В тот же день дивизия была направлена на доформирование в Воронеж, куда она прибыла 12 сентября. С исключительной теплотой встречали трудящиеся города бойцов нашей дивизии — освободителей Ельни. Перрон заполнен народом. У всех цветы, фрукты, овощи, которые преподносились бойцам. Для личного состава дивизии были приготовлены помещения, заботливо убранные цветами, украшенные картинами.

Лишь пять дней пробыла дивизия в Воронеже, а 85-й полк и того меньше — уже на третий день он убыл. Дивизия была пополнена, хотя и не полностью в достаточной мере боевой техникой и вооружением. Из добровольцев народного ополчения был сформирован отдельный полк, состоявший в большинстве своем из коммунистов и комсомольцев. Возглавил полк бесстрашный командир, дважды орденоносец полковник Михаил Емельянович Вайцеховский.

К середине сентября сложилась тяжелая обстановка на юго-западном направлении советско-германского фронта. Против наших войск, закрепившихся на рубеже западнее линии Брянск — Новозыбков южнее Гомеля и далее по восточному берегу Днепра и удерживавших небольшой плацдарм на западном его берегу в районе Киева, началось новое наступление немецко-фашистских войск в направлении Харькова. Противник фланговыми ударами создал угрозу окружения наших войск восточнее Киева. Гитлеровцы спешили победоносно закончить к осени свой поход. В этой обстановке Верховное Командование приказало

перебросить нашу дивизию на Украину в район Ромны — Лебедин, где собиралась ударная группировка для нанесения удара по противнику. Противник, обнаружив передвижение наших войск, непрерывно совершал налеты на железнодорожные станции, обстреливал и бомбардировал эшелоны в пути их следования. Наш эшелон не раз давал отпор воздушным пиратам из счетверенных зенитно-пулеметных установок. Один из «мессершмиттов» был сбит сержантом Николаем Чижовым.

18 сентября части дивизии закончили сосредоточение в районе Межеричи — Михайловка — Лебедин, где, войдя в состав 2-го кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, получили задачу занять исходное положение на рубеже Коровинцы — Сакуниха для наступления в направлении Ромны.

Прибыв в указанный район, дивизия совместно со 2-м кавалерийским корпусом вступила в бой и мужественно сдерживала яростный натиск вражеских полчищ, в их числе и танков Гудериана. И хотя силы были слишком неравны, мы в значительной мере содействовали прорыву остатков 21-й и 5-й армий Юго-Западного фронта из окружения.

Этот незабываемый день навсегда остался в памяти тех, кто находился в рядах дивизии: одновременно с получением боевой задачи в 100-ю ордена Ленина стрелковую дивизию пришел приказ о переименовании ее в 1-ю гвардейскую ордена Ленина стрелковую дивизию. В этом приказе № 308 от 18 сентября 1941 года говорилось:

«В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100, 127, 153, 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращая их в бегство, наводили на них ужас. Этим нашим стрелковым дивизиям удавалось бить врага и гнать перед собой хваленые немецкие войска.

Потому, во-первых, что при наступлении они шли вперед не вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьезной подготовки…

Потому, во-вторых, что при прорыве фронта противника они не ограничивались движением вперед, а старались расширять прорыв…

Потому, в-третьих, что, захватив у противника территорию, они немедленно закрепляли за собой захваченное, окапывались на новом месте, организуя крепкое охранение на ночь и высылая вперед серьезную разведку для нового прощупывания противника.

Потому, в-четвертых, что, занимая оборонительную позицию, они не дожидались того момента, когда противник ударит их и оттеснит назад, а сами переходили в контратаки, чтобы прощупать слабые места противника, улучшить свои позиции и вместе с тем закалить свои полки в процессе контратак для подготовки их к наступлению.

Потому, в-пятых, что при нажиме со стороны противника эти дивизии не впадали в панику, не бросали оружие, не разбегались в лесные чащи, не кричали: «Мы окружены», а организованно отвечали ударом на удар противника, жестоко обуздывали паникеров, беспощадно расправлялись с трусами и дезертирами, обеспечивая тем самым дисциплину и организованность своих частей.

Потому, наконец, что командиры и комиссары в этих дивизиях вели себя как мужественные и требовательные начальники, умеющие заставить своих подчиненных выполнять приказы…»

Эта радостная весть быстро облетела части, расположившиеся в лесах вокруг Лебедина. Воины знали, что слово «гвардия» — мужественное и гордое слово. Гвардия — это грозная сила, не знающая преград на поле битвы, способная в смертельной схватке с врагом выдержать любые испытания, все тяготы борьбы и победить. Гвардия — это боевые подвиги, дисциплина, примерный порядок. Недаром в марше гвардейцев поется:

Мы смерти не пугаемся, От пули не сгибаемся, От раны не шатаемся — Такой уж мы народ. Не раз огнем проверены, Не раз в боях обстреляны, И нас недаром Родина Гвардейцами зовет.

* * *

1-я гвардейская дивизия, заняв оборону на широком фронте в районе Михайловка — Лебедин, в течение 14 дней отражала бешеные атаки гитлеровских захватчиков. Но враг подтягивал все новые и новые подкрепления, танки, артиллерию, стремился окружить наши части и разбить их, особенно глубоко вдавшуюся в его позиции Киевскую группировку. Исключительно упорные бои с численно превосходящими силами противника велись 20–22 сентября. Большие потери были с обеих сторон.

В исключительно трудных условиях 85-й полк во взаимодействии с приданными ему средствами усиления мужественно сдерживал напор озверевшего врага на реке Суле. Подразделения полка при поддержке дивизиона 46-го гаубичного

артполка подполковника А. А. Фролова, полковой батареи старшего лейтенанта Богомазова, минометной роты лейтенанта Юнина, пулеметной роты лейтенанта Паневкина не раз переходили, в решительные контратаки, отбрасывая противника с большими для него потерями. Особую храбрость и отвагу проявляли 2-й стрелковый батальон старшего лейтенанта коммуниста В. С. Сорокина и 9-я рота лейтенанта коммуниста Г. С. Богданова.

Когда противник занял город Ромны, обстановка осложнилась. Немцы стали развивать наступление на Сулу с целью перерезать железные дороги, идущие из Харькова в северном направлении. Нам был дан приказ об отходе на рубеж реки Псел западнее Лебедина. К исходу 23 сентября 85-й полк занял оборону на восточном берегу Псела.

Здесь мне хотелось хотя бы вкратце рассказать о состоянии 1-й гвардейской дивизии и ее роли в Ромненской операции. В то время и командование дивизии, и нас, командиров полков, хотя и косвенно, но обвиняли в том, что от нас ожидали больше того, что дивизия сделала. Возможно, в какой-то степени это и так. Но, с другой стороны, дивизия понесла значительные потери, и перед вводом ее в бой мы мало чем были обеспечены. Перед прибытием в район сосредоточения мы только что получили пополнение. Но какое? Большинство бойцов и даже некоторые командиры мало того что не были обстреляны, но даже не имели ни одного часа специальной военной подготовки. Лишь немногие были из числа наскоро обученных. Далее, выгрузившись из вагонов, подразделения совершили 100-километровый переход по совершенно разбитым дорогам, забитым гужевым и автотракторным транспортом тыла, и с ходу, без единого часа передышки вступили в бой против вражеских танков и мотопехоты. Наш полк даже не имел времени подтянуть приданный ему дивизион артиллерии.

И все-таки дивизия во взаимодействии со 2-м кав-корпусом более чем на двое суток сковала силы противника, сдерживала его яростный натиск и тем самым облегчила положение окруженных наших войск.

Даже теперь, когда прошло более чем 30 лет, нетрудно представить ту обстановку: враг у стен Киева, его танки с минуты на минуту могут ворваться в город, некоторые наши соединения, измотанные и ослабленные, почти в полном окружении, фашисты рвутся на восток, обрушиваются на нашу поспешно созданную оборону.

В таких условиях, конечно, каждый час приостановки наступления противника для нас был дорог, чтобы иметь

возможность подтянуть свежие резервы, укрепить оборону. И мы останавливали движение стальных вражеских клиньев на восток.

Без сомнения, спешный ввод нашей дивизии в бой на трудном участке был как выход необходим и оправдан. Будь дивизия более обеспеченной, успех ее был бы выше и мы не имели бы столько жертв и крови. Но уже второй и последующие бои многому научили новобранцев. При обороне на реке Суле мы получили много автоматов, пулеметов, артиллерийских снарядов, в том числе и бронебойных. Воевать стало веселее.

В течение полумесяца противник предпринимал атаку за атакой, чтобы форсировать Псел и прорваться в направлении Лебедин — Белгород. 27 сентября гитлеровцы открыли ураганный артиллерийско-минометный огонь по боевым порядкам частей нашей дивизии. Артиллерии помогали пикирующие бомбардировщики. Вокруг дым, пламя, вой, грохот. Сердце сжималось от тревоги: уцелеет ли кто-нибудь в этом пекле?

Но и наши зенитчики оказались настоящими молодцами: они тут же открыли огонь из зенитных пушек и счетверенных зенитно-пулеметных установок. Первый, второй, третий, а затем и четвертый самолет дымным костром пошел вниз. Остальные вскоре убрались.

— Добре, добре, ребята! — отозвался о зенитчиках комиссар полка Николай Михайлович Волобуев. И добавил: — А сейчас фашистская сволочь опять поползет в атаку.

И верно, фашисты не заставили себя долго ждать. Командир 1-го батальона старший лейтенант Николай Трофимович Кудряшов доложил:

— Около 15 танков и до батальона пехоты пошли в атаку на мой батальон и батальон Сорокина.

Даю указание не спешить с открытием огня, подпустить противника как можно ближе и затем уничтожить.

А гитлеровская пехота и танки при поддержке артиллерии продолжают двигаться.

— Товарищ майор, командиры батальонов просят разрешения на открытие огня, — обратился ко мне помощник начальника штаба полка старший лейтенант Герман Михайлович Кухалейшвили.

— Еще рановато, — ответил я. — Пусть они малость выдохнутся, поизрасходуют часть снарядов, меньше будут иметь их в ближнем бою.

И наконец команда: «Огонь!» С первых же выстрелов нашей артиллерии загорелись два танка, затем еще два. Остальные остановились, стали вести огонь с места, потом опять двинулись.

«Упрямые сволочи!» — думаю.

И тут «пропел» залп реактивных минометов («катюш»). Это по приказу И. Н. Руссиянова. Залпом гвардейского минометного дивизиона противник был настолько ошеломлен, что обратился в бегство. Ни на одном участке обороны полка фашистам не удалось достичь, наших позиций.

Не прорвавшись кратчайшим путем на Белгород через Лебедин, Боромлю, Томаровку, гитлеровцы прибегли к излюбленному ими, но изученному нами методу — к обходу с флангов. 6 октября они усилили атаки против правого фланга нашего левого соседа — 295-й стрелковой дивизии. И поскольку ее части были сильно истощены в предыдущих боях, противнику сравнительно легко удалось сломить сопротивление правофлангового 884-го стрелкового полка, форсировать Псел, выйти в район Веприка и создать угрозу левому флангу нашей дивизии.

В соответствии с решением командующего 21-й армией, в состав которой входила теперь наша дивизия, на ликвидацию вклинившегося противника были брошены 85-й стрелковый полк с дивизионом 34-го артполка и один батальон Воронежского полка.

Командир взвода разведки полка лейтенант Алиев сообщил, что на захваченном плацдарме на реке Псел в районе Веприка противник пока закрепился слабо. Я принял решение: разведку боем вести на правом фланге врага, огнем батальона старшего лейтенанта В. А. Черного сковать его с фронта, а главными силами полка при поддержке средств усиления с наступлением темноты нанести удар по левому флангу, к утру закрепить участок обороны для отражения атак.

Когда начала действовать наша разведка, немцы сразу обратили внимание на свой правый фланг, но при этом они никак не ожидали наших решительных действий с фронта, особенно на их левый фланг. В результате этого удачно проведенного боя мы отбросили противника и заняли оборону. Однако ожесточенные бои за плацдарм продолжались в течение четырех суток. Враг, наращивая силы, упорно цеплялся за захваченный участок, но гвардейцы полка своим огнем и контратаками перемалывали его. Немцы так и не смогли продвинуться. Положение на этом участке начало стабилизироваться.

Тогда гитлеровцы, еще в ходе боев в районе Веприка начавшие форсирование Псела в нескольких десятках километров южнее, усилили там свой натиск и к 9 октября потеснили части 295-й стрелковой дивизии почти на 50 километров на восток. К этому же времени ухудшилось положение и правого соседа нашей

дивизии — 227-й стрелковой дивизии. Действовавший здесь 2-й кав-корпус был выведен из боя и ушел в район Грайворона (между Лебедином и Белгородом). В результате всего этого сложилась такая обстановка, что 1-я гвардейская дивизия, продолжавшая удерживать свою полосу, оказалась глубоко обойденной противником с обоих флангов. Дивизия получила приказ об отходе на промежуточный рубеж Великий Истроп — Буймер — Олешня. К утру 10 октября 85-й полк занял оборону на новом участке.

Непрерывные бои. Атаки и контратаки. Несмотря на большие, потери, враг продолжает лезть в глубь нашей страны.

Редеют ряды и наших рот и батальонов. Но вместо выбывших в строй встают новые бойцы, чтобы продолжать борьбу до победного конца. В короткие передышки между боями они подают заявления с просьбой принять их в партию, в комсомол, чтобы занять авангардную роль в святой схватке с нечистью.

А пока противник, имея численное превосходство в живой силе и технике, ударами по флангам теснил наши войска, 295-я стрелковая дивизия (наш сосед слева) 14 октября под сильным натиском противника оставила Ахтырку, а к исходу следующего дня и 227-я стрелковая дивизия (сосед справа) отступила на рубеж севернее Рясны, что на 40 километров восточнее рубежа, на котором мы оборонялись.

Наша дивизия по категорическому требованию командарма продолжала упорно удерживать рубеж обороны, отбивая атаки противника, рвущегося на Боромлю и Тростянец. Наконец противнику удалось прорвать оборону 331-го полка майора В. А. Когана и окружить один из его батальонов. И лишь громадные усилия 4-го Воронежского полка спасли положение. Только после этого дивизия получила от начальника штаба армии генерал-майора А. И. Данилова приказ об отходе в направлении Томаровка — Белгород. Наш полк с приданным ему 46-м гаубичным артполком подполковника А. А. Фролова занял оборону на высотах западнее Тростянца. Отдав все необходимые распоряжения по организации обороны и разведки, мы с Фроловым отправились в расположение своих штабов в Тростянец. Это районный центр, довольно-таки чистенький; вдоль улиц и дорог — деревья, которые не совсем еще сбросили свои наряды. В парках и садах еще пестрели цветы. А что здесь будет завтра? Что станется с жителями?

На следующий день дивизия стала отходить к Белгороду. Это был по существу выход из окружения, сопровождавшийся сдерживающими упорными арьергардными боями. Не прекращающиеся уже несколько дней дожди сделали дороги

труднопроходимыми.

Дивизия отходила двумя колоннами: левая — 85-й с 1-м дивизионом 34-го артполка, 331-й стрелковый полк и 1-й батальон 4-го Воронежского стрелкового полка, правая — остальные части дивизии (совместно с управлением и тылами).

Левая колонна, руководимая начальником штаба дивизии майором Б. И. Кащеевым, прикрываясь боковым отрядом в составе 1-го батальона 85-го полка под командованием старшего лейтенанта В. А. Черного, 16 октября с наступлением темноты, оторвавшись от противника, успешно осуществила отход, не потеряв ни одного орудия, ни одной единицы автотранспорта. Противник не раз пытался отрезать пути отхода колонне, и каждый раз его попытки разбивались о стойкость наших бойцов.

Продвигались мы очень медленно. Приходилось не только вести бои с противником, но и по непролазной грязи, по разбитым дорогам, под проливным дождем с трудом тащить автотранспорт и орудия. 331-й полк майора Когана как менее отяжеленный артиллерией с батальоном 4-го Воронежского полка оторвался от нас и ушел вперед. В результате образовались, по существу, три колонны, не имеющие между собой связи. И чтобы ускорить движение, особенно артдивизиона, я приказал за каждым орудием закрепить по десять человек.

А враг хотя наседал, положение и у него было не лучше. Перерезать нам путь отхода ему не удалось. В этом большая заслуга бокового отряда — батальона старшего лейтенанта В. А. Черного, который успешно обеспечивал движение колонны.

Вот один из ярких эпизодов. Батальону было дано задание: пройдя восточнее деревни Дроновки, занять развилку шоссе южнее Староселья. На рассвете 17 октября он вышел на северную окраину Дроновки. Рота лейтенанта Уксусникова, находясь в головной походной заставе, встретилась с разведкой противника. В завязавшейся перестрелке был убит немецкий офицер. Потерявшие командира гитлеровцы разбежались. Батальон Черного двинулся вперед, вскоре занял безымянную высоту и организовал круговую оборону. По направлению к селу Рясному был выслан в разведку взвод лейтенанта Фролова, от которого вскоре было получено донесение о движении противника силою более батальона вдоль дороги на Белгород.

Черный решил поближе подпустить противника, чтобы расстрелять его прицельно. Первые ряды гитлеровцев были скошены пулеметным огнем роты лейтенанта Паневкина. Потом по фашистам открыли огонь рота старшего лейтенанта И. С. Ульянича[16] и взвод полковой батареи. Фашисты залегли. Но и тут им не было спасения — их метко разили минометчики

лейтенанта Юнина.

С подходом свежих сил фашисты попытались подняться в атаку, но успеха не имели. Тогда они решили сковать батальон Черного с фронта, а группой автоматчиков сделать глубокий отход и нанести удар во фланг и тыл. Но и этот маневр им не удался — автоматчики напоролись на заранее выставленную роту лейтенанта Шендакова. Около трех часов батальон старшего лейтенанта В. А. Черного удерживал рубеж, обеспечивая отход главных сил своей колонны. Противник (это были подразделения из 75-й пехотной дивизии), оставив много убитых и раненых, вынужден был отойти.

Особенно сложная обстановка для подразделений левой колонны сложилась 21 октября, когда им грозило окружение. В середине дня части колонны стали подходить к железной дороге Томаровка — Льгов. Но в районе разъезда Герцовки, западнее Белгорода, была обнаружена в движении колонна противника численностью до полутора батальонов. Я принял решение: артиллерия майора Сапожникова открывает огонь, а стрелковые батальоны старших лейтенантов В. С. Сорокина и Н. Т. Кудряшова[17], прикрываясь огнем артиллерии, перехватывает движение противника с востока и решительно его атакует.

Гитлеровцы под прикрытием минометно-пулеметного огня несколько раз пытались перейти в контратаку, но гвардейцы, не дрогнули. Фашисты не выдержали и начали в беспорядке отступать, да так поспешно, что не смогли вывезти из Герцовки свой обоз из 70 повозок, легковую автомашину, минометную батарею и другое военное имущество. Они пытались вернуть Герцовку, но безрезультатно. Около десяти часов батальон Сорокина держал разъезд. Лишь с наступлением темноты по моему приказу он оставил его, уничтожив большую часть трофеев, так как везти их не представлялось возможным.

В последующие дни левая колонна дивизии отходила почти вне соприкосновения с противником.

Значительно сложнее осуществлялся отход частей правой колонны, в составе которой двигались тылы дивизии.

Только 27 октября, потеряв большую часть автотранспорта и значительную часть гаубичной артиллерии, части дивизии вышли из окружения и в районе Короча Курской области, соединившись с частями Красной Армии, перешли к обороне западнее города. 85-й стрелковый полк занял оборону по восточному берегу речки Безымянной. С конца октября и почти до конца ноября 1941 года полк во взаимодействии с другими подразделениями 1-й гвардейской стрелковой дивизии прочно оборонял участок на указанном рубеже по левому берегу Северного Донца (восточнее

Белгорода), совершал ночные налеты на противника, находящегося в населенных пунктах, истреблял и захватывал его живую силу и боевую технику. Наши ночные вылазки были настолько неожиданными для гитлеровцев, настолько действенными, что просто ошеломляли фашистов, наводили на них ужас. А ведь геббельсовская пропаганда распространила сообщение об уничтожении 1-й гвардейской стрелковой дивизии. Выходит, и «разгромленные» умеют драться, да еще как!

Находясь в обороне, мы постоянно вели активную боевую разведку, ночные поиски, старались не давать фашистам покоя ни днем ни ночью, выкуривали их из хат на мороз. Мы знали, что крепкая русская зима привязывала гитлеровцев, одетых в летнее обмундирование, к населенным пунктам, загоняла в тепло. При разработке своих налетов мы и учитывали это обстоятельство. На гарнизоны противника мы нападали в основном во второй половине ночи или на рассвете, причем без всякой артподготовки. Днем — скрытая разведка наблюдением, ночью — полная внезапность действий. Приведу один из примеров вылазки усиленного передового отряда 1-го стрелкового батальона под командованием капитана Александра Николаевича Кринецкого.

Было это в ночь с 12 на 13 ноября. От разведчиков, из показаний пленных и местных жителей нам стало известно, что в деревне Сабынино находится до 300 немецких солдат и офицеров. С наступлением темноты батальон в сопровождении проводника совершил почти 20-километровый рейд лощинами и оврагами и к 5 часам утра подошел к деревне. О нахождении, действиях и мерах охранения противника мы знали от полковой разведки. Она сообщила, что к 24 часам 12 ноября противник прекратил всякое движение. На северо-восточной окраине деревни стоит пушка, расчета не видно. Из крайней избы изредка появляются два солдата. Дадут две-три короткие очереди из автоматов, пустят несколько ракет — и опять в хату, в тепло. В летнем обмундировании, видно, не очень уютно они себя чувствовали. Перед полковой разведкой была поставлена задача — без шума и выстрелов захватить часового с подчаском.

Капитан Кринецкий, убедившись, что противником они не обнаружены, приказал двум ротам в 5 часов утра обойти деревню с флангов, а третьей с пулеметами двигаться вдоль улицы.

В первой же избе обнаружили гитлеровцев. Командир роты В. П. Гортунков с бойцами захватили двух фашистских офицеров. В следующей избе на требование командира отделения Рулеева сдаться фашисты ответили выстрелами. Тогда Рулеев бросил в окно две гранаты. Вбежав в избу, бойцы увидели на полу три трупа, четверо гитлеровцев спрятались под кроватью и на печи.

Гитлеровцы, спавшие в других избах, услышав выстрелы, в панике выбегали на улицу полуодетые и открывали беспорядочную стрельбу. Гвардейцы метко разили их. Особенно отличился пулеметчик Ведерников, к счету которого прибавилось до 20 немецких солдат и офицеров.

В этом бою батальон капитана Кринецкого уничтожил более 100 фашистов, были взяты и пленные. Все они были из 429-го пехотного полка.

Более десяти разведок боем провел в ноябре только наш полк, истребив при этом свыше 550 гитлеровцев.

Все ночные налеты и бои полк проводил успешно. Необходимо, однако, отметить, что в этом немалая заслуга местных жителей, которые помогали нам незамеченными подойти к противнику. Хорошо помогал нам и Корочанский райком партии, особенно первый секретарь Еременко, очень внимательный и заботливый человек. По ее просьбе жители шили нам теплую одежду, топили бани, выделяли надежных проводников.

В самом конце ноября, получив новую задачу, дивизия снялась с занимаемой ею полосы обороны.

День 2 декабря был для нас большим, незабываемым праздником: на станции Волоконовка нашей дивизии было вручено гвардейское знамя. Принимая его, бойцы и командиры поклялись не уронить высокой гвардейской чести. Все понимали: теперь надо бить врага еще крепче.

* * *

Используя свое количественное преимущество в танках и авиации, гитлеровцы стремились во что бы то ни стало захватить Москву, второе наступление на которую они начали во второй половине ноября 1941 года. В первых числах декабря 2-я полевая армия немецко-фашистских войск ценою больших потерь потеснила правое крыло Юго-Западного фронта. Захватив Павелец, Скопин и Чернау, враг стремился выйти в глубокий тыл северным армиям этого фронта.

Одновременно противник продолжал наступление на Елецком направлении. Пал Елец, немцы рвались на Задонск. Стремясь разъединить и уничтожить по частям наши малочисленные и материально истощенные 3-ю и 13-ю армии, они намеревались выйти на Дон, создать условия для захвата Воронежа.

На правом крыле Юго-Западного фронта разгорелись

ожесточенные бои. В районе Косторного, западнее Воронежа, противник был остановлен. Однако обстановка в полосах 3-й и 13-й армий сложилась для нас исключительно тяжелая. И командующий фронтом С. К. Тимошенко, не имея других резервов, для усиления войск и ликвидации прорыва крупной группировки противника на правом крыле фронта вводит 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

С этой целью в начале декабря под командованием генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко была создана оперативная группа фронта в составе 5-го кавалерийского корпуса генерала В. Д. Крюченкина, 1-й гвардейской и 121-й стрелковой дивизий, 34-й мотострелковой и 129-й танковой бригад, 4-го, 7-го гвардейских минометных и 642-го артиллерийского полков. Оперативная группа имела задачу внезапной атакой с рубежа Тербуны — Васильевка ударить с юга во фланг и тыл Елецкой группировки противника в общем направлении Навесное — Пятницкое — Никитское и, наступая на север, стремительно пройти по тылам 2-й полевой армии гитлеровцев, расчленить Елецкую группировку…

Подготовка группы проходила в секрете, с принятием всех мер маскировки и скрытности.

В памятный день 6 декабря, когда началось решительное контрнаступление наших войск под Москвой, наша дивизия получила приказ разгромить противника на фронте Николаевка — Сельцо — Курганка — Давыдовка и, развивая наступление на Дубовец — Богатые Платы, содействовать окружению и уничтожению Елецко-Ливненской группировки врага.

Наступление всей оперативной группы развивалось успешно. В первые два дня 1-я гвардейская дивизия с боями продвинулась в северном направлении до 15 километров[18].

При отходе гитлеровцы цеплялись за каждый населенный пункт, за каждый дом. Несмотря на слабое обеспечение танками и артиллерией, наши части продолжали теснить противника, продвигались вперед, выходя во фланг и тыл отходившей от Ельца вражеской группировки, перехватывали пути ее отступления на запад. Немцы стремились во что бы то ни стало вырваться из мешка. Но большая часть их подразделений была разбита и уничтожена, лишь немногим удалось прорваться на северо-восток. Среди личного состава дивизии распространилась пословица: «Мы в Елец — и гитлеровцам конец!»

В своей статье «Подвиг у стен столицы»[19] бывший командир 1-й ордена Ленина гвардейской стрелковой дивизий Генерал-лейтенант в отставке И. Н. Руссиянов писал; «Вспоминаю один бой. Батальон полка, которым командовал Н. Д. Козин, ночью

совершил рейд по тайным тропам и зашел в тыл к фашистам. Бойцы капитана Кринецкого незаметно сняли часовых и проникли в деревню Апухтино, где расположился вражеский полк… У каждого дома расставили посты. Сигнал — и в окна полетели гранаты. Кое-кто из гитлеровцев успел выпрыгнуть, и тогда завязывался штыковой бой. В результате гитлеровский полк был полностью уничтожен. Эта удачная операция стала как бы запевом декабрьского контрнаступления. Гвардейцы за короткий срок при взаимодействии с другими частями освободили более 300 деревень, уничтожили большое количество боевой техники и живой силы врага…»

Об одной из ночных вылазок батальона Кринецкого я уже рассказывал. Смелые по замыслу действия батальон совершил и на этот раз. А некоторые детали этого боя таковы.

Две роты, после того как разведка уничтожила охранение противника, окружили деревню с северо-востока (рота младшего лейтенанта Чижкова) и юго-запада (рота лейтенанта С. П. Бахметьева), а третья — младшего лейтенанта В. П. Гортункова, войдя в деревню, разбилась на группы. План действия бойцов этих групп был отработан заранее и уже не единожды применялся: когда противник откроет огонь, автоматчики, двигающиеся по правой стороне улицы, ведут огонь по окнам и выходам из домов левой стороны, а автоматчики левой стороны — по окнам и дверям домов правой стороны. Одна за другой летят гранаты в окна домов. Взрывы ошеломили гитлеровцев, поднялся крик, гам. Треск автоматов, взрывы гранат. Фашисты заметались в панике, открыли беспорядочный огонь. На улицах завязался бой.

Большое искусство и отвагу проявили бойцы батальона в этом ночном бою. Достаточно сказать, что боец-таджик комсомолец Мухамед Зияев, перебегая от хаты к хате и метко бросая гранаты в окна, один уничтожил более 30 фашистов, пулеметчик комсомолец Сивак — около 50, рядовой А. Воронов — 22, сержант комсомолец Иванников — 10. Отличился и сам командир батальона, на счету которого оказалось двенадцать солдат и офицер. Проявил себя и комсорг полка младший политрук В. С. Якушкин. Во время боя он возглавил группу комсомольцев, которая уничтожила до 20 фашистов и более 50 взяла в плен, вытащив их из подвалов, погребов, мучных ларей, с чердаков.

Хочется сказать несколько слов и о командире взвода конной разведки полка лейтенанте Алиеве. Этот смелый и опытный разведчик за безупречное выполнение боевых задач имел уже не одну награду, в том числе и орден Ленина. В данном бою его

взвод блестяще справился с задачей по захвату вражеского полевого караула и расчета орудия. Боевой офицер Алиев в декабре 1941 года при разгроме Елецкой группировки противника пал смертью храбрых.

К утру деревня была полностью очищена от гитлеровцев 278-го полка, при этом было уничтожено свыше 300 солдат и офицеров, захвачено 4 орудия, 10 минометов, 30 тяжелых пулеметов, несколько автомашин и 8 повозок с оружием, боеприпасами, обмундированием и продовольствием.

С утра немцы пытались вернуть утраченные позиции, но их атаки со стороны села Давыдова были с успехом отбиты заранее высланным 2-м батальоном с полковой батареей старшего лейтенанта В. С. Сорокина.

Наш полк действовал в первом эшелоне, наносили мы удар во фланг основной группировке 34-го армейского корпуса противника, рвущейся к Задонску. В ходе наступления наши подразделения неожиданно натолкнулись на упорное сопротивление частей 95-й немецкой пехотной дивизии, которая прикрывала 34-й армейский корпус и имела задачу выйти к Дону. Однако это не могло остановить гвардейцев, их ненависть к врагу еще более разгорелась, когда в их руки вместе с захваченным в районе Задонска офицером-квартирьером попал приказ командира 95-й пехотной дивизии, который хвастливо писал: «Противник перед 95-й пехотной дивизией только в отдельных районах имеет слабые отряды прикрытия, которые при энергичной атаке, не принимая боя, отходят»[20].

7 декабря началось общее наступление частей дивизии. Мы освобождали один населенный пункт за другим.

Вспоминается, как однажды на наблюдательном пункте на одной из безымянных высот в Тербунском районе, (ныне Липецкой области) командир дивизии И. Н. Руссиянов, этот мужественный и даже несколько-грубоватый человек, которого, казалось, ничем не удивишь, вдруг оторвался от бинокля, радостными глазами посмотрел на нас и восторженно произнес:

— Как бегут! Как они бегут, антихристы! Я всегда верил, что эти «победители» будут драпать. И вот — извольте видеть своими глазами…

Части нашей дивизии крепко били и гнали незваных гостей. Успешно развивая наступление после апухтинского ночного боя, наш полк с дивизионом 34-го артполка к 10 декабря углубился в оборону противника на 34–35 километров и к исходу дня подошел к трем селам, расположенным так близко друг к другу, что их можно было принять за один крупный населенный пункт. В этих селах противник имел большие силы, создал прочную

оборону, использовав каменные постройки; кроме того, в селах и окрестностях вся местность была изрезана глубокими оврагами, что также обеспечивало выгодное положение обороны противника. Оценив обстановку, мы пришли к выводу, что взять села днем штурмом силами полка будет невозможно, ибо завяжется затяжной бой и мы будем иметь ничем не оправданные потери.

Я решил просить командира дивизии привлечь для овладения этими селами подходивший 355-й стрелковый полк майора З. С. Багдасарова. Предложил и план боя: с наступлением темноты, когда противник будет лишен возможности вести прицельный огонь и перейти в контратаку, двумя батальонами 355-го полка совершить обход и выйти к Никитскому с севера, одним батальоном своего полка, также фланговым обходом, но с запада, а остальными силами полка ударом с юга окружить села и внезапной ночной атакой овладеть ими. И. Н. Руссиянов утвердил предложенный план. К 23 часам 10 декабря все подразделения обоих полков условленными сигналами доложили о готовности к атаке.

В 24 часа был дан мощный залп из гвардейских минометов и артиллерийских орудий. Подразделения под прикрытием огня заняли исходное положение. Второй залп был сигналом для перехода в атаку.

Мужественно сражались в этом бою гвардейцы обоих полков. Особенно отличились бойцы 1-го батальона 85-го полка под командованием старшего лейтенанта В. С. Сорокина, который заменил раненного в руку капитана А. Н. Кринецкого, и 1-го батальона 355-го полка. Противник, не предполагавший, что наступление ведется со всех сторон, решил начать отход, но вскоре понял, что отступать некуда. Успех боя решили стремительные действия наших подразделений, противнику не давали возможности опомниться и разобраться в сложившейся обстановке. В результате умелых и быстрых действий. 85-й и 355-й стрелковые полки к утру, окружив и уничтожив до двух батальонов противника, овладели всей группой населенных пунктов. В качестве трофеев полкам досталось 22 орудия, 12 тяжелых пулеметов, 20 ручных пулеметов, 10 мотоциклов, 51 автомашина, большое количество автоматов, винтовок, много другого военного имущества[21].

А чего только не было обнаружено в автомашинах и повозках! Оружие, боеприпасы, снаряжение, ящики с карманными советскими часами, мешки с советскими деньгами, битые и живые гуси, утки, куры, женская и детская одежда, одеяла — трудно все перечислить. Вот уж поистине только гитлеровская

грабьармия могла дойти до такого!

— Ничего, мы еще посмотрим, что скажут эти любители гусятины да утятины насчет штыка русской винтовки, — говорили бойцы-гвардейцы.

А штык в руках советского солдата был и впрямь для фашистов малоприятным. Только в период с 6 по 17 декабря 1941 года 1-я гвардейская дивизия прошла с боями 116 километров, освободив свыше 300 населенных пунктов.

Поражение Елецко-Ливненской группировки противника способствовало успешному наступлению наших войск и разгрому немцев под Москвой. За успешные боевые действия, за доблесть и мужество, проявленные под Ельцом и Ливнами, наш 85-й полк был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

13 декабря, выбив противника из Измалково, части нашей дивизии соединились с войсками 13-й армии, кольцо кружения немецкой группировки замкнулось. В этих боях на долю частей 5-го кавалерийского корпуса генерала Крюченкина выпала роль «наковальни», а роль «молота» досталась нам, первогвардейцам.

Пытаясь подбодрить своих вояк, немецкое командование сбрасывало окруженным войскам листовки: «Держитесь! Идем на помощь…» Но ни о какой помощи не могло быть и речи. Тогда фашистское командование пошло на последнюю попытку: собрав группировку из наиболее боеспособных частей под командованием генерала Кохенхаузена, оно послало ее на прорыв из совхоза «Россошанский» в направлении на Кривец. Части 5-го кавкорпуса эту группировку разбили наголову, а генерал Кохенхаузен был убит. В течение дня 15 декабря окруженные части противника рассекались на группы и последовательно уничтожались. Командование 34-го армейского, корпуса, бросив своих солдат, удрало на самолетах.

Так закончилась Елецко-Ливненская операция. Всего девять дней прошло с начала наступления, а как изменилась обстановка! Гудериан, разгромленный под Москвой, бежал, спасая остатки своей армии.

Положение северного крыла Юго-Западного фронта значительно улучшилось, оперативная группа очистила от фашистов 8 тысяч квадратных километров территории, освободила свыше 450 населенных пунктов, полностью разгромила 45-ю и 95-ю пехотные дивизии противника.

Но порой и в нашей дивизии не все шло хорошо. На войне можно всего ожидать. Так, например, по приказу командующего оперативной группой генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко наша дивизия после трудного марша 25 декабря вышла на рубеж Федоровка — Тургеневский — Крутое в готовности наступать на

Вязовку. Вначале наступление развивалось успешно. Но во второй половине дня, кажется, 28 декабря, имея превосходство в танках и авиации, противник контратаковал и отбросил 331-й и 355-й полки и часть кавалерийских полков на 3–5 километров. И противник и наши части перешли к обороне. Лишь 85-й и 4-й Воронежский полки, успешно развивая наступление, к исходу 29 декабря продвинулись на 25–27 километров, вышли в указанный им район и продолжали вести бои: 4-й Воронежский — за Федоровку, а 85-й — за Переведеновку. Оба полка связи со штабом дивизии не имели.

И вот сложилась такая тяжелая обстановка: связи с далеко отставшими полками нет, противник, воспользовавшись растянутостью подразделений дивизии, решил ударить танками и пехотой во фланги наших двух выдвинувшихся вперед полков. А тут я еще сильно заболел туляремией, у меня поднялась температура — до 40–40,5°.

«Может произойти самое страшное, — думал я, — если немцы начнут против нас развивать активность. Мы израсходуем боеприпасы, а дальше что? Командование дивизии не знает, где мы и что с нами, быстро помочь не сможет».

Только утром 31 декабря к нам прибыл самолет с приказом — полковнику Вайцеховскому возглавить полки и прорываться на соединение с главными силами дивизии в направлении Барково. Однако при посадке самолет был поврежден и не смог возвратиться назад. Поэтому командир дивизии так и не знал, получили ли мы его приказ.

Что. предпринять дальше? В каком направлении пробиваться? И лишь когда план выхода из окружения был обсужден, вдруг прибыл офицер связи штаба дивизии, пробивавшийся около полутора суток по лощинам и балкам. Он доставил нам приказ командира дивизии выйти из окружения на Гремячье, находившееся в 5 километрах восточнее деревни Труды Меряева.

В выходе полков из окружения большую помощь оказали проводники — жители деревни Федоровки. Выходили полки таким образом. Один батальон атаковал Вязовое. Завязался бой на противоположной окраине деревни. А в это время остальные силы прошли мимо населенного пункта другой окраиной. Проводники вели колонну, используя лощины и укрытия. Следующий населенный пункт атаковал другой батальон, а атаковавший Вязовое следовал за главными силами как арьергард.

Но был и казус. В одну из следующих деревень от 4-го Воронежского полка была выслана конная разведка, там, согласно

приказу командира дивизии, должен был находиться 331-й полк В. А. Когана. Разведка своих не установила, но на выходе из деревни была обстреляна. Командир взвода доложил, что в деревне противник. Но, как потом оказалось, конный разведвзвод был по ошибке обстрелян проспавшим полевым караулом 331-го полка, который и был принят за противника.

Колонна, приняв меры охранения, уклонилась вправо и попала под артиллерийский огонь противника из деревни Усть-Лески. Чуть левее впереди — большая лощина и овраг. Полки быстро спустились туда. Но куда теперь двигаться? Восточнее, впереди нас, в 500–600 метрах рассыпным строем заняла рубеж обороны пехота. Чья пехота? Неизвестно.

А тут рассвет уже забрезжил, надо спешить. Высланные добровольцы (один из них — сын и он же личный адъютант полковника Вайцеховского лейтенант Михаил Вайцеховский) дали сигнал, что впереди нас находятся подразделения кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина, слева — 331-й полк, тот самый, который конная разведка раньше приняла за противника.

Длинной зимней ночи нам едва-едва хватило, чтобы выполнить приказ и почти без потерь выйти к Гремячьему. Здесь утром 1 января 1942 года дивизия перешла к обороне.

Это был наш первый новогодний праздник, который мы встречали в окопах, рядом с затаившимся врагом. Мне же в это время неделю пришлось пролежать в медсанбате.

8 января к исходу дня дивизия получила распоряжение командующего Юго-Западным фронтом совершить 100-километровый марш в район Щигры. Я еще не выздоровел. И меня на санях везли в спальном меховом мешке. Управлял полком начальник штаба полка капитан Сергей Александрович Иванов. Ему, разумеется, во всем помогал комиссар полка Н. М. Волобуев.

Марш предстоял трудный, по плохим дорогам, большей частью по пояс в снегу, особенно в низких местах, которых здесь было множество (овраги, лощины, реки). Лютые морозы, пурга. Погода такая, про которую обычно говорят: «В такую погоду хозяин собаку со двора не выпускает». Но святой долг перед Родиной был превыше всего.

Дивизия имела задачу по прибытии в указанный район взломать оборону противника на фронте Ханыки — Косаржа и, нанося удар в обход города Щигры с севера, к 18 января окружить и уничтожить противника в этом районе.

Несмотря на сложные условия и сильно пересеченную местность, 85-й стрелковый полк во взаимодействии с частями

дивизии день за днем теснил противника, освобождая один населенный пункт за другим. В первый же день наступления 18 января 85-й и 4-й Воронежский полки освободили Ханыки, Долгий, Колодец, Хохловку, Косаржу, Станково.

Продвигая в район боевых действий все новые и новые силы, используя не только артиллерию и танки, но и авиацию, гитлеровцы предпринимали отчаянные контратаки, пытаясь восстановить утраченное положение. Но гвардейцы успешно отражали их, теснили врага с занимаемых позиций. К утру 21 января части дивизии освободили 12 сел и деревень.

Овладев охватом с северо-запада и юго-востока деревней Удерово в ночь на 21 января, наш полк должен был продолжать наступление на Крюково и Парменовку. И вот здесь гитлеровцы предприняли контратаку. А тут еще дала себя знать беспечность некоторых наших командиров. После занятия деревни Удерово я отдал приказ: организовав разведку и меры охранения, дать личному составу полка небольшой отдых, накормить горячей пищей. Вскоре помощник начальника штаба полка старший лейтенант Герман Михайлович Кухалейшвили доложил, что все организовано, связь со штабами батальонов установлена. Я проверил — связь работает, и успокоился.

После 100-километрового марша по тяжелой дороге и нелегких боев солдаты прямо-таки с ног валились. Приняв горячую пищу, уставшие гвардейцы сразу же крепко заснули в натопленных гитлеровцами хатах.

И случилось так, что никто не проверил, так ли организованны «хранение и разведка, как было указано, и в том лимона направлении выступила. На деле оказалось, что командир взвода разведки лейтенант Масловский вместо того, чтобы вести тщательную разведку, выставил на мосту западнее деревни лишь часового с подчаском, а остальные пока оставались в крайних хатах, чтобы погреться. Но там они не только погрелись, а и уснули. Часовые, правда, менялись.

И вот в это время, перед самым рассветом, после снятия разведкой противника нашего часового с подчаском танковая рота с ходу атаковала деревню, открыв огонь зажигательными снарядами. Одна за другой загорелись несколько соломенных крыш, было подбито два орудия полковой батареи, убито два офицера штаба, от тяжелой контузии оглох и онемел лейтенант Масловский, пострадали и другие.

Положение спас 1-й стрелковый батальон старшего лейтенанта В. С. Сорокина, который располагался на юго-западной окраине деревни и успел вовремя вступить в бой. Он своим внезапным огнем ошеломил, отрезал от танков и отбросил

пехоту противника. На помощь 1-му батальону тут же подоспели другие. Общими усилиями противник был отбит.

Нелегким был бой и за деревни Крюково и Парамеповку. Гитлеровцы предпринимали яростные контратаки. В одной из них они использовали батальон пехоты и роту танков. А поскольку у нас было мало противотанковых орудий, создалось тяжелое положение, грозившее потерей отбитых у врага позиций. Пришлось в ход пустить находившуюся в моем резерве роту противотанковых ружей лейтенанта Багирова. В этом бою исключительную храбрость и отвагу проявили бойцы, сам командир роты Багиров и его политрук Кузьменко.

…Один из танков противника продолжал двигаться. А тут у Багирова кончились бронебойные патроны. Тогда лейтенант решил уничтожить его гранатами. Засев в укрытие и подготовив гранаты, Багиров и Кузьменко стали ждать. Когда танк подошел совсем близко, Багиров со связками ручных гранат пополз овражком к нему, а Кузьменко с автоматом приготовился прикрыть командира огнем. Когда Багиров был уже у цели, гитлеровские танкисты заметили его, но, не имея возможности расстрелять из пулеметов, так как Багиров оказался в мертвом пространстве, решили раздавить его гусеницами. Когда танк подошел почти вплотную, Багиров подбросил под гусеницу две связки гранат, а сам отскочил в сторону. Взрыв! И танк завертелся на месте. Его экипаж стал покидать машину, но Кузьменко огнем из автомата уничтожил всех фашистов.

В это же время был совершен и другой подвиг — единоборство расчета сержанта комсомольца Маслова и комсомолки Любы Земской с группой танков. Люба — харьковчанка, воспитанница детского дома. Когда немцы подходили к Харькову, расстреливая старых и малых, Люба служила в одной из частей медицинской сестрой, но рвалась в бой.

В это время в прифронтовом городе была открыта школа бронебойщиков для борьбы с танками противника. По просьбе Любы она была направлена туда.

Начальник и комиссар школы писали нам о ее дисциплинированности, прилежании и упорстве в учебе. Уже тогда Люба отлично стреляла по «танкам». Выступая на выпускном митинге, девушка благодарила командование и преподавательский состав школы за то, что научили ее в совершенстве владеть грозным для танков противника оружием. «С таким оружием я в долгу не останусь!» — заявила Люба.

В первой половине января 1942 года в нашу дивизию был влит батальон противотанковых ружей. Люба была зачислена в

роту старшего лейтенанта Багирова вторым номером к сержанту Маслову.

Свое искусство стрельбы по вражеским танкам Земская показала 21 января, когда гвардейцы 85-го стрелкового полка вели жестокий бой.

Местность в тактическом отношении была выгодна для противника, и фашисты с помощью танков решили вернуть потерянный рубеж. Впервые в жизни Люба Земская увидела настоящие, изрыгающие пламя и ползущие прямо на нее пять вражеских танков. Бронебойщики, лежа на снегу, спокойно ждали. Наконец танки подошли совсем близко. Маслов отвел затворную раму ружья, Люба вложила бронебойный патрон. Но в этот момент Маслов был смертельно ранен. И тогда Люба берет ружье, стреляет — и головной танк горит. После двух-трех выстрелов остановился второй танк, Люба перенесла огонь на третий… И в эту минуту ее подкосила пулеметная очередь. Она еще успела крикнуть: «Ребята, ни шагу назад! Смерть гадам!» — и замерла. Уже после боя у Любы Земской в кармане гимнастерки нашли неоконченное письмо. Люба писала: «Товарищи гвардейцы, деритесь до последней капли крови, до последнего вздоха, любите свою мать Родину, свой народ… Если вражеский снаряд оторвет мне руку, я буду драться с одной рукой, если я лишусь ног, я буду ползти на руках и разить противника. Если же мне выбьют очи, я буду видеть танки противника глазами сердца и стрелять без промаха…»

Отважного истребителя танков, комсомолку, верную дочь украинского народа Любу Земскую похоронили в деревне Хохловке Курской области. А орден Ленина, которым она была награждена посмертно, хранился в 85-м (2-м гвардейском) Краснознаменном стрелковом полку.

Не ослабляя натиска, части 1-й гвардейской стрелковой дивизии продвигались в западном направлении. Фашисты оказывали яростное сопротивление, но удержать занимаемых позиций не могли.

* * *

В самом конце января 1942 года наша дивизия была переброшена по железной дороге в район Нового Оскола под Белгород. В начале февраля она вошла в подчинение 21-й армии и получила приказ выйти в район восточнее Лесков в 35 километрах севернее Белгорода, где предполагалось начать новое наступление.

На долю дивизии выпала ответственная задача — овладеть станцией Беленихино на железнодорожной магистрали Белгород — Курск и тем самым перерезать эту магистраль, имевшую для немцев важное стратегическое значение.

Выполнение этой задачи требовало больших усилий: командные высоты в руках противника обеспечивали ему выгодное положение, лишали нас возможности по совершенно открытой местности подступиться к деревне Лески и станции Беленихино. К тому же оба населенных пункта противник хорошо подготовил в инженерном отношении, они представляли собой сильно укрепленные узлы сопротивления. Большинство каменных домов было превращено в доты, в остальных домах были вырублены амбразуры и установлены противотанковые пушки, станковые и ручные пулеметы. Дома были соединены обледенелыми снежными валами с амбразурами для ведения огня.

Противник прекрасно понимал, что со взятием деревни и станции наши войска получили бы большое преимущество над ним на этом участке фронта. Поэтому он сосредоточил здесь крупные силы: в полосе нашего наступления оборонялись 222-й полк 75-й пехотной дивизии, насчитывавшей большое количество минометов и усиленный танками и тяжелой артиллерией, и сводный батальон 168-й пехотной дивизии.

Мы начали наступление вечером 20 февраля. Первыми открыли огонь по огневым точкам противника артиллеристы 34-го артполка. Наш полк наступал на Беленихино во взаимодействии с 331-м полком. Ночь была светлая, и все было видно как на ладони. Когда мы подошли к станции на 500–600 метров, противник открыл ураганный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь, и атака наша захлебнулась.

Вскоре огневой налет нашей артиллерии был повторен, в нем участвовала дивизионная и вся полковая артиллерия, ведя огонь прямой наводкой. Атаки повторялись одна за другой. И только к рассвету наши полки вышли к железной дороге, а 355-й и 4-й Воронежский полки ворвались в Лески. На окраине деревни и у полотна железной дороги разгорелись ожесточенные бои. Красноармеец 4-й роты Аленько и автоматчики из 85-го полка Боровский и Кабанов первыми взобрались на обледеневшую насыпь и забросали гитлеровцев гранатами. Их героическому примеру последовали другие. Стремительными бросками полки перешли линию железной дороги и углубились в позиции противника до полутора километров. Однако противотанковая артиллерия не могла быстро преодолеть скользкой высокой насыпи, и отражать контратаку танков и пехоты противника было

трудно. И наши полки были отброшены из Беленихино на исходные позиции. Безуспешно закончился бой и за деревню Лески, который продолжался целый день 21 и ночь на 22 февраля.

С утра 22 февраля полки вновь перешли в наступление. В этот день, когда победа над противником в деревне была уже близка, смертью героя погиб командир 4-го Воронежского полка гвардии полковник Михаил Емельянович Вайцеховский. Его заменил соратник еще по гражданской войне начальник штаба полка гвардии майор А. Т. Худяков.

26 февраля дивизия получила приказ сдать занимаемую полосу частям 297-й стрелковой дивизии и после полуторасуточного отдыха, совершив пятью ночными переходами марш по маршруту Авдеевка — Пушкарное — Зимовное — Ефремовка и поступив в распоряжение командующего 38-й армией генерал-майора артиллерии К. Н. Москаленко, 5 марта сосредоточилась в районе Марьин — Локаляное — Бочково.

В тот же день был получен приказ Верховного Главнокомандующего, которым все части дивизии были переименованы в гвардейские с присвоением им новых номеров. 85-й, 331-й, 355-й и 4-й Воронежский стрелковые полки получили наименования соответственно 2-й, 7-й, 16-й и 4-й гвардейские стрелковые полки.

С глубоким волнением и радостью встретили бойцы нашего полка, как и всей дивизии, эту весть о новой высокой оценке их боевой деятельности. В полку состоялся митинг, на котором гвардейцы под развернутым знаменем поклялись оправдать высокое звание.

В ночь на 7 марта наша дивизия сменила части 300-й стрелковой дивизии на фронте Прилипка — 1-е Советское с задачей преодолеть Северный Донец, захватить плацдарм на его западном берегу и отсюда начать дальнейшее наступление на Харьков.

Мы с начальником штаба полка, командирами батальонов, командирами батареи и саперной роты провели рекогносцировку и пришли к выводу, что перед нами стояла трудная задача.

В полосе нашего наступления на глубину 5–8 километров, непосредственно примыкая к реке, простирался лесной изрезанный оврагами массив, забитый снегом, что затрудняло наш выход и продвижение, особенно техники и тыла. Западный берег реки, где находился передний край обороны противника, грядой высот господствовал над восточным, легко просматриваемым и эффективно обстреливаемым артиллерийско-минометным огнем. Все населенные пункты на западном берегу

были превращены немцами в мощные узлы обороны, взаимно прикрывавшие друг друга артиллерийско-пулеметным и ружейно-пулеметным огнем.

Изучив местность и противника, мы выработали план действий и взаимодействий внутри полка, а затем и с соседями — 4-м Воронежским полком, который должен был овладеть селом Старица, и 7-м полком нашей дивизии, наступавшим на Варваровку.

Нашему 2-му гвардейскому полку ставилась задача захватить Избицкое, являвшееся продолжением Варваровки. Каждый из полков прорывал оборону на участке полутора километров, причем почти никакого усиления мы не имели.

7 марта перед рассветом под прикрытием леса наш полк незамеченным вышел к восточному берегу реки и после артподготовки перешел в наступление на Избицкое. В тот день была необычно сильная пурга, в 20–30 метрах ничего не видать. Командиры взводов не всегда видели своих людей, роты и батальоны были слабо управляемы. Вести прицельный и корректировать артиллерийский огонь не было возможности. Поэтому наша и соседей первая атака не увенчалась желаемым успехом. Противник упорно сопротивлялся, подтягивал резервы со второго, своего рубежа обороны. О неудачной атаке я доложил И. И. Руссиянову:

— Противник, имея снайперов и пулеметчиков почти в каждой хате, занимает выгодное положение, мы же, преодолевая открытую местность реки, вынуждены подставлять себя под их огонь. Считаю, что вести наступление днем в лоб на этом участке нецелесообразно. Исходя из этого, прошу разрешить мне частью сил во взаимодействии с 7-м полком сковать противника в Варваровке с фронта, а главными силами 2-го полка совместно с частью сил 4-го полка захватить Избицкое, а затем нанести удар с северо-востока и с 7-м полком овладеть Варваровкой.

После некоторой паузы я услышал:

— Против предложенного плана не возражаю. Увяжитесь с соседями и договоритесь о действиях.

За два-три дня до нашего наступления была оттепель, временами шел дождь, поверх льда под снегом скопилась вода. Это несколько осложнило выполнение задачи.

Бой за Избицкое носил особенно ожесточенный характер. При этом противник использовал все свои огневые средства. Наши же подразделения действовали почти одной пехотой, усиленной минометами и отдельными орудиями полковых батарей, которые сверхчеловеческими усилиями гвардейцы протащили на себе по глубокому снегу через реку. Однако, несмотря на тяжелейшие

условия, воины проявляли чудеса храбрости и героизма. Рядовой Шурманов, старшина Гусев и старший сержант П. С. Плохов первыми оказались на окраине деревни. Уничтожили несколько фашистов, заняли два дома. Командир отделения старший сержант Кривцов во время перестрелки был тяжело ранен, но поля боя не покинул, а продолжал руководить отделением и лично уничтожил шестерых гитлеровцев. Командир другого отделения сержант Талалихин гранатами уничтожил вражеский пулемет вместе с расчетом.

На следующий день младший сержант Фадеев и рядовой Мезенцев из разведвзвода полка, находясь в засаде, заметили, что по дороге в деревню идут три фашистских солдата-разведчика. Закопавшись глубже в снег, Фадеев и Мезенцев стали ждать, пока немцы подойдут. Подпустив их совсем близко, они открыли огонь. Двое гитлеровцев были убиты, а третьего — обер-ефрейтора — захватили в плен.

Смело действовали и те подразделения, которые вели разведку отдельных огневых точек противника. Наступление левофлангового батальона задерживалось сильным огнем противника с западной окраины деревни. Чтобы установить точно места огневых точек, было послано отделение под командованием ростовчанина Ф. С. Яшина. Под покровом темноты отделение, в составе которого был и земляк Яшина Михаил Самодеев, отправилось к Избицкому. Бойцы вплотную подползли к крайним домам, стали вести наблюдение. Долго они не могли ничего заметить. Вдруг в воздух взвилось несколько ракет. И вслед за ними заговорили сразу три пулемета: очевидно, разведчики выдали себя. Заметив расположение огневых точек, они стали отходить. Фашисты, освещая поле боя ракетами, обнаружили группу и открыли по ней минометный огонь настолько сильный, что сразу были убиты три человека, в том числе Самодеев, а Яшин был ранен в обе ноги и в руку. Товарищи доставили своего командира на командный пункт, за что были представлены к правительственным наградам.

Отделение понесло потери, но свою задачу выполнило: доставленные сведения об огневых точках дали возможность уничтожить их.

Во второй половине дня противник перешел при поддержке танков в контратаку. Однако гвардейцы не отступили. Немцы, потеряв до роты пехоты и три танка, вынуждены были отойти назад, на свой второй рубеж. Начала сгущаться темнота, это нам было на руку.

Но тут связь с командиром батальона капитаном Н. Т. Кудряшовым и штабом полка перестала работать. В это время я

находился на восточной окраине Избицкого в одной из рот. Предположения были всякие. Минут через 20–25 доложили:

— Товарищ подполковник, связь восстановлена. У телефона комиссар полка Волобуев.

Я не узнал его голоса — Волобуев был так взволнован, что нельзя было толком его понять. Я уже подумал было, что командный пункт захвачен противником и комиссар говорит по принуждению фашистов. Но тут к телефону подошел начальник штаба майор Сергей Алексеевич, Иванов и членораздельно доложил о положении: рота автоматчиков противника, используя небольшой разрыв между левым флангом 4-го полка и нашим правым флангом, прикрываясь темнотой, атаковала штаб полка. Иванов ротой правофлангового батальона, резервом полка и силами штаба отсек и уничтожил фашистов. Волнение комиссара объяснилось боязнью за штаб, перенесенный на западный берег Северного Донца.

Гитлеровцы не могли примириться с занятием нашими войсками западного берега. Поэтому они неоднократно предпринимали атаки, стремясь вернуть потерянные позиции. Но гвардейцы держались достойно, упорно удерживали плацдарм, так необходимый нам для наступления на Харьков. В своем приказе войскам от 26 марта 1942 года командующий 38-й армией генерал (ныне Маршал Советского Союза) К. С. Москаленко писал: «Командирам и комиссарам соединений и частей нужно помнить, что этот еще пока небольшой кусок родной земли на западном берегу реки Северный Донец отнят у противника потерей наших лучших товарищей, верных сынов нашей Родины. Поэтому и речи не может быть об оставлении этого куска противнику, а наоборот, надо его расширять и увеличивать, готовить плацдарм для развертывания войск с целью освобождения Харькова. Самое главное, что нужно помнить, что этот кусок отделен от основной нашей территории рекой Северный Донец. Поэтому надо его удерживать во что бы то ни стало…»[22]

Части дивизии с честью выполнили приказ командования.» Они не только захватили плацдарм 12 километров по фронту и 6–8 в глубину и прочно удерживали занимаемые позиции, но и улучшили свое положение на отдельных направлениях, лишив противника возможности просматривать нашу оборону. Все попытки гитлеровцев вернуть утерянные позиции успеха не имели.

24 марта 1-я гвардейская дивизия совместно с левым соседом — 87-й стрелковой дивизией перешла к обороне. А затем, сдав другим соединениям прочно закрепленный за собой плацдарм на

Северном Донце, 26 апреля была выведена из боя для отдыха и пополнения.

Глава четвертая. Вызов в штаб фронта. Новое назначение

Разгрузившись 29 и 30 апреля 1942 года на станциях Хомутово, Красная Заря и Измалково, наша дивизия сосредоточилась севернее Ливны, в районе, освобожденном ею в декабре 1941 года.

Не прерывалась связь дивизии с трудящимися Воронежа и Воронежской области. Наши шефы часто бывали в гостях у гвардейцев. Были они и в день Красной Армии — 23 февраля. Вот и теперь в связи с праздником 1 Мая к нам снова прибыли воронежцы, в свою очередь в Воронеж была послана делегация гвардейцев.

Во второй половине апреля в Воронеж, в штаб фронта, по вызову выехал и я.

— Прежде всего зайдите в обком партии и от имени командования и всего личного состава дивизии поблагодарите трудящихся города и области за их постоянное внимание и помощь нам, — напутствовали меня командир и комиссар дивизии.

В обком партии я явился прямо с аэродрома. Принял меня второй секретарь обкома Некрасов. Он живо интересовался боевыми делами дивизии, особенно 4-го Воронежского полка, настроением бойцов.

В тот же день я прибыл в штаб Юго-Западного фронта к начальнику управления по кадрам полковнику Портянникову. После короткой беседы Портянников сказал мне:

— Я вас представлю командующему фронтом Маршалу Советского Союза Тимошенко. Будьте готовы отвечать на вопросы. Офицеры управления следят за боевыми делами вашей дивизии, в частности вашего полка. Хорошо дерутся! Особенно отличаются в ночных атаках. Молодцы!

Вскоре я действительно был принят С. К. Тимошенко. Первый вопрос его был, чего я никак не ожидал, о моей болезни. Я ответил, что болел туляремией — с конца декабря 1941 года по 10 января 1942 года. 8 марта был легко ранен, но из строя не выбывал…

— Командир дивизии Руссиянов просит оставить вас его заместителем. Как вы на это смотрите? — спросил затем командующий.

— Прошу оставить на прежней должности — командиром полка.

Затем командующий поинтересовался маршем 1-й гвардейской, выходом к реке Северный Донец и занятием плацдарма на ее западном берегу. Я высказал то, что думал, не умолчал и о недостатках проведения этой важной и сложной операции. Оборона противника была сильная, необходимых данных мы о ней не имели, а задача стояла с ходу опрокинуть ее. Сложная местность, глубокий снег, командные высоты в руках противника, слабая обеспеченность наших подразделений артсредствами — все это в сильной степени сказалось на ходе операции. Хотя мы и выполнили задачу, но потери могли быть меньше, очень сказалась спешка.

— Политико-моральное состояние личного состава наших подразделений, — сказал я, — высокое: готовы хоть сегодня в бой. Продовольственное и вещевое обеспечение хорошее. А вот автоматического оружия и артиллерийских снарядов, особенно бронебойных, пока маловато.

— Да, трудностей у нас еще много, — ответил Маршал. — Теперь о вашем назначении: примете 28-ю стрелковую дивизию. В ней много ваших земляков-сибиряков. Дивизия войдет в состав армии, которая будет действовать на Харьковском направлении.

Я поблагодарил за оказанное мне столь высокое доверие и вышел. Мне разрешили вернуться в полк, чтобы проститься с бойцами и командирами. В штабе 1-й гвардейской дивизии я доложил И. Н. Руссиянову и К. И. Филяшкину о своем новом назначении.

— Жаль, конечно, расставаться, но ничего не поделаешь, — сказал комиссар.

С разрешения И. Н. Руссиянова я пригласил в штаб полка от каждой роты и батареи по два бойца и офицеров и в их лице поблагодарил весь личный состав полка за верную службу, славные боевые дела, пожелал полку новых успехов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

На следующий день я снова был в штабе фронта.

— Мы тут посоветовались и решили послать вас на 8-ю моторизованную дивизию войск НКВД.

Тут же я получил кое-какие сведения. Эта дивизия молодая, была укомплектована почти до штата военного времени личным составом погранвойск, вооружена всем необходимым. Боевой путь ее начался с первого дня и часа Великой Отечественной войны, с героических боев пограничных застав 91-го и 92-го пограничных отрядов, оборонявших государственную границу по реке Сан, в районе городов Равы Русской и Перемышля. В дальнейшем эти отряды были включены в состав сформированной в первые дни войны 23-й мотострелковой дивизии войск НКВД, которой

командовал полковник Ф. М. Мажирин. В ходе боевых действий дивизия после переформирования в конце декабря 1941 года была переименована в 8-ю мотострелковую войск НКВД. Командиром был назначен полковник Иван Андреевич Крылов; 23 февраля 1942 года его сменил полковник Рогачевский, которого сменил генерал-майор К. И. Горюнов. И вот теперь командовать дивизией предстояло мне.

Дивизия входила в состав 21-й армии (командующий — генерал-лейтенант В. Н. Гордов, член Военного совета — бригадный комиссар И. И. Михальчук, начальник штаба армии — генерал-майор А. И. Данилов).

Когда я был на приеме у командующего, он выразил недовольство действиями дивизии, отметив, что у ее командования нет единого взгляда на складывающуюся обстановку и ход событий, а отсюда и слабое, неуверенное руководство действиями частей и подразделений. Между тем личный состав дивизии в большинстве своем был из пограничников, боеспособен, хорошо подготовлен для ведения боя в любой обстановке. 10 января дивизия во взаимодействии со 169-й стрелковой дивизией наступала на город Обоянь. Однако взаимодействие частей и управление войсками было организовано слабо, и дивизия, понеся большие потери, не выполнила поставленной перед ней задачи.

В. Н. Гордов обратил мое внимание на то, что в настоящее время дивизия уже около месяца находится в обороне, ее командованию далеко не все известно о поведении и намерениях противника, так как дивизия не имеет даже пленных.

— Ваша задача, — сказал командующий, — приложить все усилия для совершенствования обороны, особенно противотанковой и противовоздушной, сделать ее упругой, устойчивой, проверить, как организовано взаимодействие частей и подразделений с танками и артиллерией, с подвижным отрядом заграждения, как обеспечиваются фланги и стыки, какими силами будут предприниматься контратаки и как будет вводиться в бой второй эшелон.

Разобраться с действительным положением дел в 8-й дивизии мне хорошо помог Павел Георгиевич Коновалов, который с первого дня формирования дивизии являлся ее комиссаром. Он сразу понравился мне своей деловитостью. Это спокойный и вместе с тем строгий и душевный человек. Офицерский состав в большинстве своем принял меня тепло. Особенно приятное впечатление произвели командиры: 16-го мотополка подполковник Петр Степанович Бабич, 28-го мотополка майор Я. В. Закревский, 10-го гаубичного артполка Виктор Кузьмич

Потанин. Однако со стороны некоторых были намеки: дескать генерал-майор не справился, не удержался, а тут подполковник…

Дав дополнительные указания на местности по обеспечению флангов и стыков между полками и подразделениями, по вводу резервов полков, танкового батальона и подвижного отряда заграждения дивизии, я в ночь на 28 апреля доложил В. Н. Гордову о состоянии дел в дивизии.

Получив соответствующие распоряжения, я стал ближе знакомиться с личным составом дивизии. Настроение у ребят хорошее, боевое. Приближался международный праздник 1 Мая. Личный состав получил добротное летнее обмундирование. Все мылись в банях, брились, переодевались в новое. Пользуясь свободными минутами затишья, писали домой письма, почти все они заканчивались одной и той же фразой: «До скорой встречи с победой». Конечно, не для каждого суждено было сбыться этой заветной мечте. Некоторые пали смертью героя уже на другой день, другие — позднее. Отдали жизни ради живущих, во имя счастья и свободы Родины.

Боевая жизнь в дивизии не прекращалась ни на одну минуту. Если одни отдыхали, другие в это время усиленно вели разведку боем и наблюдением.

— Обещаем преподнести командованию дивизии наш первомайский подарок, — говорили бойцы.

28 апреля со второй половины дня на направлении предстоящих действий разведотряда была дополнительно организована разведка наблюдением. Командир 10-го гаубичного артполка В. К. Потанин готовил артиллерийско-минометный огонь для обеспечения действий разведки.

В самый разгар подготовки через командира отряда старшего лейтенанта Е. И. Иткиса ко мне обратился командир взвода лейтенант Мухин:

— Товарищ подполковник, разрешите сходить в село Пристенное в политотдел дивизии за получением партбилета. Хочу пойти в бой коммунистом…

Когда он вернулся, то заявил:

— Ну, теперь и умереть не страшно.

— Не то говоришь, — заметил находившийся рядом начальник политотдела старший батальонный комиссар Николай Федорович Ведехин. — Надо уметь не погибнуть, остаться живым, чтобы бить беспощадно врага и с победой вернуться домой.

Вечер 30 апреля. Последний апрельский вечер. Тихий, светлый. Завтра — 1 Мая!

Диск луны, такой величественный и торжественный, медленно плыл по небу, изредка прикрываемый редкими

белесыми клочьями туч. Тишина. Чуть забудешься — и кажется, что нет никакой войны, что ты сейчас не в траншее, а просто вышел из дома подышать свежим ночным воздухом.

Но нет, враг — вот он, рядом, притаился.

После доклада Е. И. Иткиса о готовности мы за четверть часа до начала боя с подполковником П. С. Бабичем и подполковником В. К. Потаниным прибыли в район предстоящих действий, еще раз проверили готовность. На наше счастье, к этому времени тучи стали затягивать небо, луна уже надолго стала прятаться за ними.

В назначенное время разведотряд в составе усиленной роты приступил к выполнению задачи. К двум часам ночи разведчики достигли берега безымянного ручья, преодолев который, отряд стал действовать группами, но случилось так, что, замеченные противником, попали под его сильный артиллерийско-минометный огонь. Не достигнув еще исходного рубежа атаки, группы стали нести потери. Смертельно был ранен командир взвода сковывающей группы лейтенант Мухин. Когда красноармеец Пимон Иванович Юдин подполз к своему командиру, чтобы оказать ему помощь, было уже поздно. Тело храброго командира коммуниста Мухина было доставлено сначала в Озерки, а затем в деревню Марьино, где он и был похоронен с почестями.

Был дан сигнал открыть артиллерийский огонь по переднему краю обороны противника. Под его прикрытием разведотряд перешел в атаку. Здесь хорошо действовал пулеметный взвод лейтенанта Савельева, особенно расчет младшего сержанта Ерошкина, который, засекая по вспышкам огневые точки противника, успешно подавлял их.

Приближался рассвет, а бой еще только разгорался. Фашисты силою до пехотной роты под прикрытием огня артиллерии и танков с места из деревни Пселец предприняли контратаку. Разведотряд перешел к обороне и массированным огнем отразил контратаку противника. Поскольку внезапность действий отряда была сорвана и атака не имела должного успеха, была дана команда отойти на исходные позиции. И хотя контрольный пленный не был взят, что объясняется нерешительностью действий командира отряда, его малоопытностью; мы установили, что в деревнях Луги и Пселец находится батальонный район обороны противника, имеет он до двух артбатарей и до роты танков.

Вскоре установилась хорошая погода. Солнечно, тепло. Пользуясь преимуществом в воздухе, немцы все чаще стали летать над прифронтовой полосой наших войск. Наши же подразделения проявляли некоторую боязнь, не стреляли по

самолетам, чтобы не обнаружить себя. Мало пользовались и радиосвязью — опасаясь, что противник запеленгует расположение штабов. Мне пришлось кое-кому из старшего офицерского состава сделать внушение: не мы у себя дома должны бояться противника, а противник пусть боится нас. Когда необходимо — для связи надо пользоваться и радио; разумеется, разговор вести не открытым текстом, а применять шифр. В этом меня поддержал комиссар дивизии П. Г. Коновалов.

А противник, пользуясь безнаказанностью, наглел. Точно не помню, но где-то в конце мая или в начале июня немецкий самолет связи летел в Прохоровку через боевой порядок дивизии, причем на высоте, досягаемой ружейно-пулеметным огнем.

На этот раз противник поплатился: по самолету открыли огонь зенитчики дивизиона капитана Шевцова, а затем был открыт ружейно-пулеметный огонь. Подбитый самолет стал резко снижаться, и летчик, не сумев дотянуть его до своего переднего края обороны, приземлился на нейтральной зоне ближе к нам. Выскочив из самолета, он попытался бежать, но наши пулеметчики прижали его к земле. Наши бойцы решили взять его в плен, но немцы «окаймили» самолет таким сильным артиллерийско-минометным огнем, что подступиться к нему было невозможно, и лишь с наступлением темноты разведчики роты А. Ф. Смирнова сумели взять легко раненного летчика. Удалось также, подцепив самолет тросом к автомашине, отбуксировать его в штаб дивизии. В самолете оказалось много важных документов и солдатских писем, из которых мы узнали немало ценных для нас Сведений.

Этот эпизод лишний раз убедил наших воинов, что с авиацией противника можно успешно бороться, вселил веру в мощь ружейно-пулеметного огня. Теперь наши подразделения не пропускали ни одного самолета противника не обстрелянным. Забегая чуть вперед, скажу, что в октябре 1942 года в излучине Дона в районе станицы Распопинской на наши подразделения, занимающие оборону на высоте 163,3 северо-восточнее станицы, налетело звено вражеских штурмовиков. Шли они на бреющем полете. Наши воины не растерялись и стрельбой из всех видов оружия сбили два самолета.

…В июне продолжались ожесточенные бои на всем юго-западном направлении. Наши войска под ударами превосходящих сил врага, неся большие потери, отходили за реку Оскол, пытаясь закрепиться на тыловых рубежах.

28 июня противник начал более широкое наступление, нанося удары из района Курска на воронежском направлении по 13-й и 40-й армиям Брянского фронта. 30 июня из района

Волчанска перешла в наступление в направлении Острогожска 6-я немецкая армия, которая прорвала оборону наших 21-й и 28-й армий и после ожесточенных кровопролитных боев вышла к реке Осколу, продвинувшись на 80 километров.

Подвижные соединения противника перерезали линию железной дороги Касторное — Старый Оскол, охватывая с флангов войска нашего правого соседа — 40-й армии. Дивизии 21-й армии оказались в окружении. Ведя тяжелые бои, 8-я моторизованная дивизия войск НКВД- прорывалась на восток за Оскол, в направлении Коротояк.

Выполняя приказ своего командования, немецко-фашистские соединения бешено рвались вперед, беспощадно давя на своем пути все живое.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет, что политическая и военная стратегия Гитлера на ближайший период 1942 года сводилась к тому, чтобы разгромить наши войска на юге, овладеть районом Кавказа, выйти к Волге, захватить Сталинград, Астрахань и тем самым создать условия для уничтожения СССР как государства[23].

Командующий 21-й армией генерал-майор А. И. Данилов, сменивший генерал-лейтенанта В. Н. Гордова, дал командирам дивизий указание с 30 июня отвести войска на новый рубеж обороны.

Собрав старший офицерский состав, я доложил о положении наших войск на фронте, и в частности соединений 21-й армии.

— До начала отхода остается меньше суток. За столь короткое время нам необходимо проделать большую работу по организации этого сложного маневра частей и подразделений войск дивизии.

Требую со всей серьезностью понять, что отход дивизии — дело не простое, тем более связанный с выходом из боя. Ошибки недопустимы. Поэтому нужно глубоко и детально все продумать, предусмотреть, учесть, иначе может случиться непоправимое, более худшее, чем при плохо организованном наступлении. Указываю, что среди личного состава дивизии необходимо провести соответствующую работу, чтобы не возникло паники и неразберихи, которые чаще всего бывают при отступлении, если оно плохо организовано и не обеспечено. Требуются серьезность и еще раз серьезность. Это не обычный марш, а выход из окружения, связанный с тяжелой борьбой с танками, артиллерией и авиацией противника. Поэтому ни при каких обстоятельствах боя нельзя терять управление войсками.

Устанавливаю порядок осуществления маневра. Авангардом идет 16-й мотополк подполковника П. С. Бабича, имея сильный

передовой отряд. Главные силы — 28-й мотополк майора Я. В. Закревского, штаб и спецподразделения управления дивизии. Арьергард — 6-й мотополк с собственными мерами охранения во главе с батальонным комиссаром Лелюком. Особо обращаю внимание на организацию тылового охранения.

10-й гаубичный артполк подполковника В. А. Чепова, 8-й отдельный танковый батальон старшего лейтенанта Филатова, истребительный противотанковый дивизион капитана Г. Е. Перцева и зенитный дивизион капитана Шевцова под командованием подполковника В. К. Потанина двигаются от рубежа к рубежу в готовности прикрыть колонны от удара противника. Начальнику штаба подполковнику П. Н. Прихно приказано поставить задачу бронеразведроте А. Ф. Смирнова по пути движения колонн. Связь с колоннами по радио. Я двигаюсь с группой офицеров в голове авангардного полка.

Боеприпасы, которые не поднимает транспорт дивизии, приказываю выбросить с наступлением темноты на головы фашистов. Это, в свою очередь, замаскирует выход полков в исходные районы для марша, вывод войск из-под удара противника.

Вечером, как всегда, немцы через каждые 5—10 минут стали освещать ракетами местность перед передним краем обороны, давать из станковых пулеметов несколько очередей и открывать редкий артиллерийский огонь. Огонь этот велся в сущности по пустому месту переднего края нашей обороны.

С наступлением темноты заработала часть нашей артиллерии. Огонь велся в течение часа, пока не были выброшены все предназначенные для этой цели снаряды. Под огнем артиллерии и прикрытием арьергардного нолка главные силы дивизии выступили.

Двигаться было нелегко: в пути следования колонны не раз подвергались налету вражеской авиации, танки противника во взаимодействии с пехотой вынуждали нас переходить к обороне. Все попытки противника отрезать пути отхода и разбить наши подразделения успеха не имели. Немцы встречали упорное сопротивление, получали крепкие ответные удары.

Понимая, что при нашем выходе инициатива находится в руках противника, командование дивизии больше опиралось на такие подвижные и ударные силы, как 8-й отдельный танковый батальон, 10-й гаубичный артполк, отдельный истребительный противотанковый дивизион, зенитный дивизион и бронеразведроту. Умело маневрируя этими подразделениями, мы успешно наносили по противнику отражающие удары. В боях при выходе особо отличились танковые роты старшего лейтенанта И.

И. Максименко и лейтенанта А. К. Растригина, первый артдивизион капитана Николая Ефимовича Плысюка, зенитная батарея старшего лейтенанта Черняева.

Не доходя до Оскола, мы узнали о группе танков противника на восточном берегу реки и о танках в 4–5 километрах справа впереди арьергардного полка, то есть в хвосте главных сил дивизии. Вторая группа танков, до батальона, преследует арьергардный полк, не вступая в активные действия.

На основании этих данных мы пришли к выводу: противник, очевидно, стремится одновременным ударом танковых групп с запада и востока разгромить главные силы дивизии на реке Оскол. Чтобы не допустить одновременного удара, я принял решение разбить каждую группу в отдельности.

Командующему артиллерией В. К. Потанину поставил задачу: организовать засады силами артдивизиона и батареи противотанковых пушек и при попытке противника нанести удар в хвост колонны главных сил дивизии ударить по нему из засад. Остальными силами выйти в район переправы и с ходу вступить в бой с танками, оказавшимися на восточном берегу Оскола. Было основание полагать, что немцы не ввяжутся в длительный бой, а будут стремиться вперед.

Артдивизион и танковую роту танки противника встретили огнем. Завязался бой, в результате которого было подбито четыре легких и два средних танка про-

зу

тивника, остальные отошли на безопасное расстояние в ожидании одновременного удара танков с запада. Но такого удара у немцев не получилось. Понеся потери, они отошли. Потери имели и мы, правда менее значительные — были подбиты одно орудие и танк.

Когда мы с комиссаром П.Г.Коноваловым подъехали к переправе, саперная рота, находившаяся в передовом отряде 16-го авангардного мотополка, заканчивала ее разминирование. На восточном берегу догорали подбитые немецкие танки. Командир 53-й бронеразведроты получил задание вести разведку по маршруту движения колонны, не отрываясь от противника и не ввязываясь в бой с ним.

Танковая рота и зенитный дивизион были переправлены на восточный берег и подготовились к отражению противника с востока и с воздуха до прохода главных сил дивизии. С подходом колонны к переправе фашистские танки стали активно нажимать на колонну главных сил дивизии. Однако дивизион 10-го гаубичного артполка, батарея противотанкового дивизиона капитана Г. Е. Перцева и танковая рота лейтенанта Бугацкого

сдерживали их натиск, от рубежа к рубежу оказывали упорное огневое сопротивление, не давая возможности противнику не только врезаться в колонну и смять ее, но и вести по ней огонь. Враг настолько увлекся преследованием, что не заметил, как оказался под прямым огнем нашей находящейся в засаде артиллерии и танковой роты-црикрытия. Неожиданность огня просто ошеломила его. Оставив на поле боя девять горящих танков, противник стал отступать в западном направлении. В это время тяжелые бои с превосходящими силами вел и 6-й арьергардный мотополк под командованием батальонного комиссара Ефима Антоновича Лелюка.

Как враг ни стремился не допустить выхода наших войск, используя для этого не только артиллерию и танки, но и авиацию, наши части и подразделения, отражая яростные атаки, упорно продвигались на восток в междуречье Волги и Дона в район города Серафимовича — станицы Клетской.

По обочинам дорог вместе с советскими войсками на восток нескончаемым потоком двигалось гражданское население. Покинув родные места, родной кров, бросив почти все свое годами нажитое имущество, многие тысячи людей — женщин, стариков, детей, готовых на любые невзгоды и лишения, лишь бы спастись от фашистского рабства, шли на восток. Нелегко было смотреть им в глаза. Выражение их лиц говорило, что вся надежда у них на наших красноармейцев — только они, эти запыленные, измученные, израненные, но не павшие духом солдаты способны их отстоять и защитить.

А какие картины, невообразимые, страшные своей драматичностью, можно было наблюдать на переправах, где скапливались большие массы людей, машин, повозок, техники, скота. Тот, кто участвовал в боях под Ельней летом 1941 года, уже видел подобные картины. И тогда тысячи людей, гонимые пожаром войны, покидали родные места, уходили из-под Смоленска.

Но таков уж он, советский человек, что и в самых трудных условиях остается советским, его не покидает чувство дружбы, сплоченности, в беде он не оставит товарища.

Во время одной из бомбежек был пробит радиатор автомашины дивизионной радиостанции. Помощник по технике капитан Семен Мажирин бросился ремонтировать машину, но при налете вражеской авиации был тяжело ранен в обе ноги. Он требовал от товарищей оставить его, а самим уходить. Но начальник радиостанции Яков Ходоровский не оставил Мажирина в беде, положил его в машину и с одним бойцом, подливая в радиатор воду на ходу, они стали продвигаться дальше.

Но порой трудности возникали из-за нерасторопности, безответственности. Помнится, тяжелая обстановка сложилась на переправе через Дон в районе Коротояк. К моменту подхода передового отряда и авангардного полка здесь было уже немалое скопление разных частей с техникой и обозами. Спустившись с комиссаром к парому, мы увидели, что переправа работает преступно медленно. Подполковник инженерной службы Карасев доложил нам, что переправа слабенькая, к тому же нет порядка. Были здесь и старшие офицеры, а никто на себя не взял ответственности, чтобы навести порядок, установить очередность. Все кричат, угрожают друг другу расправой, а толку никакого. Пришлось нам с Коноваловым этим заняться. А войска на берегу все скапливались. Естественно, это не ускользнуло от внимания вражеской авиации, и когда появились пикирующие бомбардировщики противника, дело еще более усложнилось. Началась неразбериха. А ведь во многом повинны те, кто первым сюда пришел и не организовал переправы, не принял мер обеспечения. Да и вообще я не знаю на войне места страшнее и опаснее переправы — как при наступлении, так и при отступлении.

Постепенно переправу через Дон нам удалось наладить. Для отражения налетов авиации были выделены огневые средства.

После десятка жестоких схваток дивизия с боями вышла из окружения и к 10 июля сосредоточилась в районе Бутурлиновки, на реке Медведице, а к 12 июля прибыла в район Серафимович — станица Клетская.

В успешном выходе дивизии в излучину Дона большую роль сыграла партийно-политическая работа среди личного состава, которая велась непрерывно и целеустремленно. С особенной благодарностью вспоминаю комиссара дивизии Павла Георгиевича Коновалова, человека с большим опытом политико-массовой работы. Коновалов постоянно находился в подразделениях, разъяснял бойцам задачу отхода, подчеркивая, что от ее успешного выполнения зависит судьба не только дивизии, а и армии, которая должна вовремя выйти в указанный район и занять новый рубеж обороны. Еще в период подготовки к операции в ротах, батареях прошли короткие партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждались конкретные задачи подразделений. Во всех подразделениях были выпущены злободневные боевые листки.

Все это "положительно сказалось на выполнении дивизией задачи. Противник много раз пытался охватить наши колонны с флангов, окружить и уничтожить, но это ему не удалось. Враг нес немалые потери, отступал или переходил к обороне.

Потери имели и мы, главным образом в 6-ом арьергардном мотополку. Но, выйдя из окружения, дивизия осталась боеспособной.

При выходе связь с 21-й армией прервалась. Лишь на второй день выхода из окружения к нам прилетел из штаба армии полковник артиллерии и указал маршрут и район выхода. При этом он предупредил нас, что, когда летел сюда, ему с воздуха были видны и справа, и слева, и впереди по маршруту движущиеся колонны противника. Впрочем, это нам и так было ясно. Трудность представляли и две больших водных преграды, которые предстояло преодолеть.

Бывший командир 586-го стрелкового полка полковник Герой Советского Союза Иван Михайлович Некрасов, у которого я был командиром батальона, после двух тяжелых ранений теперь использовался как офицер Генерального штаба при 21-ой армии. Он потом и рассказал мне и П. Г. Коновалову, какой шел разговор и как решался вопрос о 8-й моторизованной дивизии войск НКВД на Военном совете армии. Связи с дивизией нет, говорилось на совете, неизвестно, где она, да и вообще сохранилась ли дивизия. Словом, надежда на наш выход в штабе армии была очень небольшая. Но мы вышли, и притом с малыми потерями.

Иней не искушенный в военном деле человек может посчитать, что отступление — дело более простое, чем наступление. Но это совсем не так. Отступающий всегда находится в менее выгодном положении: его по пятам преследует противник, а если еще он сильнее тебя да притом стремится окружить, взять в тиски, то и того хуже. Это одна сторона дела. Другая — моральный фактор. Отход, отступление всегда действует на человека угнетающе. У наступающего бойца совсем другое настроение — бодрое, победное. Он хозяин ситуации, рвется вперед, и это еще больше прибавляет ему сил. Отсюда отступление является одним из сложных видов боя, это сложнейший маневр: надо уметь вывести свои войска из-под носа противника, обмануть его, при этом не только сохранить, но и накопить силы для нового, неожиданного удара.

И все это в условиях, когда инициатива находится в руках противника.

Глава пятая. И снова — бой!

После поражения немцев под Москвой на советско-германском фронте наступило временное затишье. Обе стороны перешли к обороне. Директивой № 41 от 5 апреля 1942 года Гитлер предусматривал нанести сначала удар на южном крыле советско-германского фронта, захватить Кавказ и Волгу, отторгнуть от Советского Союза богатейшие промышленные и сельскохозяйственные районы, получить дополнительные экономические ресурсы (в первую очередь кавказскую нефть), занять господствующее стратегическое положение, а затем вновь атаковать Ленинград и Москву. После захвата Сталинграда, как планировало гитлеровское руководство, двигаться, прикрываясь Волгой, на север в обход Москвы с востока[24].

С выходом противника к середине июля 1942 года в большую излучину Дона в район Боковская — Морозовская — Миллерово — Кантемировка началась историческая битва под Сталинградом. В этом грандиозном сражении участвовала и 21-я армия.

Под натиском численно превосходящих сил противника наши войска, ведя тяжелые бои, продолжали отходить на восток. На широких просторах излучины Дона все лето 1942 года противник накапливал большие силы, перебрасывая с Запада свежие дивизии, артиллерию, танки, авиацию.

Части и подразделения 21-й армии, сдерживая в ожесточенных боях врага, переправились на левый берег Дона и заняли оборону.

12 июля был создан новый, Сталинградский фронт, на который возлагалась задача во что бы то ни стало удержать Сталинград, и не допустить выхода противника к Волге. (Позже, когда силы противника, наступающего на город, окончательно определились, Сталинградский фронт был разделен на два — был еще создан и Юго-Восточный фронт, который развернулся юго-западнее и южнее Сталинграда). 21-я армия, вошедшая в состав Сталинградского фронта, заняла полосу обороны северо-западнее города — от Серафимовича до станицы Клетской»

Гитлер и его генералы, не только не ослабляя, а, напротив, усиливая напор, все еще надеялись сломить сопротивление наших войск, разгромить их, чтобы закончить войну в 1942 году. Несмотря на огромные потери, гитлеровцы изо всех сил рвались к Сталинграду. Особенно усердствовала их авиация. Например, только за одни сутки 23 августа она совершила около двух тысяч самолето-вылетов. А это значит, что только за одни сутки тысячи семей лишились крова, тысячи людей погибли, тысячи детей

потеряли матерей… Фашисты хотели потопить город в крови, вызвать среди населения панику, страх, чтобы все-таки овладеть городом и выйти к Волге. «День 23 августа был для сталинградцев беспредельно тяжелым, но вместе с тем он показал врагу, что стойкость и героизм наших людей, их выдержка и беспримерное мужество, воля к борьбе и вера в победу не могут быть поколебимы ничем. Это было результатом той большой воспитательной работы, которую вела коммунистическая партия с советскими людьми в мирные годы, которую в дни тяжелых испытаний продолжали вести партийные, комсомольские организации, наши командиры и политработники»[25].

Надеждам врага не суждено было сбыться. Наши войска, отходя в указанные им районы, занимали прочную оборону. Бойцы, проявляя железную стойкость и бесстрашие в бою, останавливали полчища врага.

14 июля 1942 года 8-я моторизованная дивизия войск НКВД была преобразована в 63-ю стрелковую дивизию. Изменилась и нумерация ее частей и подразделений. В ее состав вошли 226-й, 291-й и 346-й стрелковые полки, 26-й артиллерийский полк, 273-й отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион, 175-й отдельный минометный дивизион 120-миллиметровых минометов, 109-я отдельная зенитно-артиллерийская батарея, 53-я стрелковая разведывательная рота, 51-й отдельный батальон связи, 170-й отдельный саперный батальон, 400-я авторота подвоза, 23-я полевая хлебопекарня, 562-й медсанбат, 51-й ветеринарный лазарет и другие учреждения и мелкие подразделения[26]. Перед нашей дивизией в числе других соединений войск, находившихся в северной части излучины Дона, была поставлена задача проводить решительные наступательные действия, не давать противнику возможности накапливать свежие силы в направлении Сталинграда. Обстановка в полосе 21-й армии от Серафимовича до Клетской была очень тяжелой. На правом берегу Дона 304-я стрелковая дивизия с большим трудом удерживала маленький плацдарм у Серафимовича, а части 278-й стрелковой дивизии — в районе Клетской. Остальные дивизии, в том числе и 63-я, занимали оборону на восточном берегу, удерживая участки, где противник пытадёя — форсировать реку.

30 июля 63-я дивизия получила от командующего армией приказ переправиться на правый берег Дона в районе Серафимовича и во взаимодействии с 304-й и 124-й-стрелковыми дивизиями овладеть рубежом хуторов Иванушенский — Евстратовский с целью расширения плацдарма в этом районе.

Противник, разгадав наш замысел, сосредоточил основные

усилия против оборонявшихся частей 304-й дивизии и стал их теснить. Договорившись с командиром этой дивизии полковником С. П. Меркуловым, мы решили: он частью сил сковывает противника с фронта, а другой частью во взаимодействии с 226-м стрелковым полком майора Г. Г. Пантюхова 63-й дивизии и с приданным 8-м танковым батальоном старшего лейтенанта И. И. Филатова наносит удар во фланг атакующего противника.

В результате двухчасового напряженного боя итальянский полк пехотной дивизии «Челере» был разгромлен, остатки были отброшены в западном направлении. Положение 304-й дивизии было восстановлено.

В этой операции особенно отличился 8-й танковый батальон, и в частности рота старшего лейтенанта И. И. Максименко, которая огнем из пушек и пулеметов, а также гусеницами беспощадно уничтожала, давила огневые средства и пехоту противника. Под стать этой танковой роте была и другая — лейтенанта А. К. Растрогана. Умело громила врага батальонная и полковая артиллерия, батарея старшего лейтенанта Н. Ф. Гусева.

Однако противник не хотел примириться с нахождением наших войск на правом берегу Дона. Подтянув резервы и создав численное превосходство в технике и живой силе, он предпринял серию контратак, в результате которых ему все же удалось прорвать оборону 304-й дивизии.

30 июля гитлеровцы овладели городом Серафимовичем, захватили станицу Клетскую. С потерей их мы лишились последних населенных пунктов на правом берегу Дона, за нами оставались лишь небольшие клочки земли.[27]

Враг всячески пытался сбросить нас в реку, но все его попытки оказались безуспешными.

В течение августа войска 21-й и 63-й армий вели активные наступательные действия против левого фланга немецкой группировки. В результате напряженных боев 14 августа 96-я стрелковая дивизия овладела хутором Затонским, а 304-я дивизия — хуторами Хоперским, Хованским и Рыбным.

63-я стрелковая дивизия получила задачу форсировать Дон и овладеть хуторами Мелоклетским и Меломеловским и прилегающими к ним высотами. Чтобы выполнить эту нелегкую задачу, пришлось проделать большую подготовительную работу. За дело прежде всего взялись саперы — 170-й саперный батальон капитана Н. Г. Баклана и саперные роты полков под общим руководством дивизионного инженера заготавливали лес. Работы не прекращались ни днем ни ночью, благо в глубине леса даже авиация противника не могла обнаружить саперов.

Заготовленный материал сразу же доставлялся стрелковыми ротами к берегу.

А пока велись эти подготовительные работы, командующий артиллерией дивизии В. К. Потанин, начальник разведки С. С. Бессонов, командиры других подразделений на своих участках дополнительно организовали разведку наблюдением. Все замеченное на стороне противника тут же заносилось на планшеты, записывалось в журналы наблюдения. Заместитель по тылу подполковник интендантской службы П. Е. Конанчук принимал меры по обеспечению наступательных действий дивизии всем необходимым. Трудностей было хоть отбавляй, а тут еще дополнительные выявились: барханы сыпучих песков прямо-таки отрезали нас от станций снабжения, которые находились за 75—100 километров. Лошади и автотранспорт за одну поездку выводились из строя. Мы получили указание о заготовке продовольствия на месте. Но продовольствие — это ведь одна сторона снабжения. Другая, еще более важная — обеспечение дивизии всеми видами боеприпасов. К тому же надо эвакуировать раненых.

Военный совет армии принял срочные меры, и дороги на перевалах в основном были восстановлены. К началу активных действий войска армии были обеспечены боеприпасами и продовольствием, хотя и в недостаточном количестве. К утру 17 августа во всей полосе наступления дивизии была проведена инженерная разведка, данные которой позволили наметить участки форсирования, пункты переправы и исходные районы.

Многое нам было известно и о противнике. Оборона его проходила по хуторам Мелоклетскому, Меломеловскому и по прилегающим безымянным высотам. Организована она была по принципу отдельных опорных пунктов, находящихся в огневом взаимодействии.

После оценки обстановки и средств было принято решение силами передовых батальонов захватить плацдармы. Для обеспечения форсирования передовых отрядов и подразделений первого эшелона дивизии привлекалась вся полковая и дивизионная артиллерия и часть приданной. На время боя на плацдарме для сопровождения подразделений артиллерийская подготовка планировалась методом последовательного сосредоточения огня.

Немалую трудность при форсировании реки представляла организация связи и взаимодействия, особенно переправившихся подразделений с артиллерией, которая оставалась еще на левом берегу. Здесь большое искусство проявили начальник связи дивизии капитан В. Н. Настечик, командиры рот связи

стрелковых полков и артиллерии. Для размотки кабеля с лодок и плотов были изготовлены специальные катушки, для переносных радиостанций сшиты непромокаемые мешки. Такая тщательная подготовка связистов и их самоотверженная работа во время форсирования реки позволили обеспечить бесперебойную связь и непрерывное управление частями и подразделениями дивизии. Задачи полкам первого эшелона были поставлены: 226-му стрелковому полку майора Г. Г. Пантюхова со средствами усиления форсировать Дон в направлении хутора Мелоклетского, передовым 3-м учебным батальоном капитана В. Т. Широкоумова овладеть рубежом северо-восточнее хутора, а главными силами полка — хутором; 291-му полку подполковника П. С. Бабича передовым батальоном капитана Н. Лискунова овладеть рубежом южнее хутора Меломеловского, главными силами полка — высотой безымянной. Начальник политотдела Н. Ф. Ведехин, комиссар П. Г. Коновалов с работниками политаппарата все время находились в частях и подразделениях дивизии, оказывая помощь командирам рот, политработникам по доведению задач до всего личного состава. Свою задачу подразделения могли выполнить только быстрой, организованной переправой и решительными действиями по захвату и расширению плацдарма. На это и нацеливался весь личный состав дивизии. Перед выходом на исходную линию для форсирования реки в ротах передовых батальонов были проведены короткие митинги.

С наступлением темноты 18 августа передовые батальоны и главные силы полков первого эшелона дивизии скрытно и бесшумно выдвинулись в указанные районы. Форсирование началось в первой половине ночи с соблюдением полной тишины и мер маскировки. Первыми переправу начали учебный батальон капитана В. Т. Широкоумова на лодках и понтоне из лодок А-3 и 1-й батальон капитана Н. Лискунова — на рыбацких лодках и плотах из бревен. Форсировав Дон, передовые батальоны в коротком бою сбили боевое охранение противника, захватили плацдарм и тем самым создали условия для переправы полков первого эшелона дивизии. Враг, не зная толком создавшейся обстановки и наших сил и боясь окружения, отвел остатки боевого охранения. Захваченные пленные принадлежали 9-му и 89-му пехотным полкам 5-й и 14-й пехотных дивизий 5-го румынского корпуса.

После короткой массированной артиллерийской подготовки батальоны первого эшелона начали продвигаться вперед. В полосе 226-го полка первыми поднялись в атаку бойцы 1-го батальона, а в 291-м полку — батальон капитана И. К. Стулина.

В первой половине дня 19 августа 226-й и 291-й полки

выполнили задачи: в упорном бою они овладели хуторами Мелоклетским и Меломеловским и безымянной высотой. С целью восстановления рубежа обороны противник силою до пехотного батальона, роты танков при поддержке дивизиона артиллерии атаковал 226-й стрелковый полк. В это же время 291-й полк был атакован двумя пехотными батальонами противника, поддержанными дивизионом артиллерии среднего калибра.

Цепи подразделений залегли и открыли организованный огонь из всех видов оружия. Полковая и батальонная артиллерия вступила в борьбу с танками и пехотой противника прямой наводкой. Дивизионная и приданная артиллерия вела усиленную борьбу с вражеской артиллерией. Противник неоднократно пытался восстановить свое положение, но безуспешно. Хорошо помогала артиллерия 26-го гаубичного артполка дивизии полковника В. А. Чепова и поддерживающий тяжелый пушечный артполк подполковника Телегина. Особо отличалась батарея старшего лейтенанта Н. Ф. Гусева из 226-го стрелкового полка. Умело маневрируя, она прямой наводкой уничтожила четыре танка и более роты пехоты противника. Исключительную храбрость и отвагу в этих боях проявили бойцы орудийного расчета младшего сержанта В. Н. Манойлина. На орудие двигалось два танка. Бойцы не растерялись, подбили оба танка. Чтобы удержать захваченный рубеж, я решил ввести в действие 346-й стрелковый полк майора И. Ф. Юдича. Переправа этого полка была трудной, потому что противник, подтянув артиллерию и минометы, открыл по пунктам переправ усиленный огонь. Лишь к исходу дня полк переправился и, заняв оборону, прикрыл левый фланг 291-го стрелкового полка.

С утра 20 августа подразделения дивизии с целью расширения плацдарма возобновили наступление, но, к сожалению, успеха не имели. Противник не только оказывал упорное сопротивление, но и предпринимал неоднократные контратаки силою от роты до батальона с 8—10 танками, стремясь отбросить нас снова за Дон. Два дня продолжались напряженные бои, наши атаки сменялись контратаками противника, доходившими до рукопашной схватки. Подразделения дивизии дрались стойко и мужественно. Как показали пленные офицеры, в этих четырех суточных боях было уничтожено свыше 2100 солдат и офицеров, несколько танков 5-й и 14-й пехотных дивизий 5-го армейского корпуса румын. (Это же потом подтвердил генерал Стэнеску). 22 августа по указанию командующего 21-й армией генерал-майора А. И. Данилова наша дивизия с целью закрепления захваченных рубежей перешла к обороне, при этом особое внимание мы обратили на усиление

флангов — правого 226-го и левого 346-го полков. В 291-м и 346-м стрелковых полках батареи противотанкового дивизиона назначались в резерв по борьбе с танками противника. Во всех полках были созданы подвижные отряды заграждения с необходимым запасом противопехотных и противотанковых мин. Командующий артиллерией подготовил заградительный огонь на флангах и стыках стрелковых полков. На флангах, стыках, а также на основных направлениях действий противника силами 170-го саперного батальона дивизии и саперных рот полков были созданы противотанковые и противопехотные минные поля.

24 августа в распоряжение командующего 6-й армией Паулюса следовала 100-я егерьская Восточно-Прусская дивизия генерал-лейтенанта Занне. Несколько позднее мы узнали, что Занне от Паулюса по радио получил задание — отбросить войска русских на левый берег Дона и тем самым восстановить положение частей генерала Стэнеску. Эту задачу Занне решил выполнить силой танкового батальона. Появление танков с десантом мы обнаружили вовремя, и поскольку их было много, нам стало ясно, что это какое-то новое соединение противника.

Посоветовавшись с командующим артиллерией дивизии и комиссаром и прикинув свои возможности (около тридцати орудий, которые можно будет использовать для стрельбы прямой наводкой, рота противотанковых ружей, противотанковые отряды заграждения плюс минные поля), мы нашли, что сил на отражение танков противника хватит, хотя и маловато бронебойных снарядов.

Даю указание: подпустить танки противника с десантом как можно ближе. Танки шли двумя эшелонами.

— Ничего, организованно встретим, товарищ полковник, опыт теперь у нас есть, — сказал В. К. Потанин. — Бойцы в укрытии, над головой пока чистое небо.

Меня именно это и беспокоило — как бы не появилась вражеская авиация. Тогда куда сложнее будет.

В первом эшелоне шло 25–30 танков, которые с ходу и на коротких остановках вели огонь. Вот они ближе, ближе. По команде В. К. Потанина артиллеристы открыли огонь прямой наводкой. Вскоре подала свой голос и артиллерия левого берега Дона. Внезапность массированного огня ошеломила противника. Остановившись, танки с места открыли усиленный огонь. Завязалась упорная борьба нашей артиллерии с танками. Вот уже пять из них подбито. Вскоре загорелось еще шесть. Атака с ходу, на которую враг рассчитывал, не удалась. Бросив дымовые шашки, танки под прикрытием дымовой завесы стали отходить. На поле боя осталось 17 подбитых и горящих машин. Несколько

танков подорвалось на минном поле и на минах подвижного отряда заграждения, которым командовал заместитель командира 170-го саперного батальона капитан А. А. Козин.

Не добившись успеха танковым батальоном, генерал Зайце решил выполнить задачу авангардным полком при поддержке артиллерии. Однако и на этот раз противник со значительными потерями был отброшен.

В отражении противника на этот раз отличилась 5-я батарея 26-го артполка под командованием старшего лейтенанта Е. Терезова. Только орудие сержанта М. В. Васильева уничтожило пушку сопровождения пехоты и до взвода вражеских солдат. Орудие сержанта Н. Ф. Иванова противотанковой батареи 226-го стрелкового полка уничтожило два тяжелых пулемета и противотанковое орудие.

…Через несколько дней полосу обороны в районе хуторов Мелоклетского и Меломеловского от нашей дивизии приняла 321-я стрелковая дивизия генерал-майора И. А. Макаренко. Докладывая командующему армией о сдаче полосы обороны и выходе дивизии на левый берег Дона, я попросил для личного состава дивизии отдых дня на три-четыре, чтобы пополниться всем необходимым, помыться и провести с офицерским составом минометных рот, батальонов стрелковых полков и минометного дивизиона учебные сборы. Минометы — грозный вид оружия и лучше обеспечивается минами, считал я. А в данном случае минометный огонь эффективнее артиллерийского, особенно при подавлении противника в окопах, траншеях, складках местности и при отражении его атак. Однако мощь минометного огня пока, к — сожалению, слабо используется.

Командующий дал свое согласие, но предупредил:

— Высота 163,3 северо-восточнее станицы Распопинской занята противником, все попытки 304-й стрелковой дивизии захватить ее успеха не дали, а с этой высоты хорошо просматривается зеркало Дона и за полосой леса наш тыл на левом берегу на 15–18 километров. Это одно. И второе: посоветуйтесь с Меркуловым, как лучше овладеть этой высотой.

В тот же день по моему указанию командующий артиллерией, начальник разведки и командиры полков в полосе 304-й стрелковой дивизии организовали разведку наблюдением. Дивизионный инженер занялся изучением участков и пунктов форсирования, подготовкой средств переправы и устройством проходов в минных полях.

Приведя личный состав в порядок и проведя учебные сборы офицеров минометных подразделений, мы принялись за изучение разведданных штаба 304-й дивизии и докладов личного

наблюдения офицеров своей дивизии. Учли и информацию командира 304-й дивизии С. Л.Меркулова о том, что его дивизия не раз и в разное время суток наступала на высоту, занятую превосходящими силами противника. И каждый раз штурм не давал должных результатов, потому что оборона противника проходит по выгодному для него рубежу, в то же время тыл 304-й дивизии отрезан Доном.

Тщательно изучив все данные, решили просить командующего армией дать указание провести разведку боем одним из подразделений 304-й дивизии, чтобы скрыть появление новой дивизии. Командующий дал свое согласие.

А в это время полным ходом велась подготовка средств форсирования.

…С началом разведки боем мы с наблюдательного пункта уточняли систему огня противника, расположение его огневых средств.

В ходе разведки боем было установлено, что высоты северо-восточнее станицы Распопинской являются сильно укрепленными опорными пунктами противника, взять которые без хорошей артиллерийской подготовки будет трудно, а без средств усиления — просто невозможно. К тому же складки местности дают возможность противнику располагать часть артиллерийских и минометных батарей в местах, недосягаемых для огня нашей артиллерии. У гитлеровцев есть и сильный резерв, который, надо полагать, будет использован для отражения нашего удара. К тому же наш тыл отрезан рекой и не может постоянно и непрерывно обеспечивать атакующие подразделения всем необходимым. Расчет — на темноту ночи, когда противник не сможет применить авиацию и танки. И еще: важными факторами успеха являются внезапность и стремительность нападения. У бойцов физических и моральных сил хватает в среднем на 2–3 часа напряженного боя. В предстоящей атаке есть и особенность: когда дивизия наступает в составе армии, у командира есть возможность кроме резерва оставлять в своем распоряжении часть сил, в данном же случае должны активно действовать все силы дивизии, за исключением не более одного стрелкового учебного батальона. Подсчитав все свои плюсы и минусы, мы пришли к выводу, что для выполнения поставленной задачи — разгрома 13-й пехотной дивизии противника на указанных, высотах — нам недостает сил и средств. Было ясно и другое: если и удастся захватить высоты, то едва ли мы сможем их удержать. Ведь Паулюс непременно потребует от командира 5-го армейского корпуса любой ценой восстановить положение, ибо занимаемая позиция позволяет просматривать не только Дон, но и наш тыл.

Доложив командующему армией обстановку, я попросил его усилить дивизию танковым батальоном, который прежде был в составе дивизии, пушечным артполком и поднять звено самолетов. Задача авиации — обрушиться на не наблюдаемые нами в складках местности артиллерийские и минометные батареи и вести корректировку огня нашей артиллерии. Командующий нашу просьбу удовлетворил.

В ночь на 22 сентября 226-й и 291-й стрелковые полки и танковый батальон переправились на правый берег Дона, сменили части 304-й стрелковой дивизии и заняли исходное положение для наступления. А затем форсировал Дон и 346-й стрелковый полк И. Ф. Юдича. Мы должны к рассвету успеть не только выбить противника с занимаемых рубежей, но и закрепиться для отражения атак, которые, надо ожидать, последуют одна за другой, чтобы сбросить нас с высоты. Мы ни на минуту при этом не забывали, что для удержания выгодного для обеих сторон рубежа необходимо бесперебойное обеспечение действующих частей и подразделений, особенно артиллерии и танкового батальона. Значит, работа тыла обеспечения должна быть организована четко и надежно.

В мужестве и отваге своих бойцов мы не сомневались, каждый будет драться до последней капли крови.

Перед нашей дивизией ставилась задача: овладев высотами, прилегающими к станице Распопинской, перерезать дорогу Распопинская — хутор Караженский, тем самым содействуя усиленному отряду 278-й стрелковой дивизии в захвате Распопинской. А подразделения 76-й стрелковой дивизии в это время должны были захватить высоту и хутор Караженский.

Форсировав Дон, подразделения 63-й дивизии и танковый батальон заняли исходное положение. Я доложил командующему армией о готовности к боевым действиям.

После массированного 20-минутного артиллерийско-минометного налета на направлении главного удара пехота во взаимодействии станками в стремительном темпе стала углубляться в оборону противника.

Решительные действия дали свои результаты: командиры частей докладывали, что противник ошеломлен и в панике бежит. Танки батальона капитана Филатова и звено самолетов не дают ему опомниться.

Штурм обороны противника закончился полным разгромом 13-й пехотной дивизии 5-го румынского корпуса. С рассветом противник, приведя себя в порядок, предпринял ряд контратак, которые, однако, не принесли ему успеха. Наши подразделения шаг за шагом продвигались вперед. К утру 23 сентября 226-й полк

овладел высотой северо-восточнее Распопинской, а 291-й полк — высотой северо-западнее хутора Староклетского.

В продвижении пехоты существенную роль играл огонь артиллерии дивизии и приданного пушечного артполка. Особенно хорошо действовали дивизион 26-го артполка капитана Тыквича и танки огнем с места.

И нам и противнику было ясно: кто удерживает в своих руках высоту 163,3 и прилегающие к ней безымянные высоты, тот фактически является хозяином положения иа этом участке фронта. Это и предопределило в дальнейшем ожесточенность боев, которые практически не прекращались ни днем ни ночью.

Дело заключалось не только в овладении весьма важным тактическим рубежом господствующих высот в этом районе, но и в том, что в это время немецко-фашистская армия Паулюса рвалась к Сталинграду. Именно сюда гитлеровское командование решило бросить все свои резервы, сняв их с пассивных участков, так как на Сталинградском направлении, по его замыслу, решалась судьба летне-осенней кампании 1942 года.

Нам нужно было сковать силы противника и не дать ему возможности перебрасывать новые части под Сталинград.

Потеряв выгодные позиции, противник, разумеется, не успокоился. На следующий день после короткой, но сильной артиллерийской подготовки он перешел в контратаку. И лишь с вводом в бой 346-го полка майора И. Ф. Юдича он был остановлен и отброшен, однако по требованию Паулюса снова и снова повторял контратаки. Завязались ожесточенные бои, доходившие до рукопашных схваток. Только к исходу 25 сентября дивизии удалось основательно отбросить врага и прочно закрепиться на высотах. Но нам было ясно, что и на этот раз противник не смирится и попытается опять вернуть высоту. Было принято решение уплотнить боевые порядки дивизии, подтянуть артиллерию и минометы, держать их в постоянной боевой готовности.

Так оно и случилось. С утра 26 сентября бои возобновились. Начали их вражеские самолеты бомбовыми ударами. Затем после артиллерийской подготовки до полка пехоты во взаимодействии с танковой ротой пошло в атаку. И опять безрезультатно.

63-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 76-й овладела ключевыми высотами, перерезала дорогу Распопинская — Караженский, освободив несколько близлежащих хуторов.

В течение пяти суток почти непрерывных боев дивизия вместе с приданными частями отразила 38 контратак, нанеся врагу большие потери. Румыны только на этом участке за пять суток потеряли 4968 солдат и офицеров убитыми и 7853 ранеными,

много боевой техники и снаряжения[28].

Наши бойцы и командиры проявили чудеса героизма и храбрости. Вот один из множества примеров.

Во время отражения атаки противника политрук роты Смирнов из 226-го полка поднял бойцов одного взвода и повел их в контратаку. Смело преследуя врага, взвод занял в его обороне высотку и долго удерживал ее, отбивая многочисленные вражеские атаки. Дивизионная газета «За Родину!» в статье «Подвиг 16 героев» так писала об этом подвиге:

«Воины нашей Родины! Запомните имена героев. Вчера бойцы под командой политрука Смирнова в ходе контратаки овладели высотой. Вскоре до роты румын атаковали наших бойцов. Атаку отбили. Через три часа снова атака. И эту отбили. К вечеру шла в атаку рота немцев. Красноармеец Чирков громко объявил об этом на всю высоту.

Коммунист младший сержант В. Н. Манойлнн сказал: «Били румын, побьем и «чистокровных». Подпустив к себе противника на близкое расстояние, в упор расстреляли около сотни фашистов. Шестнадцать бойцов удержали высоту, в их числе: душа роты комсомолец азербайджанец младший сержант Амилов Салат, старший сержант Бирюков Василий Иванович, красноармейцы Молоканов Виктор Павлович, Царенков Владимир Петрович и санитарка Вера Федоровна Салишникова, которая еще вчера вынесла с поля боя не один десяток раненых бойцов и сама вслед за взводом пробралась на высоту, перевязывая раны ее защитникам»[29].

К концу октября положение наших соединений, оборонявшихся на плацдарме, значительно укрепилось.

5-й армейский корпус румын в течение почти трех месяцев предпринимал атаки и каждый раз разбивался о стойкость обороны 63-й дивизии. Бойцы и командиры ясно понимали, как необходимо было захватить важный в оперативном отношении плацдарм, оседлать выгодные высоты и тем самым лишить противника возможности контролировать наш тыл.

Младший офицерский состав научился умело использовать все виды огня, в том числе и минометного. Сочетание огня с маневром солдат — сила грозная. Старший офицерский состав овладел техникой прорыва обороны противника, умением закреплять захваченный рубеж, отражать атаки и активно взаимодействовать подразделениями и огнем всех видов, смело переходить в решительные контратаки. Командиры стали более уверенно действовать, и эта уверенность предопределяла действия солдат.

Каждый из нас каждый день, в каждом бою учился воевать —

и тогда, когда противник наступал, а мы отступали, и теперь, когда мы стали его теснить.

За период подготовки к решительному наступлению под Сталинградом, то есть до середины ноября, только наша дивизия уничтожила свыше десяти тысяч румынских, итальянских и немецких солдат и офицеров. Почти 15 тысяч противник имел раненых. Это подтверждается документами штаба и данными журнала боевых действий 5-го армейского корпуса и личного доклада румынского бригадного генерала Траяна Стэнеску[30].

Решающее значение в укреплении дисциплины и воспитании стойкости в бою играл личный пример командира, политработника, коммуниста и комсомольца. Слабость, малодушие и недисциплинированность резко осуждались. Однако мы, старшие командиры, понимали, что стойкость бойцов зависит не только от одного желания- хорошо воевать, но и от умения. Поэтому и командование и политотдел дивизии постоянно проводили болъшую работу среди воинов, особенно молодых, по изучению оружия и методов его применения. Боевому мастерству учились все: и рядовые бойцы, и командиры, и политработники всех рангов и степеней. Только сочетание умения, мастерства воевать с храбростью, с чувством беззаветной любви к своему народу, к Родине делают солдата непобедимым. Это такие воины, как сержант Сухоплюев, рядовой Чепкасов, лейтенант Михайлов, рядовой Коледов, политрук Никифоров, комиссар полка Захаров, рядовой Гаврилов, санитарка Салишникова, истребитель танков Люба Земская, комсомолец Сашко и многие-многие другие, стояли у истоков всех героических дел гвардейцев, чьи славные традиции свято береглись и приумножались.

Наши активные действия северо-западнее Сталинграда значительно ослабили удар 6-й немецкой армии Паултоса, противник вынужден был повернуть крупные силы для обеспечения своего фланга с севера и на несколько дней отказаться от наступления на Сталинград[31].

А выиграть время, хотя бы и несколько дней, чтобы подтянуть свои силы и резервы, для нас было тогда главной задачей в подготовке к решительному наступлению.

Глава шестая. На Дону и Волге

Бои под Сталинградом принимали все более напряженный характер. Стремление противника овладеть городом становилось все упорнее. Гитлеровское командование стягивало сюда громадные силы, перебрасывало с других направлений новые десятки своих дивизий, а также дивизий стран-сателлитов. К осени противник имел 56 дивизий. Однако воины 62-й и 64-й армий мужественно и стойко защищали волжскую твердыню.

Враг был уверен, что ему все же удастся овладеть Сталинградом. Еще в начале борьбы за город Гитлер хвастливо заявил, что немецкие войска очень скоро возьмут Сталинград. Письма немецких солдат и офицеров также вначале свидетельствовали о такой уверенности гитлеровцев, но затем тон этих писем изменился и в них появились нотки сомнений и неуверенности. Ефрейтор Вальтер, например, писал: «Сталинград — это ад на земле, Верден, красный Верден с новым вооружением. Мы атакуем ежедневно. Если нам удается утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно»[32].

Уже несколько месяцев продолжались ожесточенные схватки. Успехи фашистов исчислялись метрами захваченной территории, зато потери в живой силе и боевой технике были огромные. За время боев на Сталинградском направлении враг потерял до 700 тысяч убитыми и ранеными, более 1000 танков, свыше 2 тысяч орудий и минометов и 1400 самолетов[33].

Силы главной вражеской группировки с каждым днем ослабевали. Свыше 50 дивизий было втянуто в изнурительные бои. На флангах гитлеровской группировки действовали румынские и итальянские дивизии, которые по подготовке и боеспособности уступали немецким. Не сумев добиться успеха, противник вынужден был перейти к обороне. Инициатива была у него вырвана.

Ставка Верховного Главнокомандования разработала план контрнаступления с целью окружения и полного разгрома немецко-фашистских войск, прорвавшихся к Волге, силами трех фронтов — Сталинградского, Донского и- Юго-Западного. В состав последнего входила и 21-я армия, командование которой 14 октября 1942 года принял генерал-лейтенант И. М. Чистяков. Задачей войск армии в ходе контрнаступления было: действуя в составе ударной группировки фронта, прорвать оборону противника на участке Распопинская — Клетская и наступать в направлении хуторов Осиновки — Манойлина, затем, выйдя в тыл гитлеровских войск, во взаимодействии с 5-й танковой

армией окружить и уничтожить части 4-го и 5-го румынских корпусов и в дальнейшем наступать на Калач для окружения фашистской группировки под Сталинградом[34].

63-я стрелковая дивизия со средствами усиления имела задачу прорвать оборону частей 15-й пехотной дивизии на высотах в районе Распопинской и в дальнейшем, развивая наступление, во взаимодействии с 96-й стрелковой дивизией окружить и уничтожить части 5-го румынского армейского корпуса.

Задачу свою дивизии было выполнить нелегко, так как в полосе ее наступления находился глубокий овраг, и 291-й стрелковый полк подполковника П. С. Бабича пришлось на этом участке растянуть широко по фронту, чтобы активным огнем сковывать противника и продвигаться по мере наступления ударных полков — 226-го майора Г. Г. Пантюхова и 346-го подполковника И. Ф. Юдича, усиленных артиллерией группы ПАГ. В моем распоряжении имелась артиллерийская группа дальнего действия. Артгруппам под управлением полковника В. К. Потанина вменялось совместно с танковым полком обеспечение прорыва переднего края обороны противника.

В частях и подразделениях дивизии началась большая подготовка к предстоящей операции. Офицерский состав изучал противника, доразведывал его оборону, уточнял систему огня, силы и расположение резервов. Было установлено, что оборона противника, передний край которой проходил северо-восточнее Распопинской, имеет систему опорных пунктов и узлов сопротивления на высотах и в населенных пунктах, обороняемых, как правило, ротой или батальоном. По данным разведки штаба армии и показаний пленных нам было известно, что полоса фашистской обороны состоит из двух позиций глубиной до 8 километров. На позициях оборудованы дзоты, отрыты окопы полного профиля, соединенные ходами сообщения.

Подступы к переднему краю обороны прикрыты мин-но-взрывнымн и проволочными заграждениями. Большое препятствие в полосе действий наших войск представлял Дон, лед на котором как следует еще не установился. Поэтому немало сил и средств требовалось для настила усиления льда. В тяжелых условиях работали саперы, строившие переправы через реку и проделывавшие проходы в своих и вражеских минных полях. В частях и подразделениях соблюдались строжайшие меры маскировки. Инженерные работы, передвижения, сосредоточение и маневрирование войск проводились скрыто, только ночью. Но на отдельных участках саперам приходилось работать и под артиллерийским огнем и авиационной бомбежкой противника.

Особенно активно усердствовала авиация врага с 10 по 19 ноября, совершая в отдельные дни до четырехсот и более самолето-вылетов.

Большую работу по подготовке контрнаступления провели и подразделения тыла, возглавляемые подполковником интендантской службы П. Е. Колончуком. К началу наступления дивизия имела запас продовольствия почти на неделю, боеприпасов — более двух комплектов и горючего в среднем до 2,5 заправки.

В период подготовки контрнаступления с новой силой проявилась великая организующая и вдохновляющая роль коммунистов и комсомольцев, которые не только сами настойчиво овладевали вверенным им оружием и трофейной боевой техникой, искусством наступательного боя, но и учили других. Особенно велика роль личного примера коммунистов и комсомольцев была в ротах, батареях, расчетах, экипажах. Находясь на решающих участках и воздействуя словом и делом на товарищей, они способствовали общему успеху в подготовке операции.

Позднее пленные румынские генералы говорили, что им почти ничего не было известно о готовящемся контрнаступлении советских войск. Такое признание противника еще раз подтвердило боевое мастерство и умение наших солдат, командиров, политработников скрытно готовить большие операции.

Часто в подразделениях дивизии можно было встретить командующего армией генерал-лейтенанта И. М. Чистякова и офицеров штаба, которые знакомились с данными разведки о противнике, давали указания, ставили задачи.

Во второй половине дня 16 ноября мы получили приказ командующего армией о переходе в контрнаступление. Все части и подразделения, предназначенные для прорыва обороны противника, ночью 18 ноября скрытно заняли исходное положение и приняли боевую готовность.

…Приближалось утро 19 ноября 1942 года. Над Доном и степью расстилался густой грязновато-серый туман. Непривычно мертвая, тревожная тишина на позициях, словно и войны-то нет. Все притаилось в томительном ожидании. Наши войска ждали сигнала. В 7 часов в ротах, батареях был зачитан боевой приказ о переходе в наступление. В воздух взлетели ракеты. Первый залп гвардейских минометов разорвал морозную предрассветную тишину. Это был сигнал для артиллерийского наступления. И тотчас же сотни орудий и минометов ударили по вражеской обороне.

Час двадцать минут гремела орудийная канонада. Со стороны противника — никакого ответа. Огневые точки его на переднем крае были в основном подавлены.

В 8 часов 50 минут 226-й и 346-й стрелковые полки 63-й дивизии при поддержке танков прорвали передний край обороны противника на участке 6 километров, но, встретив сильное огневое сопротивление, к исходу дня продвинулись вперед всего на один — полтора километра. А тут еще дало себя знать неудачное наступление нашего правого соседа — 96-й стрелковой дивизии, подразделения которой не смогли сломить сопротивления врага и отошли на исходные позиции, что дало врагу возможность усилить действия против нашей дивизии.

Перед 291-м стрелковым полком была поставлена задача — продолжать активные действия с фронта, не позволяя противнику маневрировать живой силой и контратаковать 226-й и 346-й полки. И надо отдать должное личному составу 291-го полка — действовал он умело. Особенно отличился 3-й батальон капитана И. К. Стулина на долю которого достался самый трудный участок — глубокий овраг. Под прикрытием артиллерийско-минометного огня батальон преодолел его, ворвался в расположение противника и удерживал за собой захваченный участок до выхода полка, тем самым содействовал успешному продвижению левофлангового 346-го полка, в задачу которого входило: при поддержке артиллерии и минометов и во взаимодействии с левым флангом 226-го полка выйти в тыл 6-й и 13-й пехотным дивизиям противника и перехватить дороги, идущие на юг.

Далее события развивались следующим образом. В этот же день 19 ноября по приказу командарма в 13 часов в сражение был введен 4-й танковый корпус генерал-майора А. Г. Кравченко, а в 16 часов — 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора И. А. Плиева. Их действия способствовали наступлению стрелковых дивизий на главном направлении удара

Танковые и кавалерийские соединения, прорвав неприятельскую оборону, двумя колоннами устремились на юго-восток. Румынские войска, расположенные в районе станицы Распопинской, хуторов Головского и Базковского, оказались между этими колоннами. Ликвидация окруженной группировки была возложена на 63-ю и 96-ю стрелковые дивизии, а несколько позднее была введена в бой и 333-я дивизия с направлением на хутор Головский.

Боевые действия протекали с переменным успехом. Сказалось то, что танковый полк и приданная артиллерия за исключением 114-го минометного полка резерва Главного командования, были взяты на направление главного удара армии. Из данных же

разведки и показаний пленных нам стало известно, что окруженный противник по численности в 5–6 раз превосходит наши войска, имеет много артиллерии и автоматического оружия.

С рассветом 21 ноября на участках 226-го и 346-го полков разгорелись ожесточенные бои. Атаки противника с целью прорыва в южном и юго-западном направлениях следовали одна за другой. Пришлось, прикрывшись частью сил 291-го стрелкового полка, 226-й и 346-й полки направить в обход — в тыл 6-й и 13-й дивизий врага и перерезать дороги на юг.

Пока неудачно протекали боевые действия нашего правого соседа — 96-й стрелковой дивизии в направлении Головского и Базковского.

Она не смогла сломить сопротивления врага и оставалась на прежних позициях. Тогда командарм ввел в бой 333-ю стрелковую дивизию полковника М. И. Матвеева, которая совместно с частями 5-й танковой армии отрезала путь отхода оборонявшемуся противнику. В ночь на 22 ноября было завершено окружение остатков 4-го и 5-го румынских корпусов.

С утра 22 ноября яростные бои возобновились. В этот день враг на части 63-й дивизии предпринял 20 атак. Любой ценой вырваться из окружения и всем составом корпуса бить по тылам 21-й армии с целью срыва фронтовой операции — таков был приказ Паулюса. Но ни одна атака не дала фашистам положительного результата. Используя успех частей 63-й и 333-й стрелковых дивизий и 124-й дивизии, 5-й танковой армии, 96-я дивизия полковника Г. Л. Исакова прорвала оборону противника и придвинулась вперед на 20 километров. Выйдя северо-западнее хутора Избушенского, части почти соединились с 346-м полком 63-й дивизии.

В результате решительных действий в сочетании с умелым маневром группировка противника, окруженная юго-западнее Распопинской, была разорвана на две части. Это решило судьбу румынских дивизий в хуторах Базковском и Головском: здесь противник вынужден был прекратить сопротивление.

Вторая, основная часть группировки, зажатая в кольцо в районе Распопинской, продолжала упорно сопротивляться. Но положение противника с каждым часом становилось безнадежнее. Он только в боях с частями 63-й дивизии в районе хуторов Избушенского, Караженского потерял свыше 5500 солдат и офицеров[35].

За отлично организованные и проведенные бои на Дону дивизия получила три благодарности. Однако теперь и нашим частям и подразделениям, значительно ослабленным в тяжелых

четырехсуточных боях, было трудно, тем более что противник по численности в живой силе и боевой технике превосходил нас в несколько раз. Не теряя надежд на обещанную помощь, он продолжал отчаянно сопротивляться, неоднократно переходя в яростные контратаки. Тогда мы решили применить военную хитрость, смысл которой заключался в том, чтобы ввести в заблуждение противника насчет истинные наших сил и тем самым принудить его к капитуляции. «Воевать не числом, а уменьем», — так учил великий русский полководец А. В. Суворов.

А исходили мы вот из чего. С началом наступления наших войск 19 ноября противник должен был знать, что в составе нашей армии действуют танковый и кавалерийский корпуса. Однако то, что сейчас они уже далеко на юге с главными силами 21-й армии, по-видимому, противнику неведомо.

По согласованию с командиром были даны указания: командиру 26-го артполка подполковнику В. А. Чепову с наступлением темноты иметь несколько «кочующих» у переднего края орудий на тягачах со снятыми глушителями (для создания эффекта рокота танковых моторов). Непрерывно меняя огневые позиции, они должны вести огонь. Из моего резерва роте автоподвоза капитана М. А. Ковзуна выделялось 15 автомашин ЗИС-5 для доставки к фронту всего необходимого, за каждой машиной оборудовалось 6–8 светоточек, для чего использовались карманные фонарики. Этим мы должны были показать «подход» танков, «увеличить» число артбатарей и создать впечатление подфарников автомашин и габаритных огней танков, идущих из тыла к переднему краю.

Командарм И. М. Чистяков одобрил наш план. — Вы в непосредственном соприкосновении с противником. Вам там виднее. Делайте все зависящее от вас, чтобы как можно скорее покончить с этой группировкой, — сказал он. И мы до рассвета действовали.

Начальник разведки майор С. С. Бессонов по радио в эфир передал «дивизиям» распоряжения, приказы: какой дивизии где сосредоточиться и с рассветом быть готовой к уничтожению противника (а надо сказать, что все боевые порядки противника насквозь простреливались нашим артиллерийским и минометным огнем). И еще, что мы учитывали, — это моральное состояние противника: ведь он в окружении, значит, психологически подавлен, растерян.

Словом, создавалась полная картина сосредоточения больших сил для уничтожения окруженной группировки врага.

Как потом стало известно, командир румынского корпуса бригадный генерал Траян Стэнеску, возглавлявший войска в

Распопинской, был очень встревожен, он действительно пришел к выводу, что у русских происходит перегруппировка и сосредоточение войск и скоро должна наступить развязка. Надежда на обещанную ему помощь не оправдалась, попытка прорваться в южном направлении ничего не дала.

Чувствуя свою обреченность, Стэнеску послал через линию фронта к советскому командованию четырех парламентеров для переговоров о капитуляции.

Встретили мы их как положено. Спросили: «Что заставляет вас капитулировать?» Старший парламентер: «Ваша железная дивизия на рубеже хутор Меломеловский — высота безымянная разбила наши 9-й и 89-й пехотные полки. Там же потерпела поражение 100-я егерьская Восточно-Прусская дивизия. А на высотах северо-восточнее станицы Распопинской в сентябре и и октябре наш 5-й армейский корпус в 38 атаках и контратаках за высоту 163,3 и северо-западных скатах потерял около 8 тысяч убитыми и вдвое больше ранеными».

Доклад старшего парламентера был правдив. Мы в качестве своих ответных парламентеров с текстом условий капитуляции решили послать капитанов Е. И. Иткиса и И. К. Стулина. Командирам частей и подразделений был дан приказ о прекращении огня, но быть в готовности номер один.

В то время, пока наши парламентеры с двумя румынскими офицерами преодолевали нейтральную зону, Л. И. Соколов и П. Г. Коновалов выехали в 291-й полк, на участке которого появились парламентеры противника. Нужно было осторожно выяснить причину капитуляции румынских войск и принять все меры, чтобы противник не разгадал нашу хитрость.

Встретив наших парламентеров, Стэнеску не очень опешил закончить дела.

— Господа, вы, очевидно, устали и вам полезно будет поесть и отдохнуть. Ваша русская пословица говорит: «Утро вечера мудренее».

Генерал пытался затянуть переговоры, выиграть еще одну ночь, в надежде, что гитлеровские войска помогут ему выбраться из окружения. Е. И. Иткис решительно возразил: — Мы ограничены временем. Через два часа должны сообщить своему командованию о принятии вами нашего предложения немедленно сложить оружие. Если вы это сделаете, тысячи ваших солдат и офицеров останутся живы. Итак, господин генерал, разрешите вручить вам примерный текст условий капитуляций.

…23 ноября 1942 года в 23 часа по московскому времени акт о капитуляции румынских войск, окруженных в районе станицы Распопинской, был подписан.

Перед рассветом штабные машины с генералом Стэнеску и офицерами румынского корпуса прибыли в штаб нашей дивизии.

С утра 24 ноября по дороге к Клетской непрерывным потоком шли пленные. Было пленено свыше 22 тысяч солдат и офицеров, в том числе 160 старших, среди них командир корпуса бригадный генерал, 13 командиров полков. Взято большое количество вооружения и военного имущества[36].

С генералом Стэнеску у меня в присутствии начальника политотдела 21-й армии полковника Л. И. Соколова, начальника политотдела дивизии полковника П. Г. Коновалова и полковника В. К. Потанина состоялся следующий разговор.

Стэнеску. Господин генерал![37] Имею честь представить вверенные мне королевские войска на вашу милость и великодушие. Могу ли я просить вас, господин генерал, устроить мне свидание с командующим армией, перед войсками которого вверенные мне королевские войска сложили оружие?

Я. К сожалению, господин генерал, ваша просьба не может быть выполнена. Командующий армией генерал Чистяков находится километрах в ста юго-восточнее. Вести с вами переговоры он уполномочил меня. Да будет вам известно, генерал, что оружие ваши войска сложили не перед армией, а только перед частью сил ее.

Стэнеску. Сколько же ваших солдат приходилось на каждого моего солдата?

Я. Наших войск было в пять раз меньше.

Стэнеску (сомневаясь). Это невозможно!

Я. Но это факт, генерал.

Стэнеску. О, если бы я знал такое положение, мои войска могли бы вырваться из окружения.

Я. Ваши парламентеры нам доложили, что ваш корпус за пять дней боев на высотах северо-восточнее Распопинской потерял около пяти тысяч убитыми и восемь тысяч ранеными. Так ли это?

Стэнеску. Да, мы имели большие потери.

Я. Выходит, вряд ли вам стоило делать попытку вырваться из окружения, генерал. Вы бы понесли еще большие потери. Допустим, если бы даже удалось вырваться из окружения, вас постигла бы та же судьба, что и гитлеровской армии Паулюса, окруженной под Сталинградом.

Стэнеску. Окруженной? Это непонятно.

Я. Вчера войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов в районе восточнее Калача на Дону сомкнули кольцо окружения.

И это было действительно так. 23 ноября в 3 часа дня части 26-го и 4-го танкового корпусов Юго-Западного фронта соединились у хутора Советского с частями 4-го

механизированного корпуса Сталинградского фронта. Свершилось историческое событие: кольцо окружения вражеских войск, прорвавшихся к Волге, сомкнулось. Трехсоттысячная немецко-фашистская армия, оснащенная мощной боевой техникой, оказалась в гигантском котле.

Спрашиваю генерала далее:

— Сколько же оружия вы сложили?

Стэнеску. Винтовок около 17 тысяч, пулеметов и автоматов — 3 тысячи, артиллерии разного калибра — 197 стволов, несколько тысяч лошадей, из них много под английским седлом для офицерского состава, пять складов армейского значения.

…А поток пленных не прекращался. Судя по их лицам, румыны, в отличие от немцев, кажется, не очень-то были опечалены своим новым положением. Из колонны то и дело слышались возгласы: «Спасибо, спасибо, русские солдаты! Руманешты — свои!»

Что и говорить, в этой грязной и жестокой войне участь румынских войск была незавидной: фашисты толкали их туда, где потруднее, в первую линию, под удары артиллерии.

Каковы источники нашей победы? Огромную роль сыграла партийно-политическая работа среди личного состава дивизии, проводимая под непосредственным руководством начальника политотдела, заместителя по политчасти ныне генерал-майора в отставке П. Г. Коновалова. Политработники широко пропагандировали боевой опыт отличившихся воинов, особое внимание уделялось обучению пополнения.

Командиры и политорганы делали все возможное, чтобы в короткий срок подготовить войска к переходу от обороны к наступлению, выработать у воинов высокий наступательный порыв, укрепить дисциплину и порядок, повысить авторитет командиров.

Большое значение в успешном исходе операции по окружению и пленению крупной группировки противника имела артиллерия. Командующий артиллерией дивизии В. К. Потанин действовал смело и решительно, умело руководил огнем артиллерии во всех видах боя, у него всегда все было предусмотрено.

Хорошо управляли своими подразделениями командиры стрелковых полков П. С. Бабич, Г. Г. Пантюхов, И. Ф. Юдич, командир артполка В. А. Чепов. Они правильно организовывали взаимодействие подразделений, обеспечивали стыки огнем, умело проводили контратаки. С возросшим мастерством воевали командиры. Особенно это следует сказать о И. К. Стулине, В. Т. Широкоумове, Н. Е. Плысюке, Е. Терезове, Н. Д. Чевале, Е. И.

Иткисе.

Только благодарных слов заслуживает неутомимая работа личного состава 170-го отдельного саперного батальона майора Н. Г. Баклана и его помощника капитана

А. А. Козина, которые безукоризненно выполняли все указания дивизионного инженера. Похвалы заслуживают работники тыла интендантской службы дивизии, руководимые подполковником интендантской службы П. Е. Кананчуком. В столь тяжелейших условиях, когда даже не было дорог, дивизия регулярно обеспечивалась всем необходимым. Солдаты, как правило, дважды в сутки получали горячую пищу. В их рюкзаках всегда можно, было найти килограмм хлеба, банку консервов или. кусок отварного мяса.

Самоотверженно выполняли свой долг и работники медсанбата. Начальник медслужбы дивизии военврач первого ранга Гонтарев, хирург капитан Кондратьев и другие врачи по суткам не отходили от операционных столов.

И, наконец, нельзя не сказать о службе связи, руководимой капитаном В. Н. Настечиком.

Двухканальная связь обеспечивала бесперебойное оперативное управление войсками как в обороне, так и в наступлении.

Таким образом успех обеспечивался общими усилиями, слаженностью всего личного состава дивизии. А это исходило от четкого понимания каждым поставленной задачи — от рядового до старшего командира и политработника.

Верховное Главное командование высоко оценило боевые действия 63-й стрелковой дивизии. В октябре-ноябре большая группа офицеров и солдат была награждена орденами и медалями Советского Союза. Я получил орден Суворова 2-й степени.

А день 27 ноября 1942 года навсегда останется в памяти тех, кто сражался в рядах дивизии. Приказом Народного Комиссара Обороны 63-я стрелковая дивизия была переименована в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В приказе говорилось:

«В боях за нашу Советскую Родину против немецких захватчиков 63-я стрелковая дивизия показала образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. Ведя непрерывные бои с немецкими захватчиками, 63-я стрелковая дивизия нанесла огромные потери фашистским войскам и своими сокрушительными ударами уничтожала живую силу и технику противника, беспощадно громя немецких захватчиков.

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими

захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава 63-я стрелковая дивизия преобразована в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Командир дивизии — полковник Козин Нестор Дмитриевич.

Преобразованной дивизии вручается Гвардейское знамя.

Народный комиссар Обороны Союза ССР Маршал Советского Союза И. Сталин».

Части дивизии получили наименования: 151-й, 153-й и 155-й гвардейские стрелковые полки, 124-й гвардейский артиллерийский полк, 57-й гвардейский отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион, 61-й гвардейский отдельный саперный батальон, 82-й гвардейский отдельный батальон связи, 56-я гвардейская разведывательная рота, 58-я гвардейская рота химзащиты, 640-я полевая хлебопекарня и 617-я авторота подвоза.

К 30 ноября 1942 года дивизия, совершив 100-километровый марш, заняла оборону на рубеже лагерь имени Ворошилова — Мариновка[38]. Левее нас оборону заняла 96-я стрелковая дивизия полковника Г. П. Исакова, с которой мы действовали у станицы Распопинской.

В начале декабря войска Сталинградского и Донского фронтов продолжали наступление с целью ликвидации окруженной группировки противника. Но напряженные бои не принесли желаемых результатов. А вскоре обстановка под Сталинградом еще более резко изменилась: 12 декабря фашистская группа войск генерала Гота нанесла нам сильнейший удар из района Котельникова с целью деблокирования 6-й армии Паулюса. В силу сложившихся обстоятельств уничтожение окруженной группировки было на некоторое время отложено.

Стало известно, что по приказу Паулюса в районе Мариновка — Атамановский — Карповка должны были сосредоточиться танковые и моторизованные дивизии с задачей прорваться в юго-западном направлении навстречу группе Гота.

Командующий фронтом К. К. Рокоссовский приказал 21-й армии крепко держать оборону на своем рубеже и ни в коем случае не допустить прорыва противника. Оборону указанного рубежа командарм возложил на 52-ю гвардейскую и 96-ю стрелковую дивизии, укомплектованные на 55–60 процентов. Поэтому дивизии боевой порядок имели в один, а полки — в два эшелона.

Получив столь ответственную задачу, мы решили использовать все виды трофейного оружия. Около двух суток на автомашинах и тягачах собирали орудия, крупнокалиберные авиационные и тяжелые пулеметы. Все это значительно укрепило

нашу обороноспособность.

Гвардейцы с небывалой энергией взялись за оборудование артиллерийских и пулеметных гнезд, окопов. «Все — в землю!» — таков был лозунг. Саперы ставили противотанковые и противопехотные мины на вероятных направлениях действий противника, стыках полков и подразделений. Был создан сильный подвижной отряд заграждения. Гитлеровцы неоднократно предпринимали усиленную разведку боем, чтобы прощупать мощь нашей обороны, но безуспешно.

Огонь вели и мы, особенно сильно по лагерю имени Ворошилова. Услышав стрельбу, командующий И. М. Чистяков подумал, что противник ведет артподготовку с целью прорыва, и позвонил соседу слева узнать, где идет стрельба. «На участке Козина», — ответил Исаков. Звонок мне:

— Что делает противник?

— Молчит.

— Как молчит? А кто стреляет?

— Мы.

— Кто разрешил?

— Стреляем из трофейного оружия.

Через некоторое время И. М. Чистяков приехал на мой наблюдательный пункт. Посмотрев, расспросив, как мы собирали трофейное оружие, и оставшись доволен, он объявил благодарность всем участникам «трофейного» похода.

Что же представлял собой противник в полосе готовившегося наступления 21-й армии? По данным разведки и показаний пленных, это были две сборные дивизии, в которых имелось около 90 орудий, свыше 90 минометов и до 60 танков. Оборона противника состояла из трех рубежей. Перед 52-й гвардейской дивизией на первом рубеже в районе Мариновки находился один из узлов сопротивления. Здесь оборонялось до 1000 человек с двумя дивизионами артиллерии среднего калибра, одной тяжелой батареей и ротой танков.

Второй рубеж тянулся по восточному берегу реки Россошки. Третий — железнодорожная станция Гумрак-Алексеевка — являлся последним на ближних подступах к Сталинграду, он прикрывал основные силы окруженной группировки противника восточнее окруженной железной дороги. На этом рубеже, особенно в районе станции Гумрак, были установлены десятки бронеколпаков для пулеметов и орудий прямой наводки, проволочные заграждения. Подступы к позициям прикрывали минные поля.

К 8 января 1943 года наши войска были готовы к боевым действиям. Мы ждали сигнала к наступлению. Но его не было.

Как стало известно позднее, Верховное Главнокомандование, учитывая безнадежность сопротивления окруженной группировки и желая избежать напрасного кровопролития, предъявило противнику ультиматум о капитуляции.

Попытка парламентеров 24-й армии окончилась неудачей: гитлеровцы, не ответив, открыли пулеметный огонь. Тогда командующий фронтом приказал командующему 21-й армии выслать парламентеров в Мариновку. Гвардии ефрейтор Михаил Дмитриевич Харитонов, разведчик 153-го гвардейского полка, лично истребивший свыше 100 солдат и офицеров врага, первым вызвался пойти к немцам и вручить им условия сдачи в плен.

И вот парламентеры с белым флагом отправились к неприятелю. С переднего края обороны гвардейцы следили за своими смелыми товарищами. В бинокли было видно, как они подошли к окопам, как навстречу вышли трое гитлеровцев, завязали им глаза и увели в свое расположение. Почти весь день на этом участке фронта стояла полнейшая тишина. Все с тревогой ждали возвращения парламентеров. Они вернулись только к исходу дня. Паулюс отверг гуманное предложение советского командования.

Ну что ж, тем хуже для фашистов.

Осталось одно: разговор вести языком оружия. Предстояло разгромить мощный узел сопротивления — так называемый Мариновский выступ.

10 января 1943 года после сильной 55-минутной артиллерийско-авиационной подготовки, в результате которой вражеские артиллерийские и минометные батареи и пулеметные гнезда были в основном подавлены, большинство дзотов и блиндажей сметено, началось мощное наступление нашей пехоты и танков. К исходу первого дня подразделения 21-й и 65-й армий углубились во вражескую оборону на 3–5 километров. Этот успех оказался решающим, поскольку важные опорные пункты врага — Дмитриевка, Оторвановка и Полтавский — были обойдены с запада и севера. Противник, боясь окружения в районе Мариновки, лагеря им. Ворошилова, Карповки, предпринимал отчаянные контратаки, чтобы выйти из-под удара.

С наступлением темноты гитлеровцы резко активизировали свои действия.

Вскоре позвонил командарм И. М. Чистяков и спросил меня, как ведет себя противник. Я ответил, что он усилил артиллерийско-минометный огонь и, надо полагать, стремится оторваться в северо-восточном направлении.

— Что вы решили?

— Взаимодействуя с правым флангом 96-й стрелковой

дивизии и используя успех соседа справа — 120-й стрелковой дивизии, 153-м и 155-м гвардейскими полками начать наступление.

— Ни в коем случае не допустите безнаказанного отхода противника на второй оборонительный рубеж — на реку Россошку, — предупредил командарм.

Саперы 61-го отдельного саперного батальона майора Никифора Гавриловича Баклана немедленно приступили к проделыванию проходов в минных полях — своих и противника. Командующему артиллерией полковнику В. К. Потанину было приказано прикрывать действия саперов артиллерийско-минометным огнем. На этот раз особенно отличилась саперная рота старшего лейтенанта Василия Николаевича Горбачева.

К рассвету 11 января подразделения дивизии были в полной боевой готовности, имея задачу: 153-й и 155-й гвардейские полки во взаимодействии с правым флангом 96-й стрелковой дивизии овладевают Мариновкой и в дальнейшем наступают на Карповку. 151-й гвардейский полк во втором эшелоне следует за левофланговым 153-м полком в готовности поддержать общее наступление, обходом Карповки с севера выходит на второй рубеж обороны противника, отсекая его и не допуская отхода.

После 15-минутного артиллерийско-минометного налета полки первого эшелона стремительным броском прорвали вражескую оборону, ворвались в его первую траншею. Гитлеровцы, цепляясь за отдельные холмы, дома и другие укрытия, упорно сопротивлялись. И только через два часа боя 153-му гвардейскому стрелковому полку при поддержке дивизиона капитана Д. Н. Тыквича 124-го артполка, батальона Е. И. Иткиса при поддержке артбатареи и взвода полковой батареи удалось овладеть северо-западной частью Мариновки, а 155-му гвардейскому полку с дивизионом майора Н. Е. Плысюка — юго-восточной окраиной села. К 14 часам Мариновка полностью была в наших руках.

Особенно тяжелые бои за Мариновку вели гвардейцы второго батальона 155-го гвардейского стрелкового полка. Только после второго артиллерийского налета, решительной атакой сломив сопротивление и отразив контратаки врага, гвардейцы выполнили задачу. Ударные полки дивизии теснили противника и во второй половине дня 12 января достигли северо-западной окраины Карповки. Успеху подразделений первого эшелона дивизии содействовали артиллеристы. Фашисты не успевали опомниться от ударов артиллерии.

Командарм приказал продолжать наступление в северо-восточном направлении — на хутор Новоалексеевский. 151-й

гвардейский полк, перевалив боевой порядок 153-го полка во взаимодействии со 155-м полком, преследуя разрозненные части 29-й мехдивизии противника, к исходу 12 января вышел ко второму рубежу вражеской обороны — на западный берег Россошки. Но преодолеть с ходу реку не удалось. Ведя бои, дивизия перешла к обороне, имея соседей слева — 304-ю и справа — 252-ю стрелковые дивизии 65-й армии. Учитывая выгодное положение, достигнутое 21-й армией, командующий фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский перенес главный удар из полосы 65-й армии в полосу боевых действий нашей 21-й армии, передав ей основные средства усиления, которые в несколько раз увеличили огневую силу армии[39]. В течение 13 и 14 января армия интенсивно готовилась к наступлению: перегруппировались войска, в боевые порядки вводились новые части, велась разведка, изучался противник, ставились боевые задачи, организовывалось взаимодействие между родами войск, проделывались проходы в минных полях. И, естественно, ничуть не ослабевала партийно-политическая и воспитательная работа среди личного состава дивизии, пропагандировался боевой опыт старших товарищей. А примеров храбрости, умения и отваги гвардейцам было не занимать. Вот только некоторые эпизоды из последних дней сражений. 5-я стрелковая рота старшего лейтенанта И. К. Левыкина 153-го гвардейского стрелкового полка уничтожила в Мариновке до роты вражеских солдат и офицеров, подавила дзот. 5-я батарея капитана Андрея Андреевича Гриба уничтожила 2 дзота, вместе с батареей ПТР лейтенанта Д. Д. Быкова 155-го гвардейского полка смело вступила в борьбу с танками противника, тем самым содействовала развитию наступательного успеха стрелковых подразделений. Разведчик 151-го гвардейского полка ефрейтор И. К. Молявин, выполняя задание командира разведки, уничтожил двух фашистов и одного взял в плен. Пленный оказался из 673-го пехотного полка и дал ценные сведения. Старший сержант 4-й стрелковой роты 155-го полка И. В. Пашков со своим взводом при поддержке артбатареи дважды отбивал контратаки фашистов, обеспечивал продвижение 2-го батальона. Противник, неся большие потери, отступал.

Наше наступление сдерживал ряд трудностей.

Прежде всего речь идет о дорогах, а вернее — об отсутствии их. Из-за плохих дорог, как правило, задерживается, выходит из строя транспорт, которого и так всегда не хватает. И самое страшное — это когда артиллерия остается в бою без снарядов. А без артиллерийской поддержки тяжело приходится и пехоте, наступление ее может просто-напросто захлебнуться.

И все же, должен сказать, снаряды и другие боеприпасы доставлялись постоянно. Выручали упорство, находчивость, смекалка нашего солдата. Правда, иногда артполки из-за нехватки тяги несколько отставали от стрелковых подразделений, тогда вся тяжесть огневой поддержки пехоты ложилась на батальонную, полковую и лишь частично дивизионную артиллерию и на истребительно-противотанковые дивизионы и полки. Для этой артиллерии тоже недоставало средств тяги, но тут находился выход: орудия эти были не так уж тяжелы — каких-нибудь 600–900 килограммов — по сравнению с орудиями дивизионной и армейской артиллерии, вес которых колебался от трех до девяти тонн. Поэтому эти пушки можно было перекатывать вручную. Конечно, легко катить пушку расчету из 5–6 человек по хорошей дороге, но не так просто тащить на себе по снежному полю, изрытому окопами, траншеями, воронками от бомб и снарядов, даже самую легкую 45-миллиметровую пушечку. Но тащить пушки надо было, и артиллеристы их тащили.

С утра 15 января после общего артиллерийского налета 151-й и 153-й гвардейские полки, имея по роте танков 121-й танковой бригады подполковника М. В. Невжинского, при поддержке артиллерии и во взаимодействии с 252-й и 304-й стрелковыми дивизиями прорвали передний край обороны противника и продолжали наступление в направлении Сталинграда. Враг, потеряв основные узлы сопротивления, стал отходить на восток и северо-восток, прикрываясь сильными арьергардами. К вечеру того же дня был полностью очищен от врага восточный берег Россошки.

16 января дивизия развивала наступление, имея в первом эшелоне 151-й и 155-й полки, с теми же средствами усиления в направлении на станцию Гумрак. Подразделения 29-й механизированной дивизии противника в беспорядке отступали на 3-й внутренний оборонительный рубеж.

Приближался завершающий этап исторической битвы на Волге. Советские войска готовились к одновременному штурму противника на всем фронте. Дивизиям 21-й армии во взаимодействии с другими предстояло расчленить вражескую группировку, прорвавшуюся к Сталинграду, и уничтожить ее по частям.

52-я гвардейская стрелковая дивизия с приданными средствами усиления — с 9-м танковым полком прорыва и батальоном 121-й танковой бригады, взаимодействуя с соседями, в результате решительных и активных действий завоевала выгодный для решающей схватки рубеж — вышла к железной дороге в 4 километрах юго-западнее станции Гумрак.

«Скорее к Волге, к русской матушке-реке!» — этим стремлением жили тогда наши бойцы.

22 января в 10 часов после артиллерийской подготовки 151-й и 155-й полки, прорвав последний неприятельский оборонительный рубеж на подступах к Сталинграду, начали уверенно продвигаться вперед. Два дня шли ожесточенные бои. Яростными контратаками противник пытался сдержать наступление гвардейцев, но положение складывалось не в его пользу.

24 января 151-й гвардейский полк майора И. Ф. Юдича при поддержке танков 121-й танковой бригады и часть сил 51-й гвардейской дивизии после упорных боев овладели окраиной станции Гумрак. Но тут противник предпринял контратаку: из-за домов с юго-западной стороны, стреляя на ходу, выскочили пять танков противника. Ударила полковая батарея старшего лейтенанта П. Т. Симоненко. Один танк загорелся. Видя, что тут дело оборачивается туго, остальные танки повернули в сторону. Но здесь их уже ждала 4-я рота старшего лейтенанта И. М. Щербина.

— Подготовить гранаты! — крикнул старшина Борис Мусатов, завидев танки противника.

Выкатив пушки полковой батареи на насыпь, артиллеристы прямой наводкой подбили танк. Фашисты снова застопорили, стали вести огонь с места. От прямого попадания в ящик с боеприпасами раздался взрыв, несколько человек было ранено, одна пушка вышла из строя.

— Товарищи, без паники! — раздался голос Мусатова. — Все внимание на врага! Постоим за Сталинград! Гранаты бросать только по моей команде.

Танки приближались. Вот уже совсем близко один, другой. «Огонь!» — крикнул старшина и бросил гранату, за ним — другие. Два танка завертелись на месте.

А в это время наша артиллерия «долбила» вражеские дзоты, доты, бронированные колпаки ключевого узла обороны, саперы проделывали проходы в минных полях.

После четырехчасового ожесточенного боя мы полностью овладели важным опорным пунктом — окружной железнодорожной станцией Гумрак. Здесь был лагерь наших военнопленных, в котором содержалось более 10 тысяч человек. Надо ли говорить о радости их освобождения!

Когда мы с командующим артиллерией дивизии полковником В. К. Потаниным въехали в Гумрак, то увидели, что более двух десятков дотов и дзотов разворочено, наблюдательные пункты разрушены. Все тупики станции были забиты товарными

вагонами, переполненными ранеными и обмороженными гитлеровскими солдатами и офицерами. Их здесь покинули на произвол судьбы.

Хочется привести выдержку из дневника немецкого офицера — казначея санитарной роты Отто Вильгельмовича Рюле, который вместе с другими был взят в плен. Он писал:

«…Как бы то ни было, на мне лежала ответственность за снабжение раненых. И я решил лично заявиться в штаб армии, который размещался в руинах универмага.

— Да, пожалуйста, — услышал я в ответ на свое «Разрешите войти?» — Что вы хотите?

Я назвал ему свое воинское звание, фамилию и часть.

— Полковник фон Хоовен, начальник связи армии, — ответил он. — Что вас привело ко мне?

— Мне необходимо срочно достать продовольствие для раненых. А со вчерашнего дня, я слышал, вошел в силу приказ, согласно которому раненым и больным больше не выдавать никаких продуктов.

— Я знаю об этом, — ответил полковник. — Продовольствие выдается только боевым частям.

— Я не знаю, известно ли командованию, какое тяжелое положение в госпитале? По-моему, этот приказ страшно несправедлив по отношению к раненым и больным.

— Ваша откровенность мне нравится. Вы правы. То, что здесь происходит, — настоящее безумие. В штабе армии вряд ли есть хоть один здравомыслящий человек. В конце декабря я прилетел сюда, в котел, из штаба вермахта. Уже тогда не было возможности к деблокированию. Выход один — капитуляция. Тогда как главнокомандующий отдает приказ: «Драться до последнего солдата, до последнего патрона». Нас бросают в мясорубку, и мы даем это делать… Тогда как уже многие наши офицеры и солдаты понимали, что, кроме плена, из создавшегося положения выхода нет…»[40]

Эти откровенные записи немецкого офицера полностью соответствовали действительности. При отступлении гитлеровцы в панике бросали все и нисколько не заботились, как и в окружении, о больных и раненых, которых можно было видеть повсюду. На дорогах и обочинах сидели и лежали немецкие солдаты и офицеры, те, кто не мог уйти, побитые, обмороженные, брошенные, никому не нужные. И поэтому плен они считали счастливым избавлением от всех бед и мук, от голода и холода.

В северо-западной части станции, у крайних домов, было немецкое кладбище, расположенное большим квадратом. По моему приказу саперы роты 61-го отдельного саперного

батальона старшего лейтенанта В. Н. Горбачева вскрыли одну из могил. В ней оказалось около 20 трупов. И это под одним крестом! Так фашисты старались скрыть свои потери.

Еще были слышны отдельные выстрелы на юго-западной окраине Гумрака, когда ко мне подъехал командующий 21-й армией генерал-лейтенант Чистяков.

Я доложил обстановку, сказал, что уже в этом часу должны полностью очистить станцию от фашистов.

— От противника не отрывайтесь, преследуйте, — приказал командарм. — На здании станции водрузите красный флаг.

Флаг был установлен 151-м гвардейским полком майора И. Ф. Юдича. К вечеру мне сообщили, что чуть западнее станции 155-й гвардейский полк майора Г. Г. Пантюхова добил остатки 100-й Восточно-Прусской фашистской дивизии.

….Непрерывные и все нарастающие удары наших войск значительно деморализовали противника.

Казалось бы, при нашем мощном ударе враг должен был полностью сложить оружие, но он продолжал яростно сопротивляться, местами переходя в контратаки.

Мы удивлялись: на что он рассчитывает? Оказывается, были причины. При допросах пленные солдаты и офицеры из 100-й, 305-й и других дивизий говорили, что они боялись мести за содеянные ими преступления, не надеялись на пощаду, поэтому и дрались, как смертники.

Командование окруженной группировки у Сталинграда прекрасно понимало безнадежность и бессмысленность дальнейшего сопротивления. Об этом убедительно свидетельствует донесение генерал-фельдмаршала Паулюса Гитлеру 24 января 1943 года:

«Докладываю обстановку на основе донесений корпусов и личного доклада тех командиров, с которыми я смог связаться: войска не имеют боеприпасов и продовольствия, связь поддерживается только с частями шести дивизий. На южном, северном и западном фронтах отмечены явления разложения дисциплины. Единое управление войсками невозможно. На восточном участке изменения незначительные. 18 000 раненым не оказывается даже самая элементарная помощь из-за отсутствия перевязочных средств и медикаментов. 44, 76, 100, 305 и 384-я пехотные дивизии уничтожены. Ввиду вклинения противника на многих участках фронт разорван. Опорные пункты и укрытия есть только в районе города, дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию»[41].

Однако ответа на это донесение не последовало.

Наступал решающий момент. Части 21-й и 62-й армий получили приказ встречным ударом на поселок Красный Октябрь расчленить окруженного противника, а затем силами фронта уничтожить его по частям. 52-я гвардейская стрелковая дивизия с 9-м гвардейским танковым полком 121-й танковой бригады имела задачу во взаимодействии с 51-й гвардейской стрелковой дивизией, наступать навстречу 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии.

В течение всей ночи дивизия готовилась к выполнению задачи.

Командиры подразделений и их штабы изучали противника, систему его обороны. Необходимые данные уточнялись у местных жителей.

Дивизия уже имела опыт боев на резко пересеченной местности, с глубокими балками и оврагами. И несмотря на то, что 24 и 25 января она провела в напряженных боях, у личного состава всех подразделений был высокий боевой дух, была полная уверенность в успешном исходе предстоящего боя. Всем необходимым для выполнения задачи дивизия была обеспечена. Правда, некоторый недостаток испытывался в транспорте. Но командиры и работники интендантской службы и здесь нашли выход — обеспечили себя бельгийскими битюгами из-под артиллерии 5-го румынского корпуса.

Наступало 26 января. Природа ничем не выделила этот обычный пасмурный, с туманом на Волге зимний день. Но для бойцов, командиров, политработников он навсегда останется как незабываемый день радостной встречи, соединения войск двух армий, двух фронтов — Донского и Сталинградского.

На рассвете 52-я гвардейская дивизия, имея в первом эшелоне 151-й и 155-й полки, перешла в наступление. События развивались быстро. В 9 часов 20 минут, преодолев сопротивление врага, полки 52-й и 51-й гвардейских дивизий и части 121-й танковой бригады полковника М. В. Невжинского соединились южнее поселка Красный Октябрь с 34-м и 42-м полками 13-й гвардейской дивизии 62-й армии[42]. Части 51-й и 13-й дивизий продолжали наступление по уничтожению северной группировки противника.

Это было волнующее событие. Объятиям, поздравлениям, рукопожатиям не было конца. У многих даже бывалых воинов, не раз глядевших в глаза смерти, слезы выступали. Слезы счастья, радости победы.

— Кто вы, из какой дивизии? — слышалось с разных сторон.

— Из 52-й гвардейской.

— А мы гвардейцы Родимцева! — И снова пожатия, объятия,

звонкое ликующее «ура».

Радостная и волнующая встреча! Капитан Гущин из дивизии А. И. Родимцева вручил капитану С. А. Усенко и старшему лейтенанту В. Н. Горбачеву знамя, на алом полотнище которого было написано: «В знак встречи. 26. 1. 1943 года».

Подходили все новые и новые подразделения — стрелковые, артиллерийские, танковые. Один из танков Т-34 из 121-й танковой бригады, действовавшей с 52-й дивизией, навсегда остался стоять на месте исторической встречи 26 января 1943 года как свидетель былых боев. Командиром этого танка был гвардии старший лейтенант Николай Михайлович Канунников, а механиком-водителем старшина Николай Ермилович Макурин. На танке установлена мемориальная надпись: «Здесь 26. 1. 43 г. в 10.00 произошла встреча этого танка, шедшего с запада впереди танковой бригады полковника Невжинского, с частями 62-й армии, оборонявшей город с востока. Соединение 121-й танковой бригады с частями 62-й армии разделило немецкую группировку на 2 части и способствовало ее уничтожению».

Николай Михайлович Канунников героически погиб на Курской дуге летом 1943 года. Николай Ермилович Макурин жив, живет с семьей на Урале.

После соединения двух фронтов северная группа окруженных немецких войск оказалась отрезанной от южной. Ее связь с командующим 6-й армией прервалась.

Места недавних боев представляли страшную картину. В балках, оврагах, в подвалах домов поселков и заводов южнее Красного Октября немцы имели много пулеметных и артиллерийских огневых точек прямой наводки. Теперь все это было разрушено, разворочено, превращено в нагромождение камня и железа. Вокруг-разбитые бронетранспортеры, автомашины, орудия, остовы танков. Куда ни посмотришь — всюду колонны пленных.

После встречи с частями 13-й гвардейской дивизии 52-я получила задачу повернуть строго в южном направлении и продолжать наступление на Мамаев курган, где вели бои с противником части 284-й стрелковой дивизии полковника Николая Филипповича Батюка 62-й армии. Чтобы создать более выгодные для себя условия, необходимо было захватить рубеж, с которого просматривался бы боевой порядок противника.

После артиллерийского налета 155-му полку удалось улучшить свои позиции, а в 11 часов 30 минут гвардейцы во главе с заместителем командира полка по политической части майором В. И. Ереминым, ломая сопротивление противника, встретились с частями 284-й дивизии, во главе с начальником политотдела

дивизии подполковником В. З. Ткаченко.

После соединения подразделения 52-й гвардейской и 284-й стрелковых дивизий начали совместное наступление в южном направлении, расширяя коридор, образованный 21-й и 62-й армиями.

Последние четыре дня, до 30 января, 52-я дивизия вместе с другими вела уличные бои, шаг за шагом продвигаясь вперед и выбивая врага из развалин зданий и подвалов. Положение южной группировки противника с каждым часом становилось безнадежнее, остатки вражеских частей начали сдаваться в плен вместе с офицерами и генералами.

Утром 31 января частями 64-й армии были пленены командующий 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Паулюс и его штаб. Разгром южной группировки противника был завершен. 1 февраля вся артиллерия Донского фронта обрушила свой огонь на остатки вражеской группировки, зажатой в северной части города.

Утром 2 февраля последние части 6-й армии сложили оружие.

Над Сталинградом воцарилась тишина. Впервые за шесть с половиной месяцев умолкли орудийные раскаты, не слышно стало взрывов авиабомб, пулеметных и автоматных очередей.

4 февраля на площади Павших борцов состоялась торжественная встреча воинов с жителями города — поистине незабываемая встреча.

Отгремела великая битва на Волге, в которой активное участие принимала и 52-я гвардейская дивизия.

Успех, достигнутый частями и подразделениями дивизии, еще раз подтвердил, насколько важны хорошо организованная разведка обороны и намерений противника с учетом рельефа местности, тщательная и умелая подготовка к проведению любой операции, четкое и тесное взаимодействие с другими родами войск, быстрое занятие на вновь захваченных рубежах надежной противотанковой, противопехотной и противовоздушной обороны.

Командиры и политработники частей и подразделений дивизии, прошедшие хорошую практику в предыдущих боях, к этому времени обладали высоким военным: мастерством, умели со знанием дела организовывать и проводить боевые действия.

Опытными организаторами боя стали командиры полков: подполковник П. С. Бабич (ныне полковник в отставке, проживает в Краснодаре), майор Г. Г. Пантюхов (ныне полковник в отставке, проживает в Москве), майор И. Ф. Юдич (ныне полковник в отставке, проживает в Куйбышеве), начальники полковых штабов:

капитан М. З. Скрылев (ныне полковник, живет в Москве), К. Г. Губернаторов (проживает в Фастове под Киевом), заместители командиров по политической части: майоры В. И. Еремин, И. Н. Горшков (проживают в Москве), командир 124-го гвардейского гаубичного артполка подполковник В. А. Чепов, его заместитель, а затем командир полка майор Н. Д. Чевала (Герой Советского Союза, проживает в Воронеже), командир дивизиона 124-го артполка Н. Е. Плысюк (Герой Советского Союза, проживает в Курске), командующий артиллерией дивизии В. К. Потанин (проживает в Сочи), начальник политотдела, полковой комиссар П. Г. Коновалов (проживает в Москве), начальник штаба артиллерии дивизии майор, ныне полковник в отставке, Герой Советского Союза В. Д. Радченко, начальник штаба дивизии П. Н. Прихно и другие.

Всех, кто ковал победу, перечислить невозможно! Офицеры старшие и младшие, сержанты и главные вершители побед — рядовые солдаты громили фашистскую нечисть, освобождали родную землю.

После войны мне не раз приходилось бывать в Сталинграде. Особенно незабываемо отмечается День Победы — он всегда в слезах горя, в слезах радости. Горе — что многих потеряли, счастье — что выстояли и победили. Мы не могли не победить.

…Мамаев курган… Легендарный курган. Сейчас, как поется в песне, «на Мамаевом кургане тишина, на Мамаевом кургане похоронена война». И вот теперь сюда идут и едут сотни тысяч людей со всех концов земли поклониться тем, кто защищал волжскую твердыню.

Здесь теперь памятник народной славы, памятник тысячам, десяткам тысяч героев, «похоронивших войну». Сюда идут и едут матери и отцы, жены и друзья. Сюда идут и едут сыновья и дочери погибших, они уже старше своих отцов и матерей.

К павшим здесь обращаются, как к живым. Почитайте записи в книгах:

«Я обращаюсь к тебе, Герой Советского Союза Мишка Афанасьев. Извини, что пришел поклониться праху твоему только через 28 лет.

Твой друг Петька Кулаков».

«Дорогой Василий! Через 26 лет приехала я к твоей могиле. Просьбу твою выполнила — детей вырастила. Полечили образование. Живут хорошо. От твоей любимой дочери Галины и сына Бориса низкий поклон. Вечная память тебе.

Твоя жена Женя Саяпина».

«Я думаю, что никто никогда не забудет этого.

Сережа Мамонов, 11 лет, г. Тольятти».

Да, Сережа, этого никто никогда не забудет! Память о погибших вечно жива. Такое не забывается!

Глава седьмая. На Курской дуге

После разгрома фашистских войск в районе Волги и Дона за три месяца наступления зимой 1942/43 года наши войска с боями прошли на южном крыле советско-германского фронта более 700 километров, что не могло не сказаться на их боеспособности. Воспользовавшись этим и стремясь не допустить дальнейшего ухудшения обстановки, немецкое главное командование, перегруппировав силы, еще во второй половине февраля организовало контрнаступление против Юго-Западного фронта с целью отбросить его за Северный Донец, а затем нанести удар по войскам Воронежского фронта с целью захвата Харькова и Белгорода.

Тщательно и всесторонне подготовленное летнее наступление гитлеровцев в 1943 году должно было начаться операцией в районе образовавшегося в результате зимних боев Курского выступа. Эта операция получила кодовое название «Цитадель».

В оперативном приказе № 6 от 15 апреля 1943 года Гитлер писал: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое крупное наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира»[43].

После большого поражения зимой 1942/43 года и особенно после Сталинградской битвы фашистская Германия оказалась в неблагоприятной политической обстановке. Неудачные операции и огромные потери в живой силе и боевой технике на Восточном фронте поколебали позиции ее союзников.

Гитлер решил любой ценой поддержать свой престиж и повернуть течение войны в свою пользу. Но гитлеровская стратегия и на этот раз потерпела крах.

Да, наши вклинившиеся в расположение противника войска в

районе Курска не давали ему покоя. С этого выступа (дуги) мы угрожали фашистским флангам и тылам в районах Харькова и Орла. Но на юге и на севере «дуги» враг нависал над нашими частями.

Фашистское командование рассчитывало одновременно ударом в направлении Курска двух крупных группировок, созданных южнее Орла и в районе Белгорода, окружить и уничтожить силы Центрального и Ворбнежского фронтов. Успеха фашисты хотели добиться внезапностью удара и применением новой боевой техники, в частности танков «Тигр» и «Пантера» и штурмовых орудий «Фердинанд». Всего в составе 50 хорошо укомплектованных дивизий, сосредоточенных в районе Курской дуги, имелось 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и минометов, почти 2700 танков. Наступление должны были поддерживать более двух тысяч самолетов[44]. Операцией «Цитадель» фашистский вермахт надеялся изменить обстановку в свою пользу, взять реванш за Сталинград. Готовили операцию в строжайшей тайне. Части и соединения, предназначавшиеся для наступления, доукомплектовывались, их огневая мощь усиливалась. Численный состав пехотных дивизий доводился до 10–12,5 тысячи, танковых — 15–16 тысяч солдат и офицеров. Количество танков и штурмовых орудий в танковых дивизиях достигло 150–170 единиц. Особое внимание обращалось на пополнение танковых дивизий СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх» — цвета немецко-фашистской армии. Полностью были укомплектованы и другие соединения[45].

Ставка Верховного Главнокомандования советских войск, зная намерения противника, подготовила свой план операции на Курском выступе. Оборона войсками Центрального и Воронежского фронтов строилась прежде всего как противотанковая и противовоздушная с целью и задачей: измотать, обескровить противника в оборонительных сражениях, а затем перейти в решительное контрнаступление и разгромить Орловскую и Белгородско-Харьковскую группировки противника. Основу обороны составляли противотанковые опорные пункты и районы, а также система минно-взрывных заграждений. Все минные поля находились под огнем артиллерий. Плотность минирования на главном направлении наступления противника была очень высокой: в среднем на каждый километр фронта приходилось 1,5 тысячи противотанковых и до 2 тысяч противопехотных мин.

После ликвидации Сталинградской группировки немцев 52-я гвардейская дивизия в составе 21-й армии 20–24 февраля 1943 года по железной дороге была переброшена до станции Елец. 24

февраля — 9 марта она совершила марш Елец — Ливны — Косаржа — Курск— Фатеж — Гремячье, причем только по ночам при полной светомаскировке. В ночь на 10 марта дивизия сменила части 211-й и 132-й стрелковых дивизий в районе Черни (южнее Орла).

А в это время противник, перейдя в наступление одновременно из районов Полтавы и Красограда, потеснил наши войска, создав угрозу на стыке Воронежского и Юго-Западного фронтов. Особенно трудная обстановка сложилась в районе Харькова. 16 марта после ожесточенных боев ударные группировки гитлеровцев захватили Харьков, заняли Казачью Лопань и без особого сопротивления устремились на Белгород. Было ясно, что если немцы захватят и Белгород, то будут развивать удар на Курском направлении[46].

В связи с создавшейся тяжелой обстановкой распоряжением Ставки на усиление Воронежского фронта с Центрального фронта передавалась 21-я армия и из резерва Ставки — 64-я, а в районе южнее Курска сосредоточивалась 1-я танковая армия.

Получив 12 марта приказ по радио от командарма 21-й армии о сдаче полосы обороны, дивизия ночным маршем выступила по маршруту Фатеж — Курск — Обоянь с задачей в составе армии сдержать наступающего противника севернее Белгорода. К исходу 15 марта подразделения дивизии, заняли рубеж обороны Обоянь — Зорино — Бобрышев. 16 марта дивизия, имея усиленный передовой отряд во главе с командиром 155-го полка подполковником Г. Г. Пантюховым, продолжала марш в направлении Яковлево — Белгород. (Белгород 18 марта был занят танковыми частями врага). Задачей передового отряда было вести разведку по маршруту движения главных сил дивизии, войти в соприкосновение с противником и захватить контрольнопленных.

Около 15 часов того же дня головная походная застава передового отряда обнаружила движение колонны противника и с боем стала отходить. Противник увлекся преследованием охранения и попал в засаду главных сил передового отряда в районе Шопино (севернее Белгорода). В результате боя были сожжены два бронетранспортера и тягач с пушкой, захвачено трое пленных, принадлежавших танковой дивизии «Мертвая голова». Как выяснилось, усиленный отряд противника двигался на Обоянь.

Наш передовой отряд закрепился и удерживал занятый рубеж до 18 марта. Затем он был сменен усиленным 1-м стрелковым батальоном 153-го полка. Дивизия в ночь на 18 марта заняла оборону: высота 238,4—Сошенков — Нечаевка — Покровка, имея линию боевого охранения на рубеже Стрелецкое — Яхонтово —

Шопино[47]. В тот же день, когда я находился на наблюдательном пункте, мне позвонил начальник разведки капитан В. Т. Широкоумов и сообщил, что начальник штаба подполковник П. Н. Прихно выехал для встречи и сопровождения на командный пункт товарища Константинова (псевдоним Маршала Советского Союза Г. К. Жукова) и что туда должен прибыть и я.

Когда я подъехал к командному пункту, там уже стояло несколько легковых автомашин, а возле — группа офицеров.

Войдя в штаб-квартиру, я увидел Г. К. Жукова[48] за рабочей картой штаба дивизии. Здесь же стояли начальник штаба и старший офицер для поручений генерал-майор Менюк. Я представился Маршалу. Он встал, подал руку:

— Здравствуйте, товарищ Козин! — А потом ко мне и начальнику штаба: — Карта, которую ведет оперативное отделение, должна более полно отражать боевую обстановку, у вас же я не узнал больше того, что знал в штабе фронта.

Он подробно интересовался противостоящим противником, его и нашими действиями и намерениями.

Я доложил о действиях нашего передового отряда, о безуспешных попытках противника прорвать передний край нашей обороны.

От пленных нам известно, докладывал я, что в самом Белгороде и его окрестностях находится танковый корпус СС в составе трех танковых дивизий — «Адольф Гитлер», «Райх» и «Мертвая голова». Попытки противника прощупать наши силы и сбить гвардейцев с занимаемого рубежа пока успеха не имеют.

Главный удар врага надо ожидать по центру в направлении Яхонтово — Быковка — Яковлево. Однако наша дивизия в настоящее время малочисленна, очень нуждается в усилении техническими средствами, в первую очередь артиллерией и танками.

— Что вам конкретно надо? — спросил Георгий Константинович.

— Учитывая, что дивизия стоит на главном направлении удара тяжелых танков корпуса СС, прошу противотанковую артбригаду, гаубичную артбригаду, два истребительных противотанковых полка, дивизион «Эрес М-13» и полк танков Т-34.

— Товарищ Менюк, слышите, что генералу Козину надо? — И ко мне: — Товарищ Козин, все получите, за исключением танков Т-34. Получите танковый полк. Этот рубеж нужно во что бы то ни стало удержать.

После доклада я предложил Георгию Константиновичу пообедать. Он охотно согласился. За обедом Георгий

Константинович еще раз обратил внимание на то, как важно хорошо знать противника и свои возможности. Было приятно слышать от Маршала теплый отзыв о действиях 52-й дивизии. Дивизия действительно занимала ответственную полосу обороны и удерживала ее до подхода главных сил армии.

«В конце марта и начале апреля, — пишет Г. К. Жуков, — мы с Н. Ф. Ватутиным[49] побывали почти во всех соединениях фронта, оказывая помощь командирам в правильной оценке обстановки, уяснении своей задачи и в том, как лучше ее выполнить в случае перехода противника в наступление. Меня особенно беспокоил участок 52-й гвардейской стрелковой дивизии, в которой за это время побывал дважды. Я считал, что этой дивизии придется принять на себя главный удар. Командующие фронтом и армией были того же мнения, и мы решили всемерно подкрепить этот ответственный участок артиллерийскими средствами.[50]

20 марта в 13 часов враг силой до 40 танков к до батальона мотопехоты начал наступление из Белгорода вдоль шоссе. В результате тяжелого боя ему удалось прорвать оборону нашего передового отряда. Но когда он подошел к переднему краю обороны 155-го полка в районе колхоза «Смело к труду», то огнем дивизионной и приданной артиллерии с большими потерями был отброшен. В этих боях неприятель потерял сожженными и подбитыми 15 танков, 8 бронемашин, 2 тягача и до 200 солдат и офицеров танковой дивизии «Мертвая голова». В боях отличились старший сержант 124-го артполка Арнаутов, уничтоживший со своим расчетом из 76-миллиметровой пушки 4 вражеских танка, рядовые Самопулин из 155-го гвардейского полка и Зубков из 153-го, подбившие из противотанковых ружей первый два танка, второй — один танк, командир орудия противотанковой батареи 155-го полка старший сержант И. Ф. Иванов, расчет которого подбил танк и две бронемашины.

Все эти герои-гвардейцы получили правительственные награды.

Во второй половине того же дня 20 марта в Козьмодемьянское прибыл Г. К. Жуков, куда был вызван и я.

Первый вопрос Маршала был:

— Все ли дивизия получила из средств усиления?

— Все, товарищ Маршал.

— Как решили использовать?

— Готовим основные и запасные позиции в стыках полков и усиливаем фланг с соседом слева — 375-й стрелковой дивизией. На важнейших танкоопасных направлениях создаем артиллерийско-противотанковый резерв в составе истребительно-

противотанкового полка, роты противотанковых ружей и роты подвижного отряда заграждений. Особое внимание обращаем на организацию противотанковой обороны, состоящей из ротных противотанковых опорных пунктов, объединенных в батальонные противотанковые узлы. Подразделения линии боевого охранения обеспечиваются огнем двух артполков и орудий прямой наводки с переднего края обороны. Увязывается и взаимодействие с соседом справа — 67-й стрелковой дивизией.

После моего доклада и ряда необходимых указаний Георгий Константинович приказал пригласить тех, кто заслужил правительственные награды. Вручая от имени Президиума Верховного Совета СССР ордена и медали группе бойцов и командиров, особо отличившихся в боях, он выразил надежду, что воины прославленной гвардейской дивизии и впредь будут выполнять свой долг перед Родиной.

Теперь хотелось бы несколько подробнее сказать о сложившейся обстановке в 16 километрах севернее Белгорода и состоянии дивизии к моменту занятия обороны. Как уже известно читателю, после завершения Сталинградской эпопеи дивизия в Елец прибыла по железной дороге. А потом совершила 12-суточный ночной марш Елец — Курск — Орел, пройдя по разбитым дорогам более 300 километров, а через два дня снова марш Орел — Курск — Белгород. И снова ночью по вконец разбитым мартовским дорогам. Дивизия была малочисленна, без средств усиления. В инженерном отношении полоса обороны севернее Белгорода была оборудована более чем примитивно: имелись лишь окопы «лежа». Позиции артбатарей и орудий для стрельбы прямой наводкой также были оборудованы слабо. Ощущался острый недостаток в шанцевом инструменте, который находился в отставших и растянувшихся обозах.

Заняв оборону в ночь на 18 марта, дивизия уже 20 марта вынуждена была вести бои с усиленным танковым отрядом дивизии «Мертвая голова».

Если учесть состояние дивизии и то, что она заняла оборону на главном направлении удара крупных сил противника, нам было над чем задуматься.

Об отходе и речи не могло быть. Выход у нас был один: применить особый вид борьбы — воевать морально. Для этого необходимо было прежде всего создать у врага впечатление, что он напоролся на заранее подготовленный рубеж сильного противника. Была дана команда не стрелять. Верность нашего замысла потом подтвердилась ходом боя, показаниями пленных, утверждавших, что они встретились с сильным противником, который и не бежит и не стреляет.

И вот, когда вражеские танки и бронетранспортеры, ведя артиллерийско-пулеметную стрельбу с коротких остановок, подошли к переднему краю обороны 155-го стрелкового полка, с нашей стороны было тихо, хотя командир полка Г. Г. Пантюхов, командир 124-го артполка Н. Д. Чевала, командующий артиллерией дивизии В. К. Потанин просили разрешения открыть огонь.

— Пока не время! — отвечал я.

Противник продвинулся еще метров на 300–500, остановился. Стрельба все реже и реже, потом совсем прекратилась. И тут я дал команду «Огонь!» К этому времени подоспел дивизион «Эрес М-13», который и убедил противника в нашей силе. Бросив горящие танки, бронетранспортеры, фашисты отошли к Белгороду.

В тот же день 20 марта немцы с самолетов сбросили на наши позиции листовки, озаглавленные: «Привет сталинградским головорезам!» Гитлеровцы хвастались, что у них вполне хватит сил рассчитаться за Сталинград. Одна из листовок заканчивалась словами: «Артиллеристы, можете в плен не сдаваться, будете повешены!»

— Видно, здорово мы им насолили, — говорили гвардейцы. — А реванша за Сталинград им не видать как своих ушей.

Артиллеристы 124-го смешанного артполка, в частности 1-го дивизиона майора Н. Е. Плысюка, 2-го дивизиона капитана А. Л. Дубицкого и батарея 151-го полка лейтенанта П. К. Лепина и впрямь крепко досаждали гитлеровцам: не только били метко, но и проявляли при этом исключительную дерзость. Частенько, скрытно расположив свои орудия, а то и батарею и хорошо замаскировав ее от глаз наземной и воздушной разведки, они затем из засады внезапно и в упор расстреливали атакующую фашистскую пехоту, танки, бронетранспортеры.

Читая фашистское «творчество», вместе с артиллеристами чувство гордости испытывали и стрелки, которые знали, что противнику известно из документов убитых гвардейцев передового отряда 153-го полка об участии 52-й гвардейской стрелковой дивизии в битве под Сталинградом.

Не зря дивизия за мужество, проявленное в борьбе с частями фашистского танкового корпуса СС под Белгородом, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 года была награждена орденом Ленина. Особо отличившиеся в этих боях бойцы и командиры были награждены орденами и медалями: командир истребительной танковой батареи 151-го полка лейтенант П. К. Лепин, командир взвода противотанковой

батареи 155-го полка сержант А. С. Клюшии, командир роты автоматчиков младший лейтенант Н. Н. Смирнов, командир взвода из этого же полка старший сержант И. Ф. Иванов, командир огневого взвода 124-го артполка лейтенант Александр Табаре, командир 124-го артполка майор Н. Д. Чевала, командир 1-го дивизиона этого же полка капитан Н. Е. Плысюк, командир 237-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона капитан Г. Е. Перцев, командир 155-го стрелкового полка подполковник Г. Г. Пантюхов и другие.

20—25 марта фашисты многократно пытались сбить подразделения боевого охранения дивизии, наступая батальоном мотопехоты с 5–7 танками, но безрезультатно. Оборона севернее Белгорода стала крепкой. Потеряв еще 12 танков, 9 бронемашин и около 400 солдат и офицеров убитыми и ранеными, гитлеровцы прекратили наступление в полосе обороны дивизии.

С подходом войск и средств усиления оперативное построение 21-й армии стало уплотняться. 26 марта дивизия со средствами усиления заняла оборону на рубеже Лог Лапин — Задельное — Березов — Гремячий в полосе 13 километров и в глубину 7 километров. Боевой порядок дивизии — в один, полков — в два эшелона. Усиленное боевое охранение расположилось: Стрелецкое — высота 228,6 — Яхонтово. Справа оборонялась 67-я гвардейская, слева — 375-я стрелковые дивизии.

Передний край обороны дивизии проходил по рубежу, имевшему наибольшее количество естественных противотанковых препятствий. Отсюда хорошо было наблюдать за противником, вести массированный огонь, поддерживать артиллерией подразделения боевого охранения.

С занятием обороны дивизия приступила к срочному выполнению инженерных работ: оборудовались окопы, наблюдательные и командные пункты, блиндажи для личного состава, укрытия для боеприпасов и продовольствия. Затем отрывались траншеи и ходы сообщения в границах ротных, а потом и батальонных районов обороны. Политотдел между полками и подразделениями организовал соревнование за перевыполнение норм земляных и других оборонительных работ. В частях проводились учебные сборы снайперов, пулеметчиков, разведчиков, истребителей танков.

Особое внимание уделялось организации разведки противника: его сил, действий, морального состояния, намерений. Использовались все виды, применялись все средства разведки. Большую помощь в этом нам оказывали партизаны и местное население.

Дивизия получила пополнение личного состава — около пяти

тысяч человек, а также вооружение, боевую технику, необходимое количество боеприпасов, горючего и продовольствия. В большинстве своем пополнение — люди от года до полутора находившиеся на оккупированной немцами курской земле, на себе вдоволь испытавшие издевательства фашистов. А таких, как известно, много не надо обучать и воспитывать. Среди них были солдаты и офицеры. Да и ненависти к завоевателям им не занимать.

Неоднократно в наших подразделениях бывали секретарь Курского обкома партии П. Доронин, председатель Курского городского Совета депутатов трудящихся Надежда Алексеевна Масленникова. Встречаясь со своими воинами-земляками, они призывали их беспощадно бороться с врагом, скорее изгнать его со своей земли.

Все было подчинено одной цели — развивать у солдат упорство, мужество, готовность к жестокой борьбе с врагом.

Волнующим событием в боевой летописи 52-й гвардейской дивизии был приезд делегации Монгольской Народной Республики во главе с заместителем Главнокомандующего Вооруженными Силами Монголии Ахабосуруновым.

31 марта 1943 года к исходу дня мне позвонил командующий генерал-лейтенант И. М. Чистяков:

— Завтра в 10 часов утра у вас будут большие гости подготовьте хороший «сабантуй» и покажите, как гвардейцы воюют.

Признаться, из этого разговора я не все понял. Показать, как мы бьем фашистов, мы всегда готовы и умеем. С полковником В. К. Потаниным мы гадали, по какому же — 1, 2 или 3-му — варианту проводить этот самый «сабантуй».

И вот 1 апреля ровно в 10 часов утра делегация дружественной страны в сопровождении командующего армией прибыла в Козьмодемьянское. Делегаты побывали в боевых порядках подразделений, передали подарки от монгольских трудящихся. А потом в торжественной обстановке одновременно с вручением И. М. Чистяковым гвардейского знамени глава делегации передал нашей дивизии как одной из прославившихся в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками знамя Монгольской Народной Республики.

Принимая знамена, гвардейцы поклялись и дальше приумножать боевую славу дивизии.

— Гвардейцы не уронят своей чести и оба знамени донесут до победного конца, войдут с ними в логово фашизма — Берлин.

И эту свою клятву воины дивизии сдержали.

В разгар оборонительных работ произошло и другое

знаменательное событие: 22 апреля 1943 года за героические подвиги и отличные боевые действия по окружению и разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом 21-я армия была преобразована в 6-ю гвардейскую армию. Эта высокая оценка боевых действий вдохновила воинов на новые достижения в ратном деле. С еще большим рвением гвардейцы укрепляли свои позиции, готовясь достойно отразить яростные атаки-врага. К концу апреля части дивизии были готовы к встрече с противником.

И в это время я убыл из дивизии в Москву в госпиталь.

15 мая 1943 года 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию принял Герой Советского Союза полковник Иван Михайлович Некрасов. После тяжелых оборонительных летних боев дивизия участвовала в освобождении Харькова, Краснокутска и других городов и десятков сел Украины. Осенью 1943 года дивизия направляется на северо-запад в район Торопца Калининской области. Снова трудные переходы и упорные бои за Невель, Пустожку, форсирование реки Великой и бой за плацдарм на ней, послуживший впоследствии исходным пунктом для наступления наших войск в Прибалтике. От берегов этой реки начался путь дивизии по освобождению Советской Латвии.

Глава восьмая. В Прибалтике, Польше, Померании

Из госпиталя я рассчитывал сразу снова вернуться в свою 52-ю гвардейскую дивизию, за которую все время переживал, беспокоился: ведь она находилась на одном из главных и трудных участков фронта, вела с врагом тяжелые бои.

Прибыл к начальнику Управления кадров Советской Армии генерал-полковнику, ныне Маршалу Советского Союза Ф. И. Голикову, доложил, что готов убыть на фронт.

— Так быстро? Вы что, лечение уже закончили? — спросил Ф. И. Голиков.

— Да, чувствую себя вполне здоровым.

Однако Ф. И. Голиков, усомнившись, позвонил в госпиталь. Начальник госпиталя ответил, что «потеряли Козина», что «у него еще не снята с грудной клетки тугая повязка».

— Выходит, товарищ Козин, вы сбежали? Как же это так? Начальник госпиталя говорит, что вам еще надо с десяток дней полежать.

— Товарищ генерал-полковник, я чувствую себя хорошо и готов вернуться на фронт.

— Тогда вот что, товарищ Козин: завтра в 10 часов получите документы и летите в Бийск, к семье. А вернетесь — продолжим разговор.

4 мая 1943 года я прилетел в Бийск. Встреча, организованная горкомом партии, который возглавлял Д. К. Новиков, и горисполкомом (тогда председателем был Иван Максимович Баранов), была самой теплой, сердечной.

Считанные дни пробыл я в Бийске, но за это время несколько раз выступил перед трудящимися города. Рассказывал о том, что больше всего их волновало и интересовало. О положении на фронте, о том, как сражаются земляки, выполняя свой долг перед народом, Родиной. В свою очередь, бийчане говорили о своих трудовых делах, успехах и трудностях. Они просили меня передать сибирякам свой наказ драться с фашистами еще смелее, чтобы скорее изгнать извергов с родной земли.

Вылетая в Москву, я думал, что теперь-то непременно удастся попасть на фронт. Однако мне был зачитан приказ И. В. Сталина о зачислении меня слушателем курсов Военной Академии Генерального штаба. (В 1965 году на приеме у правительства Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков сказал мне, что это он тогда предложил мою кандидатуру).

Что ж, приказ есть приказ, его надо выполнять. Правда, я писал рапорт на имя начальника Академии Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова с просьбой отправить на фронт, но ответ был отрицательный. Много позже я понял, что начальник Академии, как и начальник Управления кадров, был прав: надо учиться, надо расти в военном мастерстве. Партия и правительство прекрасно понимали, что это особенно необходимо тому старшему офицерскому составу, который вышел из низов и в свое время не смог получить соответствующего образования. Ведь одно дело иметь большой практический опыт, другое — когда этот опыт подкреплен теоретическими знаниями. Тогда легче замечаешь свои пробелы, просчеты в решении тех или иных задач. И это я понял с первых же дней учебы в Академии.

Не буду подробно рассказывать, как мы учились, скажу лишь, что всем нам, «студентам», в 40—60-летнем возрасте нелегко было «поглощать» огромное военно-теоретическое богатство, накопленное веками. Тем более, что учеба шла в форсированном темпе, а у многих слушателей соответствующей подготовки не было. Нам же приходилось осваивать теорию военного искусства, основанную на глубоких наступательных и оборонительных операциях при вводе массы войск и современной боевой техники. Мы учились обеспечению организации и управлению частями, соединениями и объединениями во всех видах боя. И эта учеба всем нам многое дала.

Нам также регулярно читали лекции о международном положении, о важнейших решениях партии и правительства, о выполнении народнохозяйственных планов.

Перед трудящимися предприятий Москвы приходилось и нам выступать. Помню, в октябре 1943 года генерал-майор Борисов, исполнявший обязанности для поручений Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, пригласил меня к начальнику Академии.

— Товарищ Козин, мы решили, чтобы вы выступили перед трудящимися заводов столицы.

И как ни боялся я быть «оратором», все же пришлось им стать на некоторое время. А это тоже своего рода учеба. Выступал перед рабочими, перед секретарями райкомов партии, находившимися на курсах при ЦК.

В ноябре 1943 года меня снова пригласил начальник Академии.

— Вы были у отца? — спросил он.

— Был в Бийске, у семьи.

— А теперь побывайте в Татарске, у отца, повидайте его пока он жив.

В апреле 1944 года, закончив учебу, я опять явился к Ф. И. Голикову. Он предложил мне 13-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, которая в это время стояла на отдыхе. Я сначала не соглашался: почти год находиться в Академии, а теперь опять тыл! Но Ф. И. Голиков заверил меня, что дивизия скоро получит боевой приказ. Однако оставалась она на отдыхе до августа 1944 года. В конце концов я не выдержал и снова явился к Голикову. Крупно поговорили, после чего я получил назначение на 189-ю стрелковую дивизию.

1 сентября я был у командующего 3-м Прибалтийским фронтом генерала армии И. И. Масленникова, войска которого заканчивали подготовку к проведению Рижской наступательной операции. Во время нашей беседы вошел начальник штаба фронта В. Р. Вашкевич и доложил командующему, что противник потеснил 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию полковника Н. В. Симонова. Выслушав, командующий повернулся ко мне:

— Товарищ Козин, вы ведь в свое время, кажется, командовали 52-й?

— Да, — ответил я.

И. И. Масленников тут же связался с Москвой и попросил поставить меня снова на 52-ю. Но Ф. И. Голиков согласия не дал.

189-я стрелковая дивизия входила в состав 122-го стрелкового корпуса генерал-майора Николая Моисеевича Мартынчука 67-й армии генерал-лейтенанта В. З. Романовского.

В тот же день я был у командира корпуса. Он, вкратце охарактеризовав дивизию, которую мне предстояло принять, (командир ее Дмитрий Акимович Лукьянов погиб на наблюдательном пункте при прорыве группы вражеских танков), отметил, что дивизия в настоящее время выведена в тыл, приводит себя в порядок.

— Надо, чтобы дивизия через пять — шесть дней была готова к наступлению, — сказал Мартынчук.

Я попросил еще два — три дня на проведение батальонных учений с боевой стрельбой, которые позволят ближе познакомиться с командирами частей. Мартынчук согласился, заметив при этом:

— Это отрадно, что вы с ходу решительно беретесь за подготовку наступательных действий.

Учебные батальонные занятия начались на третий день. Вначале шли не совсем гладко: были серьезные недостатки во взаимодействии подразделений, в управлении огнем и закреплении захваченного рубежа. Приходилось некоторые батальоны возвращать для повторения.

* * *

После соответствующей подготовки и перегруппировки войск 14 сентября 1944 года началась завершающая операция по освобождению Прибалтики. В наступлении на Рижском направлении участвовали одновременно ударные группировки всех трех Прибалтийских фронтов. Войска 3-го Прибалтийского фронта продвинулись до шести километров и овладели второй позицией главной полосы обороны противника.

В результате первых трех дней успешных действий Прибалтийских фронтов, особенно 1-го, войска которого продвинулись на глубину до 50 и расширили прорыв до 80 километров, группа фашистских армий «Север» оказалась под угрозой изоляции и рассечения. Командующий группой генерал-полковник Шернер докладывал гитлеровской ставке, что для германских войск в Прибалтике, потерявших почти половину своего состава, наступил «последний момент», что группа не в состояний вести длительные оборонительные бои, и остается одна возможность уйти[51].

В полосе нашей 67-й армии враг продолжал оказывать упорное сопротивление, стремясь удержать город Валгу и тем самым обеспечить оперативной группе «Нарва» отход из Эстонии.

189-я стрелковая дивизия, введенная в бой во второй половине дня 14 сентября, встречая сильное огневое сопротивление и яростные контратаки врага, вначале имела малый успех. У нас не хватало артиллерии и танков. И лишь 19 сентября дивизия во взаимодействии с другими, ведя тяжелые бои, прорвалась и обошла Валгу с севера. Противник, боясь потерять последний путь отхода, прикрываясь сильными арьергардами, в тот же день под давлением наших войск оставил Валгу — крупный железнодорожный узел, являвшийся мощным опорным пунктом фашистской обороны на юге Эетюнии.

В приказе Верховного Главнокомандующего генералу армии И. И. Масленникову по случаю овладения Валгой в числе отличившихся войск была названа и 1.89-я стрелковая дивизия, которой, наряду с другими, было присвоено наименование «Валгинской».

24 сентября 1944 года меня вызвал генерал-майор Н. М. Мартынчук. Поблагодарив за успешные наступательные действия дивизии и сообщив, что я представлен к правительственной награде, он сказал:

— Товарищ Козин, по указанию командующего армией согласно приказу командующего фронтом вам необходимо 189-ю дивизию передать полковнику Н. В. Симонову, а от него принять

52-ю гвардейскую.

…Прибалтийская осень давала о себе знать затяжными дождями. Не то, что машины, даже пехота с трудом двигалась по разбитым и раскисшим дорогам. Вот в такой промозглый, ветреный и холодный день я пробирался в свою 52-ю гвардейскую орденов Ленина и Суворова II степени стрелковую дивизию, с которой расстался семнадцать месяцев назад. Не стану скрывать: в ожидании предстоящей встречи испытывал большое волнение. Думаю, читатель легко меня поймет. Ведь как ни суди, а 52-я для меня была самой близкой дивизией: с ней я прошагал не одну сотню верст с труднейшими. боями.

Встретили меня очень тепло, особенно те, с кем пришлось многое пережить, делить радости и горести. По-прежнему в дивизии оставались начальник штаба полковник Г. Г. Пантюхов, командующий артиллерией полковник В. К. Потанин, командир 151-го полка полковник И. Ф. Юдич, начальник его штаба майор К. Г. Губернаторов, дивизионный инженер подполковник А. А. Козин, командир 562-го медсанбата майор М. Н. Рудаев, секретарь дивизионной партийной комиссии майор Борис Владимирович Кремерманн, начальник интендантской службы майор Г. И. Окунев и другие.

Итак, я в своей дивизии!

Наступательные действия по освобождению Прибалтики приобретали все более широкий и решительный размах и продолжались с июля по 22 октября 1944 года. Прибалтика имела для фашистской Германии важное военное и экономическое значение. Она прикрывала с северо-востока и востока Восточную Пруссию. Удержание Прибалтики позволяло немецкой армии блокировать наш флот в восточной части Балтийского моря и держать связь с Финляндией, а также со Швецией, поставлявшей Германии стратегическое сырье. Крупная группировка войск, располагавшаяся в Прибалтике, могла, по замыслам фашистского командования, нанести фланговые удары по советским войскам в случае их наступления в направлении Польши и Восточной Пруссии. Поэтому гитлеровцы построили там глубоко эшелонированную оборону, которая проходила по выгодным естественным рубежам и насчитывала большое количество дерево-земляных сооружений, минных полей и завалов.

Общий замысел Ставки советского Верховного Главнокомандования состоял в том, чтобы отсечь прибалтийскую группировку противника от остальных сил фашистской армии путем выхода войск к побережью Рижского залива в районе Риги и рядом могучих ударов расчленить ее и уничтожить по частям. Предусматривалось нанесение одновременных ударов тремя

Прибалтийскими и Ленинградским фронтами по сходящимся направлениям на Ригу. Вражеская группировка в Прибалтике в своем составе имела 56 дивизий, в том числе 5 танковых и 2 моторизованных[52].

52-я стрелковая дивизия с 51-м отдельным танковым полком, 137-й пушечной артиллерийской бригадой, двумя батареями 370-го самоходного артполка и дивизионом 50-й минометной бригады, отразив контратаки противника и преследуя его, 24 сентября во взаимодействии с другими вступила в город Вальмиеру.

К. 27 сентября, сделав соответствующую перегруппировку, дивизия продолжала передовыми отрядами преследовать отходящие части врага и с боями освободила населенные пункты Тарнису, Даупис, Лингу, Зангулис и ряд других. А 30 сентября вышла к реке Гауя, с ходу форсировала ее и овладела Пургалисом, Палдиесом, Вецсуцесом и городом Цессисом.

После двухдневного отдыха и приведения частей в порядок дивизия совершила 120-километровый марш в составе 12-го гвардейского корпуса 1-й ударной армии и заняла место в оперативном построении войск 2-го Прибалтийского фронта на его правом крыле[53]. Уничтожая отдельные очаги сопротивления, дивизия к 18 часам 10 октября развернулась в боевой порядок в полосе железнодорожных станций Кивули и Цекули. 151-й и -153-й полки форсировали реку Мазаюглу и завязали бой в 8 километрах восточнее Риги, где были остановлены хорошо организованным огнем частей 31-й пехотной дивизии противника.

Потребовалось немало усилий войск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, чтобы прорвать прочную, глубоко эшелонированную оборону гитлеровцев. Конечно, это можно было бы сделать значительно быстрее при наличии тех же средств, которыми располагали наши войска, но тогда неизбежны были бы большие разрушения и жертвы среди жителей населенных пунктов и городов, в том числе и в Риге.

Командующий 2-м Прибалтийским фронтом А. И. Еременко решил обходным маневром окружить главные силы противника на внешнем обводе рижских позиций и в самой Риге, а затем уничтожить их. Противник, опасаясь окружения, всячески противодействовал этому.

В операции по овладению Ригой 52-я дивизия с 1073-м истребительно-противотанковым артиллерийским, 504-м и 320-м минометными полками имела задачу: в ночь с 12 на 13 октября прорвать внешний обвод рижских позиций, разгромить обороняющегося противника на восточной окраине города и с

ходу овладеть центральной его частью, а к исходу дня передовыми отрядами форсировать реку Даугаву (Западную Двину) и захватить плацдарм на западном ее берегу.

Двое суток части дивизии готовились к наступлению. Создавались штурмовые группы и отряды, отрабатывалась организация взаимодействия и управления войсками при прорыве вражеской обороны, в уличных боях большого города и при форсировании реки. Политотдел, возглавляемый полковником В. Е. Горюновым, провел в частях и подразделениях большую работу, используя и положительные и отрицательные примеры действий бойцов и командиров в предшествующих боях. Начальник штаба полковник Г. Г. Пантюхов и начальник разведывательного отделения майор В. Н. Горбачев организовали группу разведчиков и саперов, обеспечив ее всем необходимым для действий в тылу врага. Группой руководил прославленный на весь 2-й Прибалтийский фронт командир 56-й гвардейской разведывательной роты капитан Николай Александрович Король.

Во время переправы и боя подразделений на плацдарме артиллерийское обеспечение планировалось методом последовательного сосредоточения огня, стрельбой из орудий прямой наводкой и огнем танков с места.

Саперы 61-го саперного батальона капитана Кострова и саперные роты полков готовились к проделыванию проходов в минных полях противника.

В целом выполнение задачи планировалось следующим образом: два стрелковых полка со средствами усиления прорывают обвод вражеской обороны, после чего их усиленные передовые батальоны, не ввязываясь в затяжные уличные бои, как можно быстрее выдвигаются на восточный берег Даугавы в готовности под прикрытием артиллерийского огня форсировать реку и захватить плацдарм на ее западном берегу.

13 октября в 2 часа 151-й полк И. Ф. Юдича со 2-м дивизионом 124-го артполка, 1-м дивизионом 320-го минометного полка, 501-м минометным полком, 1-м батальоном 31-го танкового полка и двумя батареями 57-го отдельного противотанкового дивизиона и 153-й полк С. П. Зубова с 1-м дивизионом 124-го артполка, 2-м дивизионом 320-го минометного полка, 11-м минометным полком, 2-м батальоном. 31-го танкового полка и батареей 57-го отдельного противотанкового дивизиона после артиллерийско-минометной подготовки прорвали внешний оборонительный обвод рижских позиций и, отражая контратаки 31-й пехотной дивизии врага, продвигались на Улброка и Ацоис.

Противник, пытаясь задержать наше наступление, разрушал

мосты, шоссейные и железные дороги, минировал вся и все, но не мог остановить наше продвижение.

На рассвете 13 октября 1944 года части дивизии ворвались в окутанную дымом Ригу, где захватили автоколонну противника, ожидавшую пехоту для переброски ее в Задонье.

Штурмовые группы и отряды при содействии разведчиков и жителей города обходили заминированные участки улиц, уничтожали засевшие группы противника и быстро продвигались вперед.

На улицах Елизабетс (ныне ул. Кирова) и, Леона Паэгле немецкая автоколонна пыталась на большой скорости уйти от преследования, но огнем наших танков несколько машин было разбито и на перекрестке образовалась пробка. Гитлеровцы, бросив автомашины, разбежались. Около сотни фашистов было взято в плен[54]. Один из офицеров заявил, что его подразделения вели оборонительные бои у Юглы, в межозерном дефиле, против русских войск, имея задачу сдерживать противника до 10 часов 13 октября, после чего по сигналу отходить с боем к железнодорожному мосту через Даугаву, и что ему было поручено подорвать мост. Однако мост был взорван раньше и без его приказа, и он сам попал в плен.

Взаимодействуя с 12-й и 23-й гвардейскими дивизиями, опрокидывая врага передовыми отрядами, 52-я дивизий вышла 1-м батальоном капитана В. Н. Малютина 151-го полка и 1-м батальоном 153-го полка капитана Тоткайло на восточный берег реки, которые вскоре под прикрытием полковых артиллерийских групп и огня танков с места приступили к переправе десанта на западный берег.

В эти батальоны прибыли и мы с начальником политотдела полковником В. Е. Горюновым. Здесь уже находились заместители командиров по политчасти подполковник Иван Васильевич Горшков и майор Педанов[55]. Состоялись десятиминутные митинги. Мы поблагодарили личный состав за смелость, решительность действий и использование технических средств борьбы по освобождению восточной части города, призвали-к быстрой и четкой организации переправы батальонов для захвата плацдарма на западном берегу реки.

— Даугава — река широкая. Но и ее мы перемахнем, — заявил пулеметчик младший сержант В.В.Смирнов. — Так я говорю, братцы?

— Так!.. Правильно говоришь! — поддержали его другие. — Выкурим немчуру и с того берега!..

И плацдарм был захвачен.

Роты старшего лейтенанта Носикова, капитана А. Мостового

и старшего лейтенанта А. Т. Ерошкина вступили в ожесточенные схватки с врагом. Бойцы проявляли образцы мужества и отваги.

Младший сержант Тугунбай Худобердиев, увешанный гранатами и магазинами с патронами для автомата, прыгнув с лодки в воду, не стреляя, бросился на немцев. Те растерялись и прекратили огонь. Худобердиев, выскочив на берег, стал расстреливать фашистов, а в группу сгрудившихся в окопе метнул гранату. Он уничтожил восемь гитлеровцев.

Рядовой Георгий Семенович Бабаев ринулся в гущу немцев, двумя гранатами заставил их прижаться к земле и прекратить огонь. Иван Иванович Шевченко, Шамынин и Таршин уничтожили более двух десятков фашистов. Снайперы сержант комсомолка Муза Яковлевна Десятова и коммунист Тамара Константиновна Алферова уничтожили более пятнадцати гитлеровцев. Меткими выстрелами они прикрывали своих товарищей.

Небольшой плацдарм гвардейцы удерживали с 8 часов 13 октября до 5 часов 14 октября, при поддержке артиллерии с восточного берега отразили шестнадцать контратак немцев. Многие из них за героизм и мужество были награждены орденами и медалями Советского Союза.

2-й батальон 153-го полка в ходе наступления захватил немецкие штабные автобусы с документами, два штурмовых орудия с экипажами, уничтожил расчеты зенитной батареи, взял в плен 26 солдат и захватил 12 автомобильных фургонов противника.

3-й батальон капитана И. Т. Обушенко при поддержке танков пересек железнодорожные пути станции Рига-пассажирская. В этом районе 7-я стрелковая рота под руководством заместителя командира батальона старшего лейтенанта И. Калинина уничтожила более пятидесяти фашистов, пытавшихся подорвать вагоны, паровозы и пути. Продвигаясь по улице Елизабетс, батальон попал под огонь вражеской роты автоматчиков, но разгромил ее.

Продолжая преследовать и уничтожать отдельные группы врага, батальон вышел к Даугаве. Действия пехоты умело поддерживали своим огнем танковая рота 31-го танкового полка и 1-й дивизион 124-го артиллерийского полка.

155-й полк подполковника И. А. Чистякова с приданными средствами усиления, следуя по улице Цесу, получил данные, что в районе кладбища засело до батальона противника. На его окружение и уничтожение было послано два батальона с танками и полковой артиллерийской группой. Бой закончился полным разгромом противника. До двух рот фашистов было уничтожено, остальные взяты в плен. Очищая улицу за улицей, гвардейцы

полка вышли к стадиону и за товарной станцией захватили автоколонну и около ста солдат и офицеров.

Во второй половине дня 13 октября 155-й полк вышел к железной дороге западнее морского порта. После 45-минутной артподготовки 1-й батальон капитана А. С. Назаренко приступил к форсированию Даугавы.

Однако лодки, паромы и плоты противник встретил сильным артиллерийско-минометным огнем и огнем танков, в результате чего 1-я и 2-я роты имели большие потерн. Пришлось большую часть артиллерии дивизии переключить на подавление вражеской артиллерии.

Противник, боясь обхода и удара с северо-востока войск 67-й армии, а с юго-запада — 10-й гвардейской армии, значительно ослабил свои боевые действия против войск 1-й ударной армии, в частности против 12-го стрелкового корпуса, наступающего по центру города, и стал отходить.

Захваченным плацдармом дивизии воспользоваться не пришлось: она получила новое направление, и батальоны, форсировавшие реку, были сняты и снова переправлены на восточный берег. К сожалению, это не обошлось без потерь.

Неожиданный и стремительный удар наших войск лишил противника возможности осуществить свой чудовищный план — разрушить Ригу. Город был спасен, над ним взвилось красное победное знамя. В тот же день 13 октября в 23 часа столица нашей Родины Москва салютовала войскам 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, освободившим Ригу.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 13 октября 1944 года генералу армии Масленникову и генералу армии Еременко говорилось: «Войска 3-го Прибалтийского фронта при прямом содействии войск 2-го Прибалтийского фронта, развивая успешное наступление, сегодня, 13 октября, штурмом овладели столицей Латвии — городом Рига — важной военно-морской базой и мощным узлом обороны немцев в Прибалтике…»

Утром 15 октября была полностью очищена от гитлеровцев и западная часть города. Жители Риги горячо приветствовали наши войска, вызволившие их из фашистской неволи.

Наиболее отличившимся шести дивизиям, в том числе и 52-й, было присвоено наименование «Рижская». Десятки тысяч воинов за мужество, отвагу, за образцовое выполнение боевых заданий командования были удостоены правительственных наград.

Изгнание врага из Риги означало по существу завершение освобождения всей Советской Прибалтики. Гитлеровцы все же нанесли городу тяжелые раны. Были разрушены портовые сооружения, мосты через Западную Двину, электростанция,

электротехнический завод «ВЭФ», взорваны и сожжены здания почтамта, выведен из строя городской водопровод. Фашисты вывезли все оборудование промышленных предприятий, разграбили музей, институты, старинное книгохранилище и многое другое.

После короткого отдыха в Лисмуне 52-я дивизия в составе 12-го стрелкового корпуса наступала в северо-западном направлении. В первых числах ноября 1944 года корпус вошел в 3-ю ударную армию генерал-лейтенанта Н. П. Симоняка.

Из-за осенней распутицы и большого недостатка в боеприпасах, особенно в артиллерийских снарядах, дивизии армии продвигались вперед медленно. За несколько дней упорных боев наша дивизия продвинулась лишь на 30 километров и вышла северо-западнее Риги к Елгаве, где, отражая атаки противника, перешла к обороне и находилась в ней до 28 ноября. И если 52-я дивизия по сравнению с другими имела некоторый успех, то, как правило, дорогой ценой. Но и немцы не имели успеха, хотя предпринимали контратаки одну за другой. По данным штаба, войска 3-й ударной армии в этих боях уничтожили более 30 вражеских танков и самоходно-артиллерийских установок, около 40 орудий, до 150 пулеметов, было убито 7500 солдат и офицеров, 915 взято в плен.

28 ноября 1944 года был получен приказ командира корпуса передать полосу обороны дивизии частям 10-й гвардейской армии и к 3 декабря сосредоточиться в районе южнее Елгавы, ближе к железной дороге.

Двигаться приходилось только ночью, соблюдая все меры маскировки. Прибалтийская осень давала о себе знать. Моросил холодный мелкий дождь, временами сменявшийся мокрым снегом. Ветер пронизывал до костей. Все дороги раскисли, не только автомобили и артиллерия, но и гужевой транспорт то и дело застревал. Уставшим солдатам приходилось все это вытаскивать на себе.

Куда направляется дивизия, пока никто из нас толком не знал, лишь позднее нам стало известно, что 3-я ударная армия выводилась в резерв Ставки.

Сразу же по выходе дивизии в район сосредоточения началась подготовка к погрузке в эшелоны: запасались необходимым для дальнего пути — продовольствием, фуражом, железными печками, топливом и т. д. Хлопот хватало всем. Проводились партийные, комсомольские и офицерские собрания, обсуждались вопросы соблюдения дисциплины, сохранения тайны, оружия и имущества.

Ни маршрута движения, ни пункта выгрузки и района

сосредоточения мы не знали. Лишь по названиям станций во время движения эшелонов догадывались, куда направляемся: Елгава — Полоцк — Минск — Барановичи — Брест. Последний эшелон на конечную станцию Седлен прибыл 31 декабря 1944 года.

После выгрузки части сразу же отводились в укрытие и только с наступлением темноты двигались в район сосредоточения — 25–30 километров северо-восточнее Варшавы.

Нельзя не вспомнить добрым словом офицерский состав штаба армии, который под руководством начальника штаба генерала Михаила Фомича Букштыновича, хорошо организовал отправку и встречу эшелонов. С прибытием на конечную станцию начальник эшелона тут же получал маршрут движения в пункт сосредоточения.

Двигались эшелоны в спокойной обстановке. Сейчас даже трудно объяснить «миролюбие» противника: на всем пути следования ни один эшелон не подвергся авианалету. Да, это не 41-й год, для фашистов наступили другие времена.

Вскоре командованию дивизии стало известно, что 3-я ударная армия входит в состав 1-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Фашистское командование всеми способами стремилось удержать в своих руках часть Польши. Позднее мы узнали, что из всех оборонительных рубежей между Вислой и Одером наиболее подготовленным был Висленский. Последующие рубежи имели задачей измотать и обескровить наши наступательные войска и не допустить их к Одеру. Решением Ставки разгром немецко-фашистских войск в Польше возлагался на войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Им предстояло завершить освобождение польского народа и создать условия для наступления на Берлин.

Итак, 3-я ударная армия, а с ней и 52-я гвардейская дивизия, ставилась на главном направлении удара, на путь, ведущий к логову гитлеровской Германии. Дивизия сполна получала все необходимое, причем в таком количестве, о каком раньше мы не могли и мечтать. Личный состав пополнился. Дивизия имела более 6500 человек. Укреплялись и другие дивизии. В целом накануне Висло-Одерской операции в составе двух фронтов — 1-го Белорусского и 1-го Украинского — было 2 миллиона 200 тысяч человек, свыше 32 тысяч орудий и минометов, около 6500 танков и самоходно-артиллерийских установок и до 5000 боевых самолетов. (Эти цифры я услышал после войны на Потсдамской научной конференции).

Такое сосредоточение сил и средств позволило советскому

командованию создать значительное превосходство над противником на Варшавско-Берлинском направлении: в живой силе — в 5,5 раза, в орудиях и минометах — в 7,8, в танках — в 5,7, в самолетах — в 17,6 раза[56]. Грозной силой была и наша реактивная артиллерия.

Таким образом, обстановка на главном стратегическом направлении фронта была благоприятной для советских войск. Создание такой силы свидетельствовало о мощи социалистического государства и высоком уровне советского военного искусства.

10 января я с начальником политотдела полковником В. Е. Горюновым поехал по полкам проверить размещение, меры маскировки, оборудование щелей для укрытия личного состава, обучение новичков, организацию питания. Прибыли в 151-й полк. Заходим в столовую, организованную под большим навесом.

— Что у вас сегодня на обед?

— Борщ и гречневая каша.

— А почему на столе нет горчицы, перца?

— Упущение наше, товарищ генерал.

— А почему не все гвардейцы носят гвардейские знаки? Почему не все, кому положено, носят ленточки за ранения? Гвардейский знак и нашивка за ранение — это знаки отличия ветеранов, они играют большую воспитательную роль среди молодого пополнения…

Регулярная учеба и проверка частей и подразделений повышали боеготовность личного состава, дисциплинировали.

Стрелковые подразделения к середине января были в основном готовы к наступательным боям, которые намечалось начать 20 января. Крупнокалиберная артиллерия и 120-миллиметровые минометы под командованием полковника В. К-Потанина убыли для участия в артподготовке 1-го Белорусского фронта. Но 6 января английский премьер-министр Черчилль обратился к Верховному Главнокомандованию СССР с просьбой о немедленной помощи, так как группировка немецко-фашистских войск на западном фронте в Арденнах в середине декабря 1944 года перешла в наступление и поставила англо-американские войска в тяжелое положение. И Советский Союз оказал помощь союзникам, начав свое наступление 12 января — значительно раньше намеченного срока, на огромном 1200-километровом фронте. Гитлеровское командование вынуждено было срочно перебросить с западного фронта на восточный больше десятка дивизий. Участь англо-американских войск была облегчена. Ныне многие буржуазные историки «забыли» об этой большой помощи Советского Союза попавшим в беду союзникам[57].

14 января ударная группировка войск 1-го Белорусского фронта успешно прорвала главную полосу обороны противника на Висленском направлении. Развивая успех пехоты, танковые войска к исходу 15 января, обходя Варшаву с севера и юга, с боями прошли около 40 километров, нанесли врагу тяжелые потери. Чувствуя угрозу окружения, фашисты начали оставлять свои позиции. Одна из почетных задач — первыми вступить в столицу Польши — была возложена на 1-ю армию Войска Польского, которая с честью справилась с этой задачей. Форсировав Вислу севернее и южнее Варшавы, сломив сопротивление противника, братская армия 17 января ворвалась в город. Одновременно с ней вошли и наши войска. Их прежде всего поразили масштабы разрушений, совершенных «чистокровными» арийцами-варварами. Все здания были превращены в руины, от города почти ничего не осталось.

К 14 часам польская столица была очищена от гитлеровцев. Весь личный состав дивизии был награжден медалями «За освобождение Варшавы».

После артиллерийской подготовки артиллерия и минометы прибыли в расположение дивизии. Полковник

В. К. Потанин доложил, что личному составу, участвовавшему в артподготовке, объявлена благодарность и что он, Потанин, получил новое назначение — на должность командующего артиллерией корпуса.

Жалко, конечно, было расставаться с ним. Но в то же время я рад был за боевого товарища, с которым впервые встретился в апреле 1942 года, — уходил-то он на повышение.

Вместо В. К. Потанина на должность командующего артиллерией дивизии прибыл полковник Чесноков.

Вечером 17 января был получен приказ командира 12-го гвардейского корпуса генерал-лейтенанта С. М. Бунькова — к утру 19 января сосредоточиться восточнее Варшавы. Утром 20 января дивизия выступила с задачей выйти в район Сохачевлович, что в 80 километрах западнее Варшавы. Мы испытывали трудности: чтобы поднять все запасы, не хватало транспорта. Но приказ торопил на запад. К 25 января мы должны были быть в районе Избица, Коло. Путь далекий. А тут еще погода ухудшилась, похолодало, повалил снег, усилился ветер. Каждый километр давался с трудом.

* * *

22 января через оперативный отдел штаба 3-й ударной армии

нам стало известно, что танковые и механизированные войска 1-го Белорусского фронта вышли к Познанской обороне немцев и местами вклинились в нее. 23 января 1-я гвардейская танковая армия вышла уже западнее Познани, 2-я гвардейская танковая и кав-корпус, наступавшие севернее, овладели городом Бломбергом (Быдгоц). Эти успехи поднимали дух у солдат: гоним зверя в его логово, с каждым шагом приближаемся к желанному концу.

Однако на правом крыле 1-го Белорусского фронта обстановка к этому времени осложнилась: можно было ожидать удара противника во фланг и тыл войскам фронта. 2-й же Белорусский фронт был повернут на северо-восток для разгрома восточно-прусской группировки, в то же время войска его левого крыла действовали на реке Висле в районе города Торна. В результате между драным 1-го и левым крылом 2-го Белорусских фронтов разрыв к 25 февраля достиг более 100 километров.

Маршал Г. К. Жуков решил, оставив часть войск для блокировки и уничтожения гарнизонов в Шнайдемюле и Познани, а частью сил прикрываясь от Померанской группировки, главными силами фронта с ходу овладеть пограничными укреплениями и выйти к Одеру и захватить плацдарм на его западном берегу.

В связи с этим нашей 3-й ударной армии предстояла задача повернуть на северо-запад и двигаться на Иновроцлав, Бломберг. Это значило, надо пройти еще не менее 150 километров.

Трудностей прибавилось: тылы дивизии растянулись, снабжение горючим и продовольствием ухудшилось. Особо беспокоили нас боеприпасы. Начальник артснабжения майор И. Б. Ласточкин доложил, что дивизия в целом по всем видам не имеет и половины боекомплекта. А ведь мы шли в бой!

Совершив трудный более чем 450-километровый марш в направлении Черноглув, Окунев, Троено, Гоглин, Бышево, Шведы, дивизия 2 февраля пересекла польско-германскую границу и, с ходу вступив в тяжелый бой с частями 15-й пехотной дивизии СС, овладела городом Цимпельсбург. А сколько безвестных населенных пунктов на 450-километровом пути пришлось дивизии очистить от немцев. И каждый населенный пункт стоил нам крови, человеческих жизней.

Захватив первый немецкий город, дивизия заняла на выгодном рубеже оборону в полосе более 20 километров фронтом на север, имея соседом 33-ю стрелковую дивизию генерал-майора В. И. Смирнова. Против нас действовали 32-я и 15-я пехотные дивизии СС, неоднократно предпринимавшие против нас контратаки, которые каждый раз отбивались с большими потерями для противника.

Как нам стало известно, 31 января 5-я ударная и 2-я танковая армии вышли к Одеру и захватили плацдарм северо-западнее Кюстрина. В то же время шли тяжелые бои в городах Шнайдемюле и Познани. Из этого было ясно, что сейчас особенно ответственна роль 3-й ударной армии и 1-й армии Войска Польского в обеспечении правого крыла ударной группировки фронта.

В тылах дивизии стали появляться группы противника. Так, например, одна группа напала на наши тылы 17 февраля юго-восточнее города Линде, где к этому времени 52-я дивизия занимала оборону. Как мы установили, была она из Шнайдемюльского гарнизона и имела задачу прорваться в северо-восточном направлении с целью соединения с Померанской группировкой войск.

Но наши тыловики не растерялись и дали достойный отпор гитлеровцам. Решительность и смелость проявили начальник оргпланового отделения тыла капитан Жеребцов, майор интендантской службы Григорий Ильич Окунев, начальник горюче-смазочных материалов Степаненко, портные, сапожники, служба банно-прачечного отряда, хлебопекарни и 562-й медсанбат под руководством Михаила Николаевича Рудаева. За мужество и отвагу многие из них были удостоены правительственных наград.

Взятый в плен полковник показал: «Шнайдемюльская группировка потеряла связь со штабом своего 10-го армейского корпуса 11-й армии, поэтому решили прорваться в северо-восточном направлении. В ночь с 13 на 14 февраля после короткой артподготовки гарнизон прорвал оборону русских и стал продвигаться на Шенфельд. Пройдя 15 километров, колонны встретили упорное сопротивление русских, в завязавшемся бою понесли большие потери в живой силе и технике. В связи с этим я отдал приказ выходить из окружения мелкими группами. Однако уйти мне не удалось»[58].

Да, у фашистов действительно из этого ничего не вышло. Разгром Шнайдемюльской группировки 17 февраля был полностью завершен. Были ликвидированы и мелкие группы. Всего было уничтожено более 7000 солдат и офицеров, более 3000 взято в плен, захвачено много боевой техники.

20 февраля и противник и мы перешли к обороне. Нам необходимо было подтянуть свои тылы. По всем данным, готовилось большое наступление. 23 февраля 52-я дивизия спустилась на левый фланг армии для наступления на главном ее направлении. Перегруппировка частей, выход артиллерии в позиционные районы, организация связи, подвоз боеприпасов,

занятие пехотой и танками исходного положения для наступления — все это проводилось только в ночное время. Во второй половине 26 февраля с командирами средств усиления и офицерами штаба я провел рекогносцировку участка прорыва на местности, там же увязали все вопросы взаимодействия как у себя в дивизии, так и с соседями.

Начальник штаба полковник Г. Г. Пантюхов в таблице взаимодействия согласовал боевые действия частей. В ротах и батареях политработники проводили беседы об отличившихся бойцах и командирах, о задачах, которые предстоит решить. Они призывали действовать смело и решительно с проявлением инициативы и солдатской сметки. Этому же посвящался и очередной номер газеты «В бой за Родину!», редактором которой был майор Василий Фомич Морозов. Военный совет армии выпустил листовки с обращением к бойцам, командирам и политработникам.

На собраниях и митингах в ответ на обращение гвардейцы твердо заверили, что задачу выполнят. Враг будет разгромлен!

Велась работа и в тылах дивизии, возглавляемая подполковником интендантской службы Борисом Павловичем Селезневым.

С утра 28 февраля заместитель по политчасти полковник В. Е. Горюнов с офицерами политотдела, офицеры штаба, штаба артиллерии и тыла отправились в части и подразделения с целью проверки готовности их к наступлению и оказания помощи на месте.

Большая работа выпала на долю саперов дивизии и приданного 15-го гвардейского инженерно-саперного батальона. Они в условиях начавшейся распутицы восстанавливали дороги, усиливали мосты для прохода артиллерии и танков, доразведывали и в ночь на 1 марта проделывали проходы в своих и вражеских минных полях. Накануне наступления дивизия провела разведку боем. Из имеющихся данных и показаний пленных нам стало известно, что нам противостоят подразделения одного из полков 5-й легкопехотной дивизии и подразделения 49-го мотопехотного полка СС. Установлено до двух дивизионов артиллерии — один из них 105, а другой 75-миллиметровых орудий, две минометных батареи среднего калибра и до 10 пулеметных точек.

52-й дивизии с приданными ей 108-й танковой, 21-й легкоартиллерийской, 42-й минометной бригадами, 135-м минометным, 1171-м и 1314-м легкоартиллерийскими полками и 15-м гвардейским инженерно-саперным батальоном, имея двухэшелонный боевой порядок, предстояло прорвать оборону

противника на двухкилометровом участке и наступать в направлении города Реетц. Решением командующего армией с началом атаки пехоты и танков удары по опорным пунктам вражеской обороны наносил 567-й штурмовой авиаполк, а прикрытие боевых порядков в исходном положении и во время наступления возлагалось на 278-ю истребительную авиадивизию.

Ночь на 1 марта 1945 года. Последняя, самая беспокойная ночь перед наступлением. К 5 часам утра все войска находились в исходном положении для атаки. Выдвижение танков непосредственной поддержки было произведено, чтобы заглушить шум двигателей, при стрельбе из пулеметов, минометов и отдельных орудий.

Командиры полков, батальонов и дивизионов были на наблюдательных пунктах, еще раз проверили работу связи. Перед началом артподготовки на мой НП прибыл с офицером командир 108-й танковой бригады подполковник Василий Никифорович Баранюк, а командиры 21-й легкоартиллерийской и 42-й минометной бригад находились с командующим артиллерией дивизии полковником Чесноковым, имея задачей наблюдать за полем боя и вовремя влиять на развитие событий.

И вот 8 часов 15 минут. Началась артподготовка. После 45-минутного артналета и бомбового удара нашей авиации 153-й и 155-й стрелковые полки во взаимодействии с танками НПП и при поддержке артиллерийско-минометного огня большой мощности (на 1 километр фронта прорыва 250 орудий и минометов) перешли в атаку и быстро овладели первой и второй траншеями. Противник, понеся большие потери в живой силе и технике, не мог оказать организованного сопротивления. Но быстрому продвижению наших войск, особенно артиллерии, танков и автотранспорта, мешали разбитые дороги и непрерывно моросящий дождь. Во второй половине дня противник, оправившись от нашего нажима и введя в действие резервы, стал бросаться в яростные контратаки, стремясь задержать наше продвижение. Особенно был снижен темп наступления нашего левого соседа — 33-й стрелковой дивизии, которая подвергалась сильной контратаке во фланг. В результате оголился левый фланг 52-й дивизии. Тогда командиру 153-го стрелкового полка С. П. Зубову было приказано развернуть батальон второго эшелона полка фронтом на юго-запад для отражения вражеского натиска, а командующему артиллерией дивизии полковнику Чеснокову частью артиллерии дальнего действия поддержать его и тем самым обеспечить продвижение подразделений первого эшелона. Мы имели возможность воздействовать на противника не только войсками и боевой техникой, но и огнем артиллерии и авиацией.

Для развития успеха мной был введен второй эшелон дивизии 151-й стрелковый полк И. Ф. Юдича, который взаимодействовал с танками НПП и при поддержке полковой артиллерийской группы (ПАГ), действовавшей со 153-м полком. К исходу дня дивизия с тяжелыми боями продвинулась в глубину вражеской обороны на 10–12 километров.

Храбро сражались гвардейцы 155-го стрелкового полка подполковника В. Р. Козареза. Напор их был настолько стремительным, что фашисты бросали свои укрепленные позиции и разбегались по ближайшим лесам. Отличилась и противотанковая рота лейтенанта Д. Д. Быкова, она уничтожила одно орудие с расчетом и подбила танк и две бронемашины. Командир пулеметного расчета 1-й пулеметной роты младший сержант Иван Антонович Савельев огнем из станкового пулемета уничтожил более взвода вражеской пехоты.

9-я батарея 124-го гвардейского артполка В. Р. Козарез. капитана Александра Петровича Коваля подавила две противотанковые пушки, тяжелый пулемет и минометную батарею, чем обеспечила продвижение 1-го батальона 155-го стрелкового полка капитана Алексея Спиридоновича Назаренко. Хорошо, решительно действовал 3-й батальон капитана И. Т. Обушенко из 153-го стрелкового полка.

После боя командир 151-го полка полковник И, Ф. Юдич при встрече с командиром 153-го полка С. П. Зубовым говорил:

— Сергей Петрович, я дважды видел твоего командира 3 го батальона. Кажется, капитан? Молодец! Большой храбрости человек. Отчаянный у тебя комбат.

— Даже слишком. Все вперед да вперед лезет.

— Что, не нравится? Тогда отдай его мне.

— Ну, уж нет, — отвечает С. П. Зубов. — Капитана Обушенко? Ни за что!

2 марта после мощного артналета наступление нашей дивизии продолжалось. Мы передовыми отрядами старались не дать возможности противнику привести себя в порядок. И хотя гитлеровцы ввели в действие усиленную 11-ю моторизованную дивизию СС, это уже не смогло существенно повлиять на общий ход событий. 52-я дивизия, используя успех 1-й гвардейской танковой армии, гнала фашистов на север и северо-восток, истребляя арьергарды прикрытия и отдельные гарнизоны. Нам хорошо помогала авиация. Чтобы не ослабить темпа нашего наступления, по решению командующего 1-м Белорусским фронтом в полосу действия нашего 12-го гвардейского стрелкового корпуса был введен танковый корпус 2-й гвардейской танковой армии генерал-полковника В. М. Богданова. В

результате смелых действий танкистов и войск 3-й ударной армии противник, боясь окружения, ослабил сопротивление и начал отходить перед фронтом 1-й Польской армии генерала *С* Г. Поплавского и 61-й армии генерала П. А. Белова. Однако 3 марта события развивались так быстро, что пути отхода противника на запад к Одеру были перерезаны частями 1-й гвардейской танковой армии. Лишившись дорог, командир 10-го армейского корпуса генерал Краппе решил выводить остатки своих войск лесами в северо-западном направлении. К утру 4 марта остатки 5-й легкопехотной дивизии вышли в район юго-западнее Драмбурга. Только здесь командиру этой дивизии Зикету стало известно, что остальные части 10-го армейского корпуса окружены и уничтожаются советскими войсками. Зикет, не имея связи с командиром корпуса, решил прорываться к линии фронта самостоятельно.

Выполняя его приказ, группа до двух батальонов устремилась лесами на северо-запад. Фашистское командование па помощь окруженным бросило два моторизованных полка, разведотряд 15-й танковой дивизии и другие подразделения. Но они были разгромлены нашими частями во встречном бою.

4 марта 52-я дивизия во взаимодействии с 23-й после взятия города Фрайенвальде развивала наступление на города Дабер и Наугард. В этот день дивизия, громя разрозненные группы врага, имела особенно большой успех. Во второй половине дня она овладела городом Дабер и с боями продолжала наступать на город Наугард. А войска 1-й гвардейской танковой армии вышли на побережье Балтики. Восточно-Померанская вражеская группировка была разрезана надвое. Основная цель действий советских войск на этом этапе была достигнута.

В приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 4 марта 1945 года командующему войсками 1-го Белорусского фронта Маршалу Советского Союза Г. К- Жукову и начальнику штаба фронта генерал-полковнику Малинину говорилось:

«Войска 1-го Белорусского фронта, прорвав сильно укрепленную оборону немцев восточнее города Штатгард, продвинулись вперед за четыре дня наступательных боев до 100 километров и вышли на побережье Балтийского моря в районе города Кольберг. В ходе наступления войска фронта овладели городами Бервальде, Темпельбург, Фалькенбург, Драмбург, Вангерин, Лабес, Фрайенвальде, Шифельбайн, Регенвальде и Керлин — важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами обороны немцев в Померании…»

В ознаменование этой победы многие отличившиеся части и соединения, в их числе и 155-й полк, получили название

«Померанских», а столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам 1-го Белорусского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Всем войскам, участвовавшим в прорыве обороны немцев и овладении городами в Померании, в том числе и 52-й дивизии, за отличные боевые действия Верховным Главнокомандующим была объявлена благодарность.

3-я ударная армия не снижала темпов наступления. Два корпуса ее продолжали наступление на северо-западном и западном направлениях с задачей выйти на восточный берег Одера и к Штеттинской бухте. 52-я дивизия, находясь в первом эшелоне корпуса, наступала ца город Наугард. И хотя дивизия имела двухэшелонный боевой порядок, она наступала на широком фронте. Это давало возможность свободно маневрировать на поле боя. К исходу дня 5 марта подразделения дивизии во взаимодействии с танковыми частями 2-й гвардейской танковой армии при вводе второго эшелона див-изии овладели городом Наугард.

«Войска 1-го Белорусского фронта, — отмечалось в приказе Верховного Главнокомандующего от 5 марта 1945 года, — продолжая наступление, сегодня, 5 марта, овладели городами Штатгард, Наугард, Польцин — важными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны немцев на Штеттинском направлении…»

Соединения и части, отличившиеся в боях за овладение названными городами, были представлены к награждению орденами, а войскам, в том числе и 52-й дивизии, была объявлена благодарность и в их честь салютовала Москва.

6 марта дивизия совместно с другими частями 12-го гвардейского и 79-го стрелкового корпусов решительным ударом отбросила остатки фашистов к Штеттинской бухте. Дивизия была отмечена в Приказе Верховного Главнокомандующего от 6 марта. С ходу овладев городом Каммин, передовые подразделения дивизии вышли на побережье Балтийского моря.

— Мы уже ноги помыли в морской воде, товарищ генерал! — докладывал мне капитан И. Т. Обушенко[59], передовой отряд которого, усиленный батареей противотанкового дивизиона, ротой танков и взводом саперов, первым достиг побережья.

— В подтверждение вышлите бутылку морской воды, — пошутил я.

И хотя это было на самом деле сказано в шутку, Обушенко в доказательство прислал на мой НП бутылку балтийской воды.

12-й гвардейский стрелковый корпус генерал-лейтенанта А. Ф. Казанкина (в командование корпусом вступил 11 февраля 1945

года) должен был наступать на Штепенитц, но так как левый сосед 3-й ударной армии отстал, 12-му стрелковому корпусу было приказано наносить удар строго в южном направлении и во взаимодействии с частями 2-й гвардейской танковой бригады овладеть городом Голлнов.

…Город Голлнов. Расположен среди лесов и рассекается небольшой рекой Иной. Пересеченная местность, озера и болота препятствовали продвижению к городу, сковывали маневренность действий наших войск. К. тому же на подступах к городу были заранее созданы всевозможные инженерные заграждения, в частности были устроены завалы и минные поля.

Задача по овладению городом возлагалась на 52-ю гвардейскую и 33-ю стрелковые дивизии, совместно с подразделениями танков 2-й гвардейской танковой армии.

После короткой 15-минутной артподготовки, стрелковые подразделения в сопровождении танковых частей, используя обходной маневр, перешли в наступление: 33-я дивизия — с северо-востока, 52-я — с юго-запада. 10-я танковая дивизия СС и дивизия «Бервальде» оказывали упорное сопротивление. После повторного артналета, действий орудий прямой наводкой и огня танков с места по вновь выявленным огневым вражеским точкам к исходу дня мы штурмом овладели городом. Остатки разгромленного врага были отброшены на юго-запад.

При штурме города смелость и решительность проявили многие подразделения дивизии. 9-я батарея 124-го артполка капитана Александра Петровича Коваля прямой наводкой уничтожила два тяжелых пулемета, орудие и два взвода солдат. 57-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион Н. В. Позднякова подбил танк, две бронемашины и подавил два тяжелых пулемета. Командир 1-го батальона 153-го полка капитан И. Я. Тоткайло личным примером воодушевлял и увлекал бойцов на штурм вражеских укреплений. Решительно действовали танкисты 2-й гвардейской танковой армии, артиллеристы, минометчики приданных дивизии подразделений.

Можно привести много примеров героизма. Вот только один из них.

1-я рота старшего лейтенанта Трубникова из 155-го гвардейского полка попала под ливень фланкирующего пулеметного огня противника и не могла двигаться ни вправо, ни влево, а тем более вперед, и залегла. Видя это, командир отделения гвардии сержант Карим Султанов принял решение уничтожить вражеский пулемет.

Используя складки местности, он по-пластунски подобрался к огневой точке и дал по ней очередь из автомата, но пулемета не

подавил, сам же был смертельно ранен. Собрав последние силы, он поднялся, сделал несколько шагов и упал на пулемет, заставив его на некоторое время замолчать. Карим Султанов за свой подвиг был посмертно удостоен высокой награды. Гвардейцы воспользовались этим: рота Трубникова стремительным броском ворвалась на позиции врага и в рукопашной схватке завершила его разгром. Успех роты дал возможность батальону быстро развить наступление.

Когда мы захватили город, он во многих местах горел. Жителей было мало. Повсюду были расклеены плакаты и лозунги, призывавшие жителей города вступать в части фольксштурма «для защиты жен и детей от степных варваров востока». Однако, как вскоре убедились сами жители, овладев городом, «степные варвары востока» ничего плохого, а тем более, варварского, им не сделали.

Наступление наших войск отличалось решительностью, высоким темпом. Преследование врага не прекращалось ни днем ни ночью. Средний темп продвижения танковых соединений составлял 40–45, а общевойсковых — до 30 километров в сутки, а в отдельные дни — и того больше[60].

С 8 марта 52-я дивизия вела наступательные бои юго-западнее Голлнова, добивая потрепанные части 10-й танковой дивизии СС. В течение последних шести суток дивизия с боем прошла около 70 километров и приблизилась к Берлину.

Итоги боев 52-й гвардейской стрелковой дивизии в Померании были значительными. За 8 дней — с 1 по 8 марта — дивизия прошла' свыше 150 километров, форсировала шесть рек, захватила 6 городов, свыше 80 населенных пунктов, в числе первых вышла к Одеру. При этом противнику были нанесены большие потери в живой силе и технике. Враг потерял убитыми более 3000 солдат и офицеров, около 1000 взято в плен, было уничтожено 25 танков и самоходно-артиллерийских установок, 7 бронетранспортеров, 45 орудий разного калибра, 25 минометов, более 100 пулеметов, 150 автомашин. Крупными были и трофеи: 80 орудий и минометов, 5 бронетранспортеров, более 180 автомашин, много боеприпасов и различного военного имущества и снаряжения.

За мужество и отвагу сотни бойцов, сержантов и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями. Я получил орден Красного Знамени. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1945 года 52-я гвардейская орденов Ленина, Суворова 2-й степени Рижская стрелковая дивизия была награждена орденом Кутузова 2-й степени, полки — 151-й гвардейский стрелковый и 124-й гвардейский артиллерийский —

орденами Богдана Хмельницкого, 153-й гвардейский стрелковый — орденом Суворова 3-й степени. 155-му гвардейскому стрелковому полку приказом Верховного Главнокомандующего от 26 апреля 1945 года было присвоено наименование «Померанский».

Со второй половины марта 3-я ударная армия была выведена в резерв фронта. 52-я дивизия, сдав полосу обороны частям 1-й Польской армии, совершила марш на юго-запад в район Кенигсберга[61] и заняла оборону по восточному берегу Одера в полосе 15–16 километров, имея соседом справа 23-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Конечно, после тяжелых померанских боев и длительного марша личный состав дивизии чувствовал себя уставшим. Однако сознание того, что мы уже близко на Пути к Берлину, поднимало дух бойцов.

Вскоре дивизия получила задачу провести бой частного порядка по захвату дамб, занятых усиленным боевым, охранением противника. Дамбы, поднятые над поймой на полтора-два и более метров, тянулись по обеим сторонам русла Одера от полутора до одного километра. Поймы были залиты водой, причем настолько, что ни вброд, ни на лодках к реке не подступишься. Отсюда форсировать Одер с его непроходимыми и малодоступными поймами было крайне сложно.

Для выполнения задачи потребовалась большая подготовительная работа, особенно саперов и артиллеристов. Двое суток с командующим артиллерией полковником Чесноковым, дивизионным инженером подполковником Козиным, командирами частей и старшим офицером от командующего артиллерией армии мы готовились к выполнению задачи.

26 марта в 20 часов передовые отряды дивизии, поддержанные мощным артиллерийским огнем, сбили боевое охранение врага и форсировали Одер южнее города Шведт. Передовым отрядам, а затем и 1-му эшелону дивизии удалось захватить не только дамбы, но и небольшой плацдарм на западном берегу. Фашисты частью были уничтожены, частью взяты в плен. Однако, как и в Риге при форсировании Даугавы, так и здесь, плацдармом дивизия не воспользовалась. Позднее мы узнали, что проведенный дивизией бой носил демонстративный характер: командование фронтом хотело ввести противника в заблуждение, отвлекая его от главной группировки, сосредоточиваемой значительно южнее.

С 1 по 8 апреля дивизия с 328-м, 357-м и 780-м артиллерийскими полками 79-го стрелкового корпуса, во взаимодействии с которым выполнялась задача по форсированию

Одера, продолжала находиться в обороне. Но два полка — 151-й и 155-й — были выведены и занимались доукомплектованием личного состава (пополнение шло в основном из медсанбата, госпиталей армии и за счет призывников из освобожденных районов и бывших в плену у противника). С ними по возможности велись занятия по тактической и огневой подготовке. Численность дивизии была доведена до 5300 человек, роты имели по 60–70 человек. В связи со значительным пополнением в ротах укреплялись партийные и комсомольские организации, усиливалась политико-воспитательная работа. После доукомплектации 153-й и 155-й полки были посланы в первый эшелон, а 151-й выведен в резерв командира дивизии.

Находясь в обороне, дивизия, однако, играла не пассивную роль. Подразделения вели активные разведывательные действия, минировали местность на стыках, флангах и вероятных подступах. В ночь на 3 апреля взвод 2-го батальона 153-го полка дерзким ночным налетом очистил восточную дамбу от противника, находившегося между левым флангом 153-го полка и соседом слева.

Особенно активную работу вела 56-я гвардейская разведрота капитана Н. А. Короля. Так, ей была поставлена задача захватить контрольного пленного. После тщательной разведки наблюдением объектом для нападения был избран отдельный пулеметный окоп на дамбе южнее промоины в районе реки Рене. Перед ним местность по обе стороны была залита водой. Командир разведгруппы гвардии младший лейтенант Семенов решил нападение сделать не с восточной стороны дамбы, а с западной, со стороны противника. Для этого надо было отплыть в тыл противника на расстояние 500–600 метров и потом подняться к объекту против течения.

Противник встретил разведгруппу огнем. Тогда Семенов, прикрывшись огнем ручного пулемета и двух автоматов, с остальными бойцами сделал обход и, подобравшись совсем близко, гранатами забросал окоп и блиндаж фашистов. В результате нападения 15 гитлеровцев было убито и один взят в плен. Из группы Семенова четверо были ранены.

С 9 по 12 апреля части 52-й дивизии сдавали рубеж обороны подразделениям 75-й гвардейской и 311-й стрелковым дивизиям 2-го Белорусского фронта, после чего совершили марш в район сосредоточения — Ной-мюль и лес северо-восточнее. 12–14 апреля дивизия принимала оборону от 89-й гвардейской дивизии 5-й ударной армии. Один из полков (151-й) занял оборону на западном берегу Одера, юго-восточнее Кинитц — севернее Зиводсвизе. Не успев занять оборону, дивизия приступила к

разведке боем в направлении Рефельд.

Последней крупной водной преградой на пути к Берлину был Одер, на левом (западном) берегу которого уже имелся плацдарм 3-й ударной армии. Поэтому созданию и укреплению оборонительных позиций на западное берегу Одера гитлеровцы придавали исключительное значение. Однако даже многие гитлеровские генералы уже не надеялись, что это их спасет. А массированные удары наших войск еще более снижали моральное состояние фашистских войск.

Поэтому не случайно в апреле Гитлер лично посетил некоторые штабы соединений, обороняющихся на западном берегу Одера[62].

После своей поездки Гитлер приказал на участке обороны в районе города Кюстрин выдвинуть 11-й танковый корпус СС и 309-ю пехотную дивизию «Берлин». Эта дивизия была укомплектована из особо отличившихся в боях с советскими войсками в 1941–1944 годах и получивших большой боевой опыт. Вот против этой дивизии и пришлось нашим гвардейцам вести бои на Одере. О том, как проходили эти бои, командир 309-й пехотной дивизии «Берлин» полковник фон Хайнике в донесении от 15 апреля 1945 года писал:

«…Войска дивизии предприняли решительные меры для отбрасывания русских войск за реку Одер. Но, встретив удивительно упорное сопротивление и активность противника, не достигли цели, потеряли свыше трех тысяч убитыми, приостановили атаки и перешли к обороне…

Особенно пострадали полки дивизии: «Великая Германия», 652-й и 653-й…

В бою пропали без вести командир полка майор Пуфф, командиры батальонов майор Бомайер и капитан Вайс и 89 командиров рот и взводов.

Образец преданности фюреру и верховному командующему показали в бою капитаны Хилемарк, Шнель и Распар. Будучи ранеными, они управляли боем батальонов и не отступили, пока солдаты не вынесли их с поля боя, не оставив в плену…

Дивизия получила две тысячи унтер-офицеров из берлинской школы и три тысячи солдат из Дании, но они не имеют опыта боев на Восточном фронте, так как все время воевали в Европе и атак русских не выдерживают…»[63]

И все же полковник в своем донесении явно скромничал: «не достигли цели и перешли к обороне», дескать, потому, что унтер-офицеры из берлинской школы и солдаты из Дании «не имеют опыта боев на Восточном фронте и… атак русских не выдерживают». Но на следующий день «атак русских» на Одере не

выдержали и остальные одиннадцать тысяч солдат личного состава его дивизии, особо отличившиеся в боях против Красной Армии в 1941–1944 годах.

Гитлеровское командование прекрасно понимало, чем грозит захват русскими войсками плацдарма на западном берегу Одера. Боясь роковых последствий, оно делало все от них зависящее для усиления группировки войск. Общую численность войск для обороны Берлина они довели до миллиона человек. На их вооружении было 10 тысяч орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов. К началу апреля на подступах к Берлину противник создал три оборонительные полосы. Первая — глубиною 5—10 километров, проходившая по левому берегу Одера и Нейссе, имела две-три позиции с большим количеством дотов и дзотов. Подходы к переднему краю прикрывались проволочными заграждениями и минными полями. Вторая полоса глубиной 1–5 километров проходила в 10–20 километрах за первой и состояла из одной-двух траншей. И третья полоса была подготовлена в 10–20 километрах от второй. Все города, деревни и даже отдельные каменные строения на всем пути были превращены в мощные пункты обороны и сильные узлы сопротивления. Общая глубина оборонительной системы достигала сорока километров. К этому надо добавить, что на этом пространстве протекало несколько рек, местность изобиловала каналами, подступы к которым прикрывались минными полями и артогнем. Все это, естественно, сильно затрудняло наше наступление. Наконец, непосредственно вокруг Берлина и в самом городе были построены три оборонительных обвода. В Берлине имелось более 400 бетонных долговременных сооружений, в наиболее крупных бункерах насчитывалось до шести подземных этажей[64].

Вскоре от командира 12-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта А. Ф. Казанкина мне стало известно, что корпус, в том числе и 52-я гвардейская дивизия, будет наступать на Берлин. С замыслом этой крупной операции нас, командиров дивизий, ознакомили в общих чертах на рекогносцировке.

Главный удар по Берлину наносил 1-й Белорусский фронт силами четырех общевойсковых (в том числе и нашей 3-й ударной) и двух танковых армий с Кюстринского плацдарма. По решению Ставки для участия в Берлинской операции привлекались также войска 1-го Украинского фронта. Все три фронта в своем составе имели около 2,5 миллиона человек, 41600 орудий и минометов, 6250 танков и самоходных орудий, 7500 боевых самолетов. Наше превосходство над противником в живой силе и технике было значительным. Более 250 стволов

артиллерии и минометов приходилось на 1 километр фронта. Пожалуй, никогда, ни в одной операции мы не имели столько техники, боеприпасов, горючего, как теперь, перед штурмом вражеской столицы.

В подготовительный период особенно большая работа была проведена артиллеристами по организации системы огня и инженерно-саперными войсками, которые готовили мосты и пути прохода в заградительно-минных полях.

С целью тактической внезапности по решению командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Г К. Жукова наступление намечалось начать ночью.

Итак, приближался час окончательной расплаты. Об этом часе наш советский солдат, а с ним и весь советский народ, мечтал и готовился к нему почти четыре года.

— Долго мы ждали часа, когда пойдем на штурм Берлина, — сказала на митинге медсестра санроты 151-го гвардейского стрелкового полка старшина Полина Ивановна Козырева. — И дождались. Задушим озверевшего врага, расквитаемся с ним сполна. Бейте, бойцы, врага смелее! Мы с подругой Ниной Скидан каждую минуту будем рядом с вами и, если понадобится, придем вам на помощь.

— Правильно сказала Козырева: смерть фашистским извергам, — поддержал командир 5-й роты 155-го гвардейского полка капитан Крошкин. — Клянемся, что боевую задачу выполним с честью.

— Все снаряды, созданные руками женщин и подростков, руками наших матерей, сестер и младших братьев, выпущу только в цель, буду точно разить врага, — заверил старший сержант 124-го гвардейского артполка Алексей Васильевич Романов.

С таким боевым настроением солдат становится вдвойне сильнее, всегда побеждает.

Глава девятая. И настал победный час!

С 1944 года наши войска вели уже сражения на территории Польши, Австрии, Чехословакии, Румынии, фашистской Германии. К осени государственная граница Советского Союза была восстановлена почти на всем протяжении от Баренцева моря до Черного. Над порабощенными народами Западной Европы занялась заря освобождения.

С каждым днем советские полки приближались к гитлеровской столице — Берлину. С его падением связывалась завершение войны в Европе.

Теперь уже многие немцы не верили, что можно отстоять Берлин и привести гитлеровскую авантюру к благоприятному исходу. Но фашистское командование вопреки здравому смыслу считало, что еще не все потеряно, надеялось на сепараторный мир с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

30 января 1945 года Гитлер в одной из самых истерических своих речей вопил о том, что над селами, деревнями и городами на Востоке навис «страшный рок», и грозил самыми ужасными карами тем из своих подданных, кто прекратит сопротивление войскам Красной Армии.

В этой же речи он пугал советской угрозой и западные державы, подталкивая их к разрыву с Советским Союзом:

— Я повторяю свое пророчество: Англия не сможет укротить большевизм и сама станет жертвой этой разлагающей болезни. Демократия не сможет избавиться от духов, вызванных ею из азиатских степей.

Стремясь оттянуть страшный конец, гитлеровцы стягивали к Берлину отборные эсэсовские дивизии, с запада перебрасывали сюда части и соединения. Лихорадочно возводились оборонительные сооружения. Вся местность между Одером и Берлином представляла собой сильно укрепленные рубежи. Главная оборонительная полоса имела пять непрерывных траншей. Были использованы естественные препятствия: озера, реки, каналы, овраги. Все населенные пункты и отдельные дома враг приспособил к долговременной круговой обороне. На непосредственных подступах к городу гитлеровцы создали три рубежа обороны: внешнюю заградительную зону, внешний и внутренний оборонительные обводы.

Перед решающим наступлением, которое готовилось несколько месяцев, в наших частях и подразделениях

обсуждалось обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта, подписанное командующим фронтом Г. К. Жуковым и членом Военного совета генерал-лейтенантом К. Ф. Телегиным.

«Боевые друзья! — говорилось в обращении. — Товарищ Сталин от имени Родины и всего советского народа приказал войскам нашего фронта разбить противника на ближних подступах к Берлину, захватить столицу фашистской Германии — Берлин и водрузить над ней Знамя Победы. Кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него…»

Выполнить эту почетную боевую задачу было нелегко. По оценке разведки, фронту только в первой линии противостояло более полумиллиона гитлеровцев. Враг имел большое количество танков, орудий, самолетов.

14 апреля командир 12-го стрелкового корпуса поставил перед дивизиями задачу вести разведку боем силою до батальона.

Наш левый сосед — 94-я гвардейская дивизия, которая вела разведку в направлении Амт, Воллуп и Цехин, уже к 22 часам 14 апреля сбила обороняющегося противника и вышла севернее Цехина. Однако правый сосед — 33-я дивизия, — кроме выявления огневой системы врага, успеха не имел.

52-я дивизия активные действия начала в 14 часов усиленной стрелковой ротой 1-го батальона 155-го полка. Было решено: используя наметившийся успех действующей роты, прорвать оборону противника силою батальона на двухсотметровом участке западнее Зофиенталь и во взаимодействии со 2-м батальоном этого же полка и левым соседом окружить и уничтожить врага в районе Зофиенталь и Рефельд.

В 2 часа 30 минут 15 апреля 1-й батальон капитана А. С. Назаренко был полностью введен в бой. Используя всю мощь своего огня, он к 4 часам овладел первой вражеской траншеей, преодолел канал более 4 метров шириной, заполненный водой, вышел к Рефельду и после короткого огневого артиллерийского налета к 6 часам овладел станцией. 2-й батальон капитана Н. Г. Лискунова, пользуясь успехом левого соседа, совершил обходной маневр в направлении станции с юго-востока. В 10 часов 15 апреля ударом с тыла он сбил противника с железной дороги южнее станции и соединился с 1-м батальоном, действовавшим с севера.

Таким образом, поставленная перед 52-й дивизией на 15 апреля задача по захвату опорных пунктов Зофиенталь и Рефельд и ликвидации выступа немецкой обороны была выполнена успешно, за что дивизия была отмечена Военным советом 3-й ударной армии.

В бою были взяты контрольно-пленные. Они оказались из

652-го полка 309-й пехотной дивизии «Берлин», той самой дивизии, которая состояла из отборных эсэсовцев.

Исключительно смело и решительно действовали личный состав 5-й стрелковой роты капитана Крошкина и рота 120-миллиметровых минометов капитана С. А. Усенко. В подавлении орудий и танков, в уничтожении живой силы противника отличились истребитель-наводчик противотанковой батареи полка К. П. Тюхтеев, помощник командира взвода 4-й стрелковой роты старший сержант И. В. Пашков и другие гвардейцы.

Используя успех 155-го полка, к активным действиям в 10 часов перешел и 2-й батальон майора В. Н. Малютина 151-го стрелкового полка. Двигаясь на удалении 1,5 километра за 1-м батальоном 155-го полка и по его маршруту, он в районе Фрейгута обогнал его боевые порядки и, тесня противника, к 14 часам 30 минутам достиг изгиба шоссе у южных канав, что в 1 километре восточнее города Лечин. Там он был остановлен огнем артиллерии, минометов, зенитных установок.

Батальон в этом бою все же добился значительных успехов. Многие здесь отличились. Бойцы батареи старшего лейтенанта Носова уничтожили два противотанковых орудия, пулеметчики роты старшего лейтенанта А. Е. Косьяненко — до двух взводов пехоты, рядовой Корчагин из автомата — семь фашистов. Санитарка санроты Шура Пятница вынесла 12 раненых. Но особо хотелось бы отметить мужество и смелость таджика рядового Гани Вахидова (ныне проживает в городе Душанбе). Он один уничтожил более десятка фашистов. Раненный, он не покинул поля боя, подавил вражеское пулеметное гнездо. Вахидов был удостоен ордена Красного Знамени. Это была его вторая высокая награда: орден Славы 3-й степени он получил в сентябре 1944 года.

2-й батальон этого же полка, двигаясь во втором эшелоне, к 16 часам был выдвинут на рубеж 700 метров севернее сахарного завода для обеспечения левого фланга дивизии.

Левый сосед — 94-я гвардейская стрелковая дивизия, — ведя тяжелые бои, почти не продвинулась и на 16 часов находилась в районе ручья Кольтенлох-Грабен. Сосед справа — 33-я дивизия — в это время находилась на уровне 1-го батальона 151-го полка.

153-й стрелковый полк до 10 час. 30 мин., занимая прежний район обороны, находился в третьем эшелоне дивизии, потом вышел на рубеж, прежде занимаемый 151-м полком: дамба в 1,5 километра севернее Зофиенталь — Зидовсвизе.

Боевые действия 155-го и 151-го полков сопровождала огнем артиллерия.

Дивизионные саперы частью 61-го гвардейского отдельного

саперного батальона несли службу на переправе через Одер, остальными силами проделывали проходы в своих и вражеских минных полях.

По показаниям пленных было установлено, что перед фронтом дивизии оборонялся двухбатальонного состава полк «Великая Германия» дивизии «Берлин». Батальоны, в свою очередь, были пятиротного состава, из них одна — тяжелого оружия.

От ранее обороняемых рубежей и до города Лечин противник имел развитую сеть траншей и отсечных позиций полного профиля. Моральное состояние немецких солдат было невысоким. Они знали о подготовке русских к большому наступлению и очень боялись нашей артиллерии, удара танков и авиации.

В течение 15 апреля фашисты потеряли убитыми и ранеными 130 солдат и офицеров. 15 солдат было нами взято в плен, уничтожено 38 винтовок и автоматов, 10 пулеметов, 5 пушек и минометов, сбито 2 самолета, захвачены значительные трофеи.

16 апреля 1945 года. Рано, в 5 часов по московскому, грохот артиллерийской канонады потряс окрестности Кюстрина. Началась великая Берлинская операция, которую осуществляли войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. За две минуты до окончания артподготовки только в полосе нашей 3-й ударной армии были включены 20 прожекторов большой мощности, при ярком свете которых пехота и танки перешли в атаку. Впечатляющее это было зрелище! Ослепляя врага и выхватывая из темноты объекты атаки, прожекторы способствовали точным и решительным действиям наших танков и пехоты.

Земля содрогалась от залпа нескольких тысяч орудий и минометов. Небывалый шквал огня обрушился на позиции врага. С рассветом над полем боя появились наши штурмовики и бомбардировщики.

Как потом стало известно, артиллеристы фронта только 16 апреля произвели 1 миллион 236 тысяч выстрелов. Это 2450 вагонов снарядов, или почти 98 тысяч тонн металла.

Ничто не могло остановить нашего наступательного порыва. Все подразделения действовали решительно и стремительно. 52-я гвардейская дивизия должна была двигаться за 33-й стрелковой дивизией генерал-майора В. И. Смирнова. К 6 часам 16 апреля 33-я дивизия активным натиском потеснила противника и вышла северо-восточнее города Лечин, но здесь, встретив сильное огневое сопротивление врага, дальнейшего успеха не имела. Почти на прежних рубежах, ведя тяжелый бой, осталась и 94-я

гвардейская стрелковая дивизия, действия которой противник также сковал мощным огнем. Это еще более усугубляло положение 33-й дивизии, так как ее левый фланг оказался открытым. Но в то же время 23-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора П. М. Шифаренко, действуя в западном направлении севернее Лечин, вырвалась несколько вперед. Успех соседа справа и решил использовать командир 33-й дивизии. Но время торопило. И поэтому в силу таких сложившихся обстоятельств командир корпуса генерал-лейтенант А. Ф. Казанкин ввел в бой 52-ю дивизию. Решение было такое: используя наметившийся успех 23-й дивизии, 151-м стрелковым полком полковника И. Ф. Юдича во взаимодействии с подразделениями 33-й стрелковой дивизии ударом с юго-запада и северо-востока овладеть городом.

151-й стрелковый полк с дивизионом 124-го артполка, батареей 76-миллиметровых самоходных установок 1129-го самоходного артполка и ротой 61-го отдельного саперного батальона после двадцатиминутной артподготовки в 8 часов с боем достиг восточной окраины города, но огнем противника с юго-запада и юга был остановлен. Командир полка И. Ф. Юдич доразведал оборону и огневые точки гитлеровцев, увязал действия 3-го батальона с соседом справа и после массированного артналета в 10 часов возобновил наступление. Вскоре 3-й батальон при поддержке артиллерийско-минометного огня овладел домами северо-восточной окраины. В это время 1-й батальон майора Василия Малютина, прикрывшись с юга огнем 4-й стрелковой роты капитана И. М. Щербины и взвода полковой батареи, основными силами в сопровождении батарея СУ-76 мм и батареи 124-го артполка капитана Жилинского атаковал врага с юго-запада. В результате целеустремленных слаженных действий подразделения 52-й гвардейской с 33-й стрелковой дивизией, разбив ослабленные части 309-й пехотной дивизии «Берлин», к 15 часам овладели Лечимом. В этом бою особо отличились артиллеристы 124-го гвардейского артполка. Подполковник Н. И. Бигоненко быстро оценивал складывающуюся обстановку и принимал меры для успешного отражения контратакующей пехоты и танков противника.

В боях за Лечин дивизия уничтожила до 300 фашистов, 10 взяли в плен, захватили большие трофеи, в том числе 12 орудий разных калибров, 18 минометов, 47 пулеметов, 175 винтовок, 80 автоматов, 2 бронетранспортера, 12 автомашин и 4 склада с продовольствием и медикаментами.

К 21 часу 16 апреля подразделения дивизии вышли западнее Лечила. Как докладывал начальник штаба полка майор К. Г.

Губернаторов, 151-й полк, преодолев реку Хаупт-Грабен и оседлав железную дорогу, — на рубеж Фресиске фронтом на юго-запад; 153-й полк, перевалив шоссейные дороги, — фронтом на юг и юго-запад (полк прикрывал правый фланг дивизии); и 155-й гвардейский полк, также перерезав шоссейную дорогу, занял рубеж фронтом на северо-запад.

Для развития успеха и наращивания темпов наступления вводятся танковые части. В полосе наступления нашей дивизии действовала 108-я танковая бригада 2-й гвардейской танковой армии. Танкисты начали наступление в 16 часов 30 минут 16 апреля. Их задача была: обогнать пехоту и нанести удар в общем направлении в обход Берлина с севера. Однако к вечеру танкисты встретили сильное сопротивление противника и вынуждены были остановиться. 17 апреля на рассвете началось совместное наступление наших передовых частей пехоты и танков.

К утру 17 апреля 23-я и 33-я дивизии 12-го гвардейского стрелкового корпуса сбили противника с занимаемых позиций и в упорных боях овладели крупными населенными пунктами Груббе, Нейфридланд, Нейфельт, выйдя на восточный берег канала Фридландерштром, преодолеть который удалось лишь в 19 часов только с подходом артиллерии крупного калибра. А ко второй половине ночи был взят и опорный пункт Готтесгабе. Противник оборонялся яростно, непрерывно подбрасывая резервы и с ходу вводя их в бой.

52-я дивизия с утра 18 апреля выслала усиленный передовой отряд в составе 3-го батальона капитана И. Т. Обушенко с полковой батареей, минометной ротой, дивизионом 124-го артиллерийского полка и саперной ротой. Отряд, возглавляемый командиром 153-го полка подполковником С. П. Зубовым, имел задачу захватить переправы в районе Кепеля и восточнее и не дать фашистам возможности взорвать их. Отряд выступил в направлении Кваппендорфер, вскоре наткнулся на усиленную оборону вражеской роты, которую сбил с ходу, но овладеть населенным пунктом не смог. Зубову было приказано действовать обходом с северо-востока, в результате чего передовой отряд к 13 часам вышел в район северо-западнее населенного пункта Нейфельд и завязал сильный бой, который длился до 19 часов. Наконец сопротивление врага было сломлено, отряд достиг переправы, но она уже была взорвана.

Необходимо было захватить переправы восточнее. Командир 1-го батальона капитан И. Я. Тоткайло под прикрытием артиллерийско-минометного огня переправил 3-ю стрелковую роту старшего лейтенанта И. К. Левыкина вплавь, а затем переправились остальные. Стремительным рывком удалось

захватить две переправы восточнее Нейфельд.

С подходом батальона капитана И. Т. Обушенко и остальных подразделений полк Зубова занял оборону— справа Готтесгабен — Кепель, слева — Нейфридланд, тем самым он обеспечил проход главных сил и составил третий эшелон дивизии.

18 апреля наступление продолжалось. В течение последующих трех дней войска 12-го гвардейского корпуса 3-й ударной армии в упорных боях овладели городами Бацлов, Грумов, Предиков, Блюмберг, Ной-Линденберг и рядом других крупных населенных пунктов, представлявших мощные опорные пункты вражеской обороны.

Бои проходили упорные и непрерывные. К Бацлаву, где противник занимал оборону на господствующих высотах, а все дороги плотно прикрывал минными полями, которые находились под артиллерийским и пулеметным огнем, войска 3-й ударной армии подошли своим левым флангом — 12-м гвардейским стрелковым корпусом. Атака этого сильного опорного вражеского пункта днем 18 апреля положительных результатов не дала. Тогда командир корпуса принял решение атаковать опорный пункт ночью. Наступление предполагалось начать всеми силами корпуса после 30-минутной артиллерийской подготовки. Главный удар наносился двумя дивизиями по наиболее слабому месту в обороне противника — севернее Бацлова. Еще одна дивизия частью сил должна была обойти опорный пункт с юга, а другой частью — атаковать его с фронта.

Но первые попытки 23-й гвардейской стрелковой дивизии овладеть шоссейной дорогой северо-западнее Бацлова, а 33-й — с ходу лобовой атакой занять опорный пункт успеха не имели. Положительных результатов не дала также и атака после сильного артналета. И тогда, чтобы овладеть Бацловом и высотами севернее его, в бой из второго эшелона корпуса вводится 52-я гвардейская стрелковая дивизия, перед которой была поставлена задача наступать из-за правого фланга корпуса севернее Бацлова. Но когда командиры частей произвели рекогносцировку, а подразделения дивизии, закончив подготовку, выходили к рубежу наступления, я получил приказ командира корпуса наносить удар не из-за правого, а из-за левого фланга 23-й дивизии. Для этого дивизии надо было сделать рокировку влево, что было не так просто в той сложной обстановке, и произвести всю работу по подготовке наступления сначала. К тому же этот маневр займет много времени, не менее восьми — десяти часов, и, возможно, будет стоить потерь и физических сил личного состава. А экономия времени и умелое, бережливое расходование сил, солдатского запаса энергии — это своего рода

оружие. Я предложил оставить в силе первое решение, однако предложение принято не было.

Выполнив маневр и накоротке увязав вопросы взаимодействия, 52-я дивизия после 30-минутной артподготовки в 23 часа при поддержке танков и самоходно-артиллерийских установок перешла в атаку. Бой, носивший ожесточенный характер, продолжался до 4 часов 19 апреля. И только к утру частям 52-й, 23-й и 33-й дивизий удалось окончательно сломить сопротивление противника. В 5 часов Бацлов был взят. Но в отдельных местах гитлеровцы все еще отчаянно сопротивлялись. Весь день усердствовала вражеская авиация.

151-й полк с двумя батареями самоходных установок 1-м и 3-м дивизионами 124-го гвардейского артполка, 106-м минометным полком, ротой саперов 61-го гвардейского отдельного саперного батальона после боев в Бацлове, преодолевая яростное сопротивление фашистов, продвигался на запад и к 7 часам во взаимодействии с 23-й гвардейской стрелковой дивизией овладел населенным пунктом Рейхенов, а к 13 часам вышел на рубеж в 1–2 километрах северо-восточнее Предиков, сильным огнем штурмовых орудий был остановлен.

155-й полк с батареей самоходных установок 2-м дивизионом 124-го артполка, 124ˆм минометным полком, взводом саперов 61-го саперного батальона, ломая сопротивление арьергардов врага, к 13 часам вышел на рубеж юго-восточнее Предиков, где, наткнувшись на противопехотные и противотанковые минные поля, прикрываемые артиллерийским и пулеметным огнем врага, также был задержан.

До 18 часов в полках велись организация взаимодействия частей и подразделений, доразведка врага, саперы готовили проходы в минных полях.

После всей этой подготовительной работы и 10-минутного артиллерийско-минометного налета 155-й полк возобновил атаку Предиков с юга, а 151-й — с северо-востока. После часового натиска населенный пункт был очищен от врага.

Ломая упорство и преодолевая сопротивление врага, полки первого эшелона дивизии к 8 часам 20 апреля вышли: 151-й полк — на западную опушку леса Вилькендорфер, а 155-й полк — на южную опушку этого же леса, где был встречен артиллерийско-минометным, ружейно-пулеметным огнем и огнем штурмовых орудий и танков с места и не смог продвинуться дальше. Не увенчались успехом и следующие две попытки. В это время 5-я стрелковая рота капитана Крошкина на правом фланге 155-го полка, отбросив прикрытие противника, уверенно продвигалась вперед. Используя этот успех, 155-й полк делает обходной маневр

вправо и, сбивая вражеские группы прикрытия, выдвинувшиеся после прохода 151-го полка, к 10 часам 20 апреля вышел в район севернее Вилькендорф — озеро Херрен.

В это время 153-й полк преследовал противника в направлении населенного пункта Вилькендорф. Передовой отряд в составе 1-го батальона капитана И. Т. Обушенко, батареей СУ-76 и батареей противотанкового дивизиона на автомашинах ЗИС-5, двигаясь по лесным дорогам и просекам, в 6 часов 20 апреля неожиданно для противника ворвался в Вилькендорф и овладел им. Однако враг, опомнившись, открыл сильный огонь из замка и с восточной опушки леса. Отряд вынужден был занять оборону. С подходом главных сил полка к 8 часам гвардейцы сбили противника с занимаемых позиций. Но враг, отступив дальше в лес на заранее подготовленный рубеж и используя межозерное дефиле, оказал ожесточенное сопротивление. Однако гвардейцы и тут не растерялись: просочившись отдельными группами автоматчиков в тыл врага, они внезапностью своего появления создали панику. Фашисты, попав в ловушку, бросая позиции и оружие, бежали в западном направлении. Выбив врага из леса и преследуя его, 153-й полк к 10 час. 30 мин. 20 апреля овладел населенным пунктом Гильсдорф. Леса Вилькендорф в основном были очищены. Ввиду сложности ведения боя в большом массиве Вилькендорфского леса 20 апреля нам дважды с оперативной группой пришлось выходить в боевые порядки и лично уточнять задачи командирам частей и подразделений на местности. Даже сейчас, спустя 30 лет, отрадно вспомнить, как смело и решительно действовал передовой отряд под командованием подполковника С. П. Зубова. Грамотно и смело действовал капитан Обушенко.

Леса Вилькендорф — в большинстве сосновые боры. Это так называемые королевские леса. Почти двести лет назад этими же лесами шли на Берлин русские войска. Уже тогда здесь утверждалась слава русского оружия.

…Недалеко от Одера на восток стоит небольшая немецкая деревенька Кунерсдорф. Фридрих Великий собирался разбить русские войска на полях у этой деревеньки. Но русские армии наголову разгромили отборные войска Фридриха, а сам Фридрих чуть не попал в плен. Русские войска двинулись на Берлин.

Теперь деревня Кунерсдорф стояла опаленная боем, разрушенная. Ныне, через двести лет, здесь снова побеждало русское оружие, хотя немцы и превращали в неприступные крепости и валы все населенные пункты, озера, реки, речушки с заболоченными берегами, каналы и овраги, надеясь, что русские армии будут остановлены и разбиты.

Стремясь преодолеть физическую и моральную подавленность войск, развивающуюся по мере роста неудач на фронте, Гитлер подписывает бодрые воззвания, отдает приказы, строит планы, явно не соответствующие реальности.

В одном из обращений к солдатам фюрер вещал: «Если каждый из вас выполнит свой долг на Восточном фронте, последний штурм азиатов будет сорван… Оплачивайте свои ряды не для защиты меня, а для защиты ваших детей и жен и, тем самым, своей судьбы. В эти часы на вас смотрит весь мир… Только благодаря вашему мужеству, смелости, упорству и фанатизму большевистское нашествие мы можем затопить в крови!»

На Восточный фронт были переброшены все стратегические резервы гитлеровской ставки. Шоссейные дороги и автострады были заминированы, все поля и луга от Одера, называемого городскими воротами Берлина, вплоть до самого Берлина, изрыты траншеями, защищены дотами и дзотами. Словом, на защиту своего логова Гитлер бросил все и вся. Не помогло и это. Советские войска уверенно двигались на запад. Когда войска наших союзников по антигитлеровской коалиции, переправившись через реку Рейн, устремили острие удара также на Берлин, казалось бы, гитлеровское командование должно было перебросить часть своих сил на Западный фронт. Но этого не случилось даже в этой ситуации, а наоборот, укреплялся Восточный фронт. И не удивительно: гитлеровцы вели закулисные переговоры, надеясь на сепаратный мир.

Берлин по соглашению на конференции союзников в Крыму входил в зону действия советских войск. Несмотря на это, на него нацеливались англичане и американцы. В письме к английскому фельдмаршалу Монтгомери главнокомандующий всеми союзными войсками в Европе американский генерал Эйзенхауэр писал: «Ясно, что Берлин является главной целью. По-моему, тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызывает сомнений…»

Захват Берлина некоторые американские и английские деятели рассматривали с точки зрения политических целей.

Но последующие события, в частности мощные раскаты советских пушек за Одером 16 апреля, заставили наших западных союзников отказаться от своих планов взятия Берлина.

Нет, не мог советский солдат допустить того, чтобы кто-то за его спиной пожинал плоды победы, которая доставалась такой дорогой ценой. Советский солдат рвался к Берлину, он жил с мечтой первым войти в него и там закончить последнее сражение.

Теперь каждый день, каждый час приносил нам успех. И как

бы ни было трудно, какой бы жестокий бой с врагом мы ни вели, но шаг за шагом продвигались вперед, на запад.

Чтобы еще более ускорить успешное продвижение войск 3-й ударной армии, командующий фронтом в полосе действия 12-го гвардейского стрелкового корпуса 19 апреля ввел в действие 9-й гвардейский танковый корпус 2-й гвардейской танковой армии, который эффективно помог в наступлении 52-й дивизии. 61-й отдельный саперный батальон и приданный 15-й инженерно-саперный батальон многое сделали, чтобы проложить путь танкам и пехоте.

Значительное продвижение подразделений дивизии было обеспечено благодаря смелым и решительным действиям передового отряда под командованием подполковника С П. Зубова, в частности 1-го батальона капитана И. Я. Тоткайло, 124-го артиллерийского полка подполковника Никифора Ильича Бигоненко, который оперативно руководил своим полком, всегда находился там, где гвардейцы его полка решали основную задачу. В боях отличились батарея лейтенанта Сенько, которая своим метким огнем подавила вражескую минометную батарею и подбила штурмовое орудие, батарея капитана Николая Ивановича Евтухова 151-го стрелкового полка, отразившая две контратаки и уничтожившая танк и противотанковое орудие.

Немало образцов отваги и мужества показали воины стрелковых подразделений. Вот один из примеров. Расчет станкового пулемета 1-й пулеметной роты младшего сержанта Ивана Антоновича Савельева при совершении 155-м стрелковым полком обходного маневра на маршрут 151-го стрелкового полка прикрывал его левый фланг. Отражая атаки противника, расчет уничтожил больше взвода вражеской пехоты. А снайпер младший сержант А. П. Федюхин вывел из строя трех фашистских офицеров.

Чтобы удержать последнюю полосу обороны перед Берлином, гитлеровское командование бросало в бой все, что только могло. Пленные, которых было взято более двухсот человек, принадлежали 11-й моторизованной дивизии СС и бригаде истребителей танков. Гитлеровские части были усилены бригадой штурмовых орудий, тяжелой артиллерией, зенитными подразделениями, используемыми для стрельбы по наземным целям.

Что из себя представляла бригада истребителей танков? Она состояла из четырех батальонов, сформированных из 16—17-летних юношей, призванных по тотальной мобилизации. Вооружены они были фаустпатронами — ручными противотанковыми гранатами. Этот вид оружия ближнего боя

фашисты особенно активно применяли в Вилькендорфском лесу и в населенных пунктах.

Значительную активность стала проявлять и вражеская авиация, которая наносила бомбовые удары по нашим боевым порядкам и тылам, однако полное превосходство в воздухе имела наша авиация.

С начала Берлинского наступления условия боевых действий непрерывно менялись, приходилось перестраиваться на ходу, менять тактику. Если в первые два дня — 16–17 апреля — наши усилия были направлены на преодоление укрепленной обороны в условиях труднопроходимой приодерской поймы, а затем бои развернулись на проселочной местности за овладение опорных пунктов и господствующих высот, то теперь перед частями дивизии на подступах к Берлину с северо-востока сплошной стеной стоял лес Вилькендорф. Все просеки и дороги, идущие через лес, имели завалы и заминированные участки, которые прикрывались противотанковыми и зенитными орудиями для стрельбы прямой наводкой и многочисленными группами «фаустников». Поэтому бои в лесу принимали самый ожесточенный характер, продвижение наших войск вперед было чрезвычайно затруднено. Саперам с группами разграждения приходилось усиленно вести саперную разведку, подрывать и растаскивать заграждения, устанавливать обходные пути. Хорошо организована была разведка и в 56-й отдельной разведроте капитана Н. А. Короля. Разведчики проникали в тыл вражеских засад, уничтожали мелкие группы и расчеты «фаустников», отдельные машины и повозки, нарушали линии связи, захватывали пленных.

Гитлеровцы вынуждены были принимать срочные меры, чтобы обезопасить свои тылы и связь, однако под давлением наших войск их разбитые части отходили, на ходу организовываясь в сводные отряды. Покинув лес, они закреплялись на внешнем оборонительном обводе. С вводом в действие свежего полка «Данемарк», до трех батальонов фольксштурма, поддержанных артиллерийско-минометным огнем и танками, противнику удалось задержать наступление 23-й и 52-й стрелковых дивизий. Однако, уточнив обстановку, подтянув тылы, наладив взаимодействие с танками и подразделениями 23-й стрелковой дивизии, части 52-й дивизии после массированного 10-минутного артиллерийско-минометного налета, поддержанные танками и огнем артиллерии последовательного сосредоточения, перешли в решительное наступление.

Прорвав оборону противника и преследуя его, гвардейцы 52-й дивизии с частями 108-й гвардейской танковой бригады с боями

прошли 27 километров и к 23 часам 20 апреля достигли рубежей: 151-й полк — Вильгельминенхов, 155-й — берегов озера Хаусзее, 153-й полк вышел во второй эшелон дивизии.

Необходимо сказать, что на левом фланге корпуса из-за отставания 94-й гвардейской стрелковой дивизии — нашего левого соседа — создалась напряженная обстановка. Опираясь на укрепленный район Штраусберг, противник мог нанести удар в северо-восточном направлении и выйти в тылы 12-го корпуса. Поэтому 33-я стрелковая дивизия, находившаяся во втором эшелоне корпуса, держалась ближе к левому флангу. Мне также пришлось 153-й полк Зубова держать во втором эшелоне дивизии за 155-м полком Козарева, свой резерв и подвижной отряд заграждения — ближе к левому флангу дивизии.

На следующий день, 21 апреля 1945 года, 12-й корпус получил задачу: к 4 часам захватить Линденберг, Кларахе и выслать в Берлин сильные передовые отряды[65]. В час ночи командующий 3-й ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов через штаб корпуса поставил перед 52-й дивизией задачу прорвать оборону противника, наступать в направлении Линденберг, пригорода Берлина Вейсензее и к 4 часам 21 апреля захватить узел дорог автострады Блюмберг — Берлин.

Обстановка к этому времени была такая: правый сосед — 23-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора П. М. Шафаренко, находясь на уровне 52-й дивизии, вела бой с сильным противником; левый сосед — 94-я стрелковая дивизия — по-прежнему отставала.

Взвесив все плюсы и минусы, я принял решение поставленную задачу выполнять силами 151-го и 153-го полков, имея во втором эшелоне 155-й полк. Чтобы сократить время доведения задачи, я выехал в 153-й полк, а начальник штаба Я. Д. Емельянов — в 151-й полк. Надо сказать, что в то трудное время, особенно при штурме Берлина, мы с Емельяновым хорошо узнали друг друга и в оценке событий, какой бы сложной ни была обстановка, у нас почти никогда не было расхождений. Яков Денисович умел быстро подхватывать решения командира и четко проводить их в жизнь.

Главный опорный пункт немцев Блюмберг решено было брать обходным путем: 151-й полк с частью сил активными действиями сковывает противника с северо-востока, а основными силами наносит удар с севера; 153-й полк частью сил, прикрывшись с юго-востока, главный удар наносит с юга, 155-й полк следует за левым флангом 153-го полка.

В два часа ночи после 20-минутной артиллерийско-минометной подготовки дивизия с приданными ей средствами

усиления начала наступление. 151-й полк прорвал оборону восточнее города, но, как сообщил начальник штаба Емельянов, сильным огнем противника был остановлен. Тогда было принято решение: частью сил полк прикрывается от Блюмберга-северного, а главными силами сковывает противника с востока и юго-востока и тем самым способствует выполнению задачи 153-го полка, который, не ввязываясь в бой за город, захватывает автостраду Блюмберг — Берлин, прочно удерживает узел дорог до подхода 155-го полка. С подходом полка Козареза последний одним батальоном содействует полку Юдича овладеть Блюмбергом.

К 6 часам полк Зубова свою задачу по захвату узла дорог успешно выполнил. Это был крупный успех. Вот что пишет в книге «Наступает ударная» бывший начальник оперативного отдела 3-й ударной армии ныне генерал-лейтенант Георгий Гаврилович Семенов:

«На рассвете 21 апреля гвардейцы 52-й дивизии генерал-майора Н. Д. Козина и бойцы 171-й стрелковой дивизии полковника А. И. Негоды первыми пересекли берлинскую кольцевую автостраду и устремились в пригороды Большого Берлина. Эта радостная весть быстро разнеслась по частям армии. 3-я ударная переступила порог фашистского логова!»[66]

К 7 часам в наших руках был Блюмберг-северный, а вскоре и Блюмберг-южный. Эти успехи еще более воодушевили гвардейцев. Город Блюмберг — узел дорог на подступах к самой немецкой столице. И овладение им имело большое оперативное значение: город занимал ключевое положение, потеря его противником влекла за собой неминуемый отход фашистов на внутренний городской обвод. Из показаний пленных было известно, что, стремясь удержать опорный пункт обороны Блюмберга, гитлеровцы стянули сюда основные силы и тем самым ослабили свои фланги. Тогда я принял решение ввести в бой второй эшелон дивизии — 155-й стрелковый полк Козареза, задачей которого было: развивая успех 153-го полка в направлении Вейсензее, овладеть пригородами Бланкенбург и Мальхов. Опрокидывая отдельные очаги сопротивления на высотах и опушках леса, 155-й полк к 7 часам вышел на рубеж Ной-Ланденберг — Аренсфельде. С юго-западной окраины Ной-Ланденберга противник предпринял контратаку, но, потеряв до роты пехоты и четыре танка, был отброшен. Этот успех был закреплен гвардейцами 151-го полка, которые, взаимодействуя с гвардейцами 23-й дивизии, в 11 часов окончательно овладели Ной-Ланденбергом.

В 12 часов 21 апреля 2-й дивизион майора А. Л. Дубицкого 124-го артполка с северо-восточной окраины Кларахе произвел

первый залп по рейхстагу.

Противник ослабил свои действия на левом фланге дивизии. Мы не замедлили этим воспользоваться: 153-й и 155-й полки решительной атакой прорвали вражескую оборону и, преследуя отходящего противника, к 14 часам захватили Вартенберг. Через полтора часа противник силою до пехотного батальона, ротой танков при поддержке артиллерии среднего калибра из района пригорода Мальхов предпринял контратаку. Но 153-й полк С. П. Зубова, прикрывшись с востока 7-й стрелковой ротой капитана Александра Петровича Ерошкина и взводом 3-й пулеметной роты лейтенанта Костина своими главными силами с севера-востока и во взаимодействии со 155-м полком Р. И. Козареза с юго-запада при поддержке артгрупп разбил противника. К 17 часам общими усилиями пригород Берлина — крупный населенный пункт Мальхов — был взят.

В этих боях 52-я дивизия нанесла врагу значительный урон: было убито и ранено до 250 солдат и офицеров, 188 солдат взято в плен, захвачены трофеи — 7 штурмовых орудий, 2 танка, 31 зенитное орудие, 9 пушек, 5 автомашин, 6 тракторов и другое военное имущество.

В боях особенно отличилось отделение противотанковых ружей сержанта Скоблинова. Лично сам командир подбил танк, уничтожил до десятка фашистов.

8 обеспечении успеха многое сделал саперный взвод лейтенанта Кирзунова. Блестяще выполнил свою задачу и штурмовой взвод сержанта Степанова. Этот взвод на юго-восточной окраине Мальхова уничтожил труднопоражаемые огнем артиллерии в каменном здании два пулемета, орудие и фауст-патрон. Над зданием был водружен красный флаг. Противник вновь пытался предпринять контратаку, однако гвардейцы стрелковой роты старшего лейтенанта А. М. Шингалова 155-го полка при поддержке батареи старшего лейтенанта В. В. Жилинского 124-го артполка успешно ее отразили. На этот раз отличилось стрелковое отделение младшего сержанта А. В. Титова. Поблагодарить гвардейцев за успешные боевые действия приезжал командир 12-го корпуса генерал-лейтенант А. Ф. Казанкин. К несчастью, на обратном пути он был тяжело ранен. 30 апреля 1945 года его заменил генерал-майор А. А. Филатов.

Во второй половине 21 апреля 151-й и 155-й полки со 108-й танковой бригадой и тяжелыми средствами усиления вели наступление с западной и юго-западной окраин Мальхова на пригород Вейсензее. В 17 часов прорвав сильно укрепленный рубеж обороны, проходивший по северной и северо-западной

окраинам Вейсензее, части дивизии в 20 часов 30 минут ворвались в Берлин и завязали ожесточенные уличные бои.

Вражеская столица была хорошо подготовлена к обороне. Каждый квартал, каждый дом, каждый этаж сражался. Стреляло каждое окно. Фашисты не сдавались. У них была большая возможность маневра, им были известны особенности каждой улицы — подземные ходы сообщения, подвалы, люки.

Вести бой в городе всегда трудно, а тем более в таком, как Берлин, в котором все прочные каменные дома были превращены в крепости с многоэтажными подземными бункерами и подвалами. Для уничтожения наших танков, орудий, автомашин и живой силы противник в большом количестве применял фауст-патроны — грозный вид оружия ближнего боя. Из него можно было стрелять из подвала, с чердака, из щели и блиндажа. Где танк не могла взять пушка, там фаустпатрон делал свое дело. Надо сказать, что и наши воины неплохо использовали трофейные фауст-патроны, умело их применяли в борьбе с вражеской боевой техникой и живой силой.

Переодевались гитлеровцы и в гражданское платье, они нападали на офицеров, бойцов, уничтожали обозы, автомашины, разрушали связь. Однако и эти террористические акты не могли спасти их. Наши войска в упорных уличных боях очищали дом за домом, квартал за кварталом. Бои не затихали ни днем ни ночью. Весь город был в огне, дыму и пыли, гари и копоти — просто дышать было нечем.

Эвакуация населения из Берлина была запрещена еще в начале 1945 года. Все мужчины от 16 до 60 лет были зачислены в отряды фольксштурма для защиты столицы вместе с войсками обороны. В состав фольксштурма входили и полицейские, которых в Берлине насчитывалось более 30 тысяч. Вокруг Берлина было возведено три оборонительных обвода — внешний, внутренний и городской. Многие кварталы фашисты оборудовали в батальонные узлы сопротивления. В городе имелось 400 железобетонных сооружений, четыре крупнейших крепости. Две крепости с шестью подземными этажами с железобетонными стенами толщиной 4–5 метров находились в парке Гумбольт Хаин, хорошо подготовленном в противотанковом и противоартиллерийском отношении. Крепости соединялись между собой подземным туннелем. На 30 апреля в них находились гарнизон в 5270 солдат и офицеров и 15 тысяч жителей, в основном семьи генеральского состава фашистской армии. Они были обеспечены продовольствием на шесть месяцев, автономным водопроводом, светом, пекарней.

С потерей окраин города противник лишился многих

складов, особенно продовольственных. Поэтому были установлены жесткие нормы снабжения населения: в неделю на одного человека выдавалось по 800 граммов хлеба, 800 — картофеля, 150 — мяса, 75 граммов жиров.

С 21 апреля полностью прекратилась работа на всех предприятиях, так как были израсходованы запасы угля, прекращена подача электроэнергии и газа. Не действовали водопровод и канализация. Остановились трамваи, троллейбусы, стало метро.

В городе началась паника. По словам пленных, «из числа руководителей бежали все, кто мог… Никакого порядка не было»[67]. Столицу покинули даже ближайшие подручные Гитлера — Геринг и Гиммлер.

22 апреля из тюрем были выпущены уголовники, которых привлекли к обороне города. Общая численность гарнизона к этому времени превышала 300 тысяч человек[68]. Гитлер объявил, что он остается в столице, чтобы оборонять ее до последнего человека.

Геббельс призывал солдат и жителей Берлина к стойкому сопротивлению, убеждая, что это принесет победу. Но фашистов уже ничто не могло спасти от неминуемого разгрома. Мощная лавина советских войск неудержимо двигалась к центру города — к рейхстагу и имперской канцелярии.

22 апреля 52-я гвардейская дивизия наступала в направлении Плетцензее и Сименштадта. Гитлеровцы, отступая в западном и юго-западном направлениях, оказывали упорное сопротивление: вели пулеметный и автоматный огонь с чердаков, из окон, подвалов, широко применяли фауст-патроны. На перекрестках дорог немцы устанавливали орудия на прямую наводку и баррикадировали улицы.

При наступлении в Берлине мы применяли тактику действий штурмовыми отрядами и группами (взвод, рота), усиленными артиллерией, танками, САУ, саперами, химиками и огнеметчиками, — вклинивались в расположение противника, расчленяли его оборону на куски. Изолируя кварталы и отдельные районы, мы затем овладевали ими. Боевой порядок штурмовых отрядов и групп эшелонировался в глубину с таким расчетом, чтобы действия пехоты поддерживались танками и самоходно-артиллерийскими установками, а танки охранялись пехотой и поддерживались САУ. Танки и САУ, двигаясь за пехотой, которая овладевала домами, уничтожали огневые точки. Сзади идущая пехота прочесывала и очищала подвалы, этажи, чердаки зданий.

В результате эффективной артподготовки, четкой

организации и решительных действий подразделений дивизии и средств усиления в 11 часов 30 минут 800 солдат и офицеров противника вместе с 370 немцами в штатском сдались в плен подразделениям полка С. П. Зубова. Командир полка сразу же обнаружил образовавшуюся брешь в обороне. Гвардейцы, преодолевая сопротивление разрозненных групп стрелков-автоматчиков и уничтожая огневые точки противника, устремились вперед и в 19 часов 45 минут 22 апреля овладели пригородом Вейсензее.

Бойцы и командиры проявляли массовый героизм.

Командир орудия старший сержант Саплин попал под пулеметный огонь противника. Тогда он тут же развернул гаубицу и открыл огонь. Вражеский пулеметчик был уничтожен, наша пехота снова пошла вперед.

2-й батальон майора Сутягина 151-го полка с полковой батареей старшего лейтенанта Н. И. Евтухова при поддержке 2-го дивизиона 124-го артполка майора А. Л. Дубицкого 22 апреля отразил 5 яростных контратак врага. Немцы, не выдержав натиска гвардейцев и неся большие потери, отошли.

Отважно дралась и 1-я стрелковая рота старшего лейтенанта Петра Дмитриевича Алексешникова из 151-го полка. Надо сказать, что гвардейцы этой роты в каждом бою отличались. Так, например, при наступлении еще в Померании в первых числах марта 1945 года при прорыве обороны противника усиленная рота П. Д. Алексешникова за один день уничтожила более 400 вражеских солдат и офицеров, 260 взяла в плен, были захвачены крупные трофеи: 6 минометов, 2 пушки, 4 зенитных орудия, 20 автомашин, 2 танка и многое другое.

Смело и решительно эта рота действовала и при форсировании Одера. И вот теперь в боях на улицах фашистского логова бойцы во главе со своим командиром Алексешниковым продвигались в числе первых. Бойцы равнялись на своего командира, а гвардии старший лейтенант П. Д. Алексешников — человек храбрый, мужественный. Недаром он закончил войну, имея на груди десять правительственных наград, в их числе ордена Богдана Хмельницкого 3-й степени, Александра Невского, Красной Звезды, Кутузова 3-й степени, Отечественной войны[69].

Командир 5-й батареи 124-го артполка старший лейтенант Владимир Васильевич Жилинский в бинокль заметил, что машина начальника политотдела дивизии полковника Василия Емельяновича Горюнова вот-вот попадет в расположение немцев. Тогда он быстро организовал группу в 12 человек и пошел на выручку. В завязавшейся рукопашной схватке шесть фашистов было убито и трое взято в плен. Начальник политотдела был

спасен.

Группа из восьми гвардейцев 56-й разведроты под руководством лейтенанта Новикова получила задание ворваться в одно из особо важных зданий и там взять пленного. Вооружившись автоматами, пистолетами, ножами и гранатами, разведчики, используя подземные ходы сообщения, незаметно вышли к дому, без шума сняли часового, ворвались на второй этаж и завязали бой, в результате которого был захвачен офицер, а 15 фашистов уничтожено.

Артиллерия, входящая в состав штурмовых групп, хорошо обеспечивала продвижение стрелковых частей. Артиллеристы 124-го артполка подполковника Никифора Ильича Бигоненко, находясь непосредственно в боевых порядках пехоты, прямой наводкой уничтожали огневые средства и живую силу противника. Расчет младшего сержанта А. Н. Гуссейнова только 22 апреля подавил минометную батарею, уничтожил 14 ручных и тяжелых пулеметов, 2 пушки и до 40 фашистов. На следующий день в жарком бою погиб весь расчет, в живых остался лишь командир, который продолжал вести огонь, обеспечивая продвижение пехоты. Он лично уничтожил три укрепленных точки и около двадцати фашистов. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, младший сержант Али Наджанович Гуссейнов был награжден третьим орденом Славы, став полным кавалером самого почетного солдатского ордена.

22 апреля фашисты в боях с гвардейцами 52-й дивизии потеряли убитыми и ранеными 450 солдат и офицеров. Нами были захвачены трофеи: 56 автомашин, 6 тракторов, 11 бронетранспортеров, 4 самоходные установки, 16 зениток, 13 пушек, 3 прожектора, 22 железнодорожных вагона, 2 паровоза, разбито упорно оборонявшихся 8 домов.

23 и 24 апреля дивизия во взаимодействии с 79-м тяжелым танковым полком вела ожесточенные бои на берлинских улицах — Шефлиссершграесе, Холмерштрассе, Грубитцштрассе, Пикарнен Сильва, Шефельбенерштрассе, Грабенхагенерштрассе, Вихерштрассе, Дункерштрассе, Принц Лаузе, Кармен Сильва, Каземаннштрассе и других.

Противник оказывал яростное сопротивление, цеплялся за каждый дом. Нам пришлось применять такой метод: в стенах домов, в кирпичных заборах мы проделывали отверстия и подрывали, огневые точки выжигали огнеметами «Фоги». При перебежках от здания к зданию применяли дымовые гранаты и шашки. Весь город был в грохоте, дыму, пыли. Это в большой степени мешало применять авиацию и артиллерию для ударов по опорным пунктам противника, так как из-за плохой видимости

можно было угодить по своим войскам.

Особенно упорно фашисты сопротивлялись в парках, церквах и угловых домах, приспособленных к круговой обороне с подвижной системой огня. В бой бросали все, что только могли: учебные полки, роты фольксштурма, роты жандармских батальонов, зенитные дивизионы. Так, в состав артиллерийской группы «Норд» входили 755-й и 605-й зенитные дивизионы, корпусная противотанковая рота и другие части.

Но гвардейцы, тесня врага, шаг за шагом продвигались к центру Берлина. Яростные контратаки пехоты, танков и штурмовых орудий противника успешно отражались.

Командиры орудий 1-го дивизиона старший сержант Магды Султанович Султанов и старший сержант Василий Иванович Баранов, несмотря на ливень вражеского огня, выкатили свои орудия на прямую наводку и в упор расстреливали фашистов. Расчет Султанова подавил самоходно-штурмовое орудие, три укрепленные точки панцерфауст, разрушил первый этаж каменного здания и уничтожил в нем пулеметные точки и 15 солдат и офицеров. Но тут вражеский снаряд вывел из строя орудие, старший сержант был тяжело ранен. Но Султанов продолжал вести огонь из пулемета и уничтожил еще до 20 фашистов. Такой же героизм проявил и старший сержант Баранов. Оба командира, а также многие бойцы их расчетов были награждены орденами и медалями.

Смело действовали танкисты 108-й танковой бригады подполковника Василия Никифоровича Баранюка, минометчики 1-й минометной бригады, саперы.

В боях 23–24 апреля 52-й дивизией было убито и ранено 1150 фашистов, 114 взято в плен, захвачены трофеи: зениток разного калибра — 48, пушек — 23, минометов — 13, самоходно-штурмовых орудий — 5, танков — 3, пулеметов — 56, винтовок и автоматов — 300, автомашин — 3200, тракторов — 6, железнодорожных вагонов — 23, складов с продовольствием и горючим — 26.

Потери дивизии за 21–23 апреля составили: убито 69 человек, в том числе погиб заместитель командира по политчасти 153-го гвардейского стрелкового полка майор Педанов, ранено 352 человека, в их числе командир 151-го гвардейского стрелкового полка полковник И. Ф. Юдич. Полк принял мой заместитель по строевой части полковник С. Ф. Лясковский.

С каждым часом нарастал наш натиск к центру фашистского логова. Активизировала свои действия авиация — штурмовики и истребители, из ближайших садов и парков по центру города била артиллерия. Лица мирных немцев выражали растерянность

и недоумение. Один пожилой немец не выдержал, подошел ко мне.

— Откуда у вас такая сила? — спросил он. — Ведь нас уверяли, что русские разбиты, держатся уже из последних сил.

Что можно было ответить этому немцу? Он сам теперь все видел своими глазами: мы не только выдержали, но и пришли в Берлин и завершаем здесь правое дело.

Двигаться по улицам Берлина было опасно, и опасность часто подстерегала там, где ее вроде бы и не должно быть. Особенно в этом смысле досаждали немецкие снайперы и террористы.

Не складывала свое оружие и фашистская пропаганда: гитлеровцы разбрасывали разного рода листовки, на стенах домов, заборах и прямо на асфальте белой краской или мелом писали лозунги, призывавшие свои войска и берлинцев бороться до конца. Гитлеровцы делали ставку на ведение затяжных боев.

Но все попытки поднять дух армии и населения успеха не имели. Берлин горел, его гарнизон сдавал свои позиции. Это я особенно ощутил, находясь на наблюдательном пункте 153-го стрелкового полка, оборудованном на последнем этаже 6-этажного здания.

25 апреля в центре Германии на Эльбе произошла историческая встреча двух союзных армий — советской и американской. Гитлеровские войска оказались разорванными на две части — северную и южную.

В последующие дни дивизия вела тяжелые бои с противником в районе парка Гумбольт-Хаин, имевшего крепости.

Фашисты превосходящими силами предпринимали одну контратаку за другой. Вот уже отбито две контратаки. Выдвинув вперед штурмовые орудия и зенитную артиллерию для стрельбы прямой наводкой, гитлеровцы пошли в третью. Перед 155-м стрелковым полком в районе Глеймштрассе — Свинемюндерштрассе создалось серьезное положение, особенно на участках 5-й стрелковой роты капитана Крошкина и 9-й батареи капитана Коваля. Гитлеровцы отдельными группами пытались обходом прорваться на позиции артбатареи с целью захватить ее или вывести из строя. Но Коваль, развернув одно орудие, начал в упор расстреливать просачивающихся фашистов, 5-я стрелковая рота одним взводом также открыла огонь по пехоте, наступающей во фланг и тыл. Ранило наводчика и заряжающего. Их место занял сам командир батареи. Но вскоре и он был смертельно ранен, однако продолжал вести огонь. Уже окончательно истекая кровью, он успел навести орудие и прямым попаданием уничтожить штурмовое орудие врага.

Атака фашистов была отбита, рубеж удержан.

За храбрость и мужество А. П. Коваль был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, многие бойцы награждены орденами и медалями.

В этот же день, 26 апреля, противник группой до 25 человек предпринял с улицы Папель-Аллее атаки и на орудие в районе перекрестка улиц Вносертштрассе и Штальхейдерштрассе. В завязавшемся бою расчет был выведен из строя, остался один командир сержант Чернита. Телефонист управления дивизиона и связные заняли круговую оборону. Гитлеровцы забрасывали орудие фауст-патронами. Сержант Чернита был ранен, но не оставил поля боя, продолжал отражать атаки врага. Были ранены связист Бурлаков, санинструктор Шавалин, повозочный Дудко. Они также не прекращали вести огонь, 10 фашистов уничтожили и 8 взяли в плен.

Со второй половины 27 апреля бои переместились в самое сердце Берлина — центральный сектор, где размещались все руководящие военные и правительственные органы Германии, штаб обороны города и сам Гитлер.

Кольцо вокруг окруженной группировки немцев сжималось. Вражеская группировка растянулась узкой — не более 3–5 километров — полосой с востока на запад на 16 километров. Все фашистские войска в Берлине находились под непосредственным огнем нашей артиллерии.

Все попытки гитлеровского командования оказать помощь Берлину извне провалились. Политико-моральное состояние фашистских войск резко упало, участились случаи массового дезертирства.

52-я гвардейская стрелковая дивизия, отвоевывая метр за метром, продвигалась вперед. Штурмовые отряды действовали мелкими группами, проникая через проломы в стенах зданий, проходные дворы, они вели бои в подвалах, на лестничных площадках, на чердаках. Многие завалы и баррикады, возведенные гитлеровцами посреди улиц, гвардейцы обходили, а затем ударами с тыла овладевали ими.

26 апреля подразделения дивизии уничтожили 365 фашистских солдат и офицеров, 27 взяли в плен, в том числе одного полковника. Крупными оказались и трофеи: 25 паровозов, 1500 вагонов, 100 автомашин, 30 мотоциклов. Четыре здания, представлявшие опорные пункты, были сожжены.

Из допроса пленных и показаний местного населения было установлено, что в полосе наступления дивизии насчитывается 2700–3000 обороняющихся фашистов, вооруженных в основном пулеметами, автоматами и фауст-патронами.

Подступы к центру столицы и рейхстагу противник оборонял

тяжелой артиллерией, кочующими и врытыми в землю на перекрестках дорог и улиц танками, штурмовыми орудиями. В зданиях было установлено много зенитных орудий и тяжелых пулеметов.

27 апреля после артналета наступление штурмовых групп 153-го и 155-го стрелковых полков с прежними средствами усиления и по одной роте 10-го мото-огнеметного батальона в 13 часов 20 минут возобновилось. Все делалось под прикрытием дымовых завес, которые под ураганным вражеским огнем ставили гвардейцы 58-й роты химзащиты. Большое мужество проявляли химики, выполняя свою задачу. Один из многих примеров. 27 апреля ездовой роты химзащиты Таран, доставляя химсредства на передний край, попал под сильный пулеметный огонь зажигательными пулями. Шашки загорелись, но Таран не растерялся: поставив впереди себя дымовую завесу, он вынес шашки, которые потом доставил по назначению, тем самым обеспечил действия штурмовых групп. За свой подвиг он был награжден орденом.

Смело и решительно действовали и огнеметчики, помогая штурмовым группам продвигаться вперед. 1-я и 2-я рота мотоогнеметного батальона сожгли пять зданий — опорных пунктов большой мощности — и несколько орудий, находившихся в подвалах каменных домов.

Умело руководили действиями в бою командир полковой батареи старший лейтенант П. В. Симоненко, командир 51-го истребительно-противотанкового дивизиона капитан Н. В. Поздняков, начальник штаба 1-го батальона 153-го стрелкового полка старший лейтенант Иван Ильич Батлук[70].

Нельзя не сказать добрых слов о водителях 400-й роты автоподвоза капитана Михаила Афанасьевича Ковзуна и начальнике артиллерийского снабжения майоре И. Б. Ласточкине. В очень сложной обстановке они обеспечивали бесперебойное снабжение полков и подразделений боеприпасами и всем необходимым в тяжелых боях.

Только благодаря слаженным действиям всех подразделений 153-й и 155-й стрелковые полки во взаимодействии со средствами усиления к 15 часам 27 апреля овладели двумя кварталами восточнее завода № 47.

В это время 2-я гвардейская танковая армия, использовав плацдарм, захваченный 26 апреля на южном берегу Шпрее и расширенный 27 апреля, нанесла сильный удар в южном и юго-восточном направлениях. Подвинувшись на два с половиной километра, она овладела значительной частью Шарлоттенбурга. Учитывая сложившуюся обстановку, командующий 3-й ударной

армией генерал-полковник В. И. Кузнецов решил перегруппировать основные силы 12-го стрелкового корпуса к правому флангу армии, в район Веддинга, оставив на всем остальном участке — Гезундбруннен — Пренцладерштрассе — лишь 52-ю дивизию, и главными силами армии развернуть наступление из Веддинга на юго-восток в общем направлении на рейхстаг с целью соединения в этом районе с 8-й гвардейской армией и рассечения окруженной вражеской группировки на две части.

Не очень-то был доволен личный состав 52-й дивизии, узнав о приказе о переходе дивизии к обороне, хотя и активной: гвардейцам хотелось наступательных действий и штурма рейхстага. Желание бойцов, естественно, было вполне понятным. Но в сложившейся обстановке решение командующего армией было обоснованным: не тащить же 52-ю дивизию через боевые порядки 33-й стрелковой дивизии. Это потребовало бы много времени и могло привести к значительным потерям. Водрузить Знамя Победы над рейхстагом, как планировал штаб армии, должен был 79-й корпус.

К 10 часам 30 минутам 28 апреля подразделения 52-й дивизии с танковой ротой заняли участки обороны с целью-не допустить прорыва пехоты и танков противника в северном направлении и уничтожать диверсионные группы: 151-й стрелковый полк — Гаудиштрассе — железнодорожная станция — платформа Принцлауэр-аллее; 153-й — Рамлерштрассе — Броненштрассе — железнодорожный мост через Глеимштрассе. 155-й полк к этому времени закончил смену частей 33-й стрелковой дивизии и занял оборону: Принценаллее — Визенштрассе — Бодштрассе. В каждом полку были созданы ротные опорные пункты.

Резерв командира дивизии — учебный батальон майора И. Тимошина и подвижной противотанковый заград-отряд — состоял из двух стрелковых рот, батареи истребительно-противотанкового дивизиона, саперного взвода на автомашинах ГАЗ-АА. Сосредоточен он был в районе пересечения улиц Бинцштрассе и Берлинерштрассе.

Но что значило занять оборону в Берлине — логове фашизма? В данном случае оборона — понятие относительное. Мы ежечасно вовлекались в активные боевые действия.

К 28 апреля положение окруженной в Берлине вражеской группировки еще более ухудшилось. Территория, которую она занимала, значительно сократилась. Шансы на деблокаду уменьшались. В результате согласованных ударов советских войск с севера и юга приближалось завершение расчленения

группировки на три части. Удар по рейхстагу наносился 79-м стрелковым корпусом по самому короткому пути — с северо-запада, откуда его менее всего ожидали гитлеровцы. «Горловина» между группировками врага, зажимаемого в кольцо в северо-восточной части Берлина и южной части Шарлоттенбурга и Халензее (парк Тиргартен), сузилась до 1200 метров, между южной и группировкой в районе Вестенда и Рулебена — до 500 метров. Однако заранее подготовленные сооружения и препятствия, прикрываемые огнем всех видов оружия, и наличие широко разветвленной сети подземных путей сообщения позволяли фашистскому командованию маневрировать резервами, перебрасывать их с одного участка на другой. И чем больше положение фашистов ухудшалось, тем больше они стервенели, не гнушались применять террористические акты. И все-таки положение вражеской группировки стало уже настолько тяжелым, что командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг в 22 часа 28 апреля счел необходимым предложить Гитлеру план прорыва войск из Берлина. В своем докладе он указывал, что войска смогут воевать еще не более двух дней, так как останутся без боеприпасов. Прорыв предполагалось осуществить на запад вдоль Андерхеерштрассе, южнее Вильгелмштадта, тремя эшелонами. Первый эшелон предлагалось усилить основной массой танков, штурмовых орудий и артиллерии. Гитлеровская ставка для большей безопасности должна была выходить со вторым эшелоном. Это мне стало известно от пленных генералов.

О реакции Гитлера на предложение о прорыве Вейдлинг в своих показаниях после пленения писал так:

«Долго размышлял фюрер. Он расценивал общую обстановку как безнадежную. Это было ясно из высказанных им длинных рассуждений, содержание которых вкратце можно свести к следующему: если прорыв даже и в самом деле будет иметь успех, то мы просто попадем из одного котла в другой. Он, фюрер, тогда должен будет ютиться под открытым небом, или же в крестьянском доме, или в чем-либо подобном и ожидать конца. Лучше уж он останется в Имперской канцелярии. Таким образом, фюрер отклонил мысль о прорыве»[71].

Вечером 29 апреля после полуторачасового доклада Гитлеру генерал Вейдлинг вновь предложил прорываться на запад. Гитлер и на этот раз не принял определенного решения. Попытки 12-й немецкой армии прорваться к Берлину и помочь группировке, а равно и попытки самой группировки вырваться кончились безрезультатно. Катастрофа стала неотвратимой.

Советские воины уже отчетливо видели, что полный и окончательный разгром гитлеровцев — это вопрос дней.

Но все чувства, которые волновали и которыми жил наш солдат и командир в преддверии победы, не лишали их высокого гуманизма, воспитанного коммунистической партией. Именно гуманизм, человеколюбие руководили ими, когда они, рискуя собственной жизнью, спасали немецких детей, выносили из огня пожаров, прятали от пуль и снарядов фашистов.

…Бушует пламя войны, идет жестокий бой. В верхних этажах одного из домов засели гитлеровцы, ведут усиленный огонь. Но наши бойцы просят артиллеристов и танкистов не разрушать дом, так как в его нижних этажах и подвалах находятся дети, женщины, старики.

…Горит четырехэтажный дом, из которого доносится детский плач. Не раздумывая, в горящее здание бросается наша русская девушка — связистка Настя Олехова. И вот она уже осторожно спускает ребенка из окна второго этажа, объятого пламенем, на плащпалатку, которую держат Тося Григорьева и Тамара Рженовская. Олехова слышит голос второго ребенка, снова скрывается в огне, спешит вынести малыша. Но задыхается в едком дыму, падает. Рискуя жизнью, Олехову и ребенка спасает старшина Мальцев.

А разве не о благородстве советского солдата говорит подвиг Николая Маслова, который под сильным огнем противника спас немецкую девочку, рыдавшую над трупом матери!

И таких примеров можно было бы привести множество.

С утра 30 апреля, когда положение окруженной группировки стало совсем безнадежным, гитлеровское командование во главе с генералом Вейдлингом начало разрабатывать план прорыва из Берлина, который намечался на 22 часа того же дня. Но этому плану не суждено было осуществиться. К исходу дня группировка врага оказалась расчлененной на четыре изолированные части. В стане врага началась паника. Не действовали никакие призывы к армии гроссадмирала Деница, по завещанию Гитлера ставшего главой правительства, «драться до последнего патрона, до последнего солдата».

30 апреля 52-я дивизия вела бои в районе парка Гумбольт-Хайн и спортплощадки, которые находились в 300–400 метрах северо-восточнее рейхстага. В парке имелись две крепости, особенно прочной была северная. Парк и крепость были хорошо подготовлены к обороне в противотанковом, противоартиллерийском и противопехотном отношении: траншеи с пулеметными площадками и зенитной артиллерией прямой наводки по наземным целям соединялись ходами сообщения с многоэтажными подвалами северной крепости. Подходы к траншеям прикрывались противотанковыми рвами,

заполненными водой. В системе обороны имелись железобетонные доты с амбразурами для кругового обстрела. На крышах зданий вокруг парка и спортплощадки были установлены крупнокалиберные орудия. Все улицы, идущие к крепости и рейхстагу, забаррикадированы, а перекрестки заминированы.

По частям дивизии фашисты часто открывали яростный огонь, особенно он был сильным по 151-му стрелковому полку полковника С. Ф. Ляскoвского с юго-восточной окраины парка и завода № 47. Враг широко применял фауст-патроны. Бои носили самый ожесточенный характер, доходили до рукопашных схваток. В одну из очередных атак основной удар пришелся по второму батальону майора Сутягина. Исход боя решали считанные минуты, и тогда командир 4-й роты капитан Илларион Михайлович Щербина поднялся, крикнул:

— Бойцы! За мной, вперед!

Увлеченные личным примером своего командира, гвардейцы при поддержке артогня решительно контратаковали врага. Только взвод лейтенанта И. И. Батыля в рукопашной схватке уничтожил до взвода фашистов. Сержант Берстиев один уничтожил пятерых.

В итоге боя, потеряв до роты пехоты, танк и штурмовое орудие, противник отошел.

В тот же день враг силою до батальона при поддержке танков и огня всех видов только с 7 до 10 часов предпринял пять атак на боевые порядки 153-го стрелкового полка подполковника Зубова. Но и здесь он успеха не имел.

Как бы отчаянно фашисты ни сопротивлялись, война подходила к концу. С 22 часов 50 минут 30 апреля над рейхстагом уже развевалось советское знамя.

1 мая в 3 часа начальник штаба немецких сухопутных войск генерал Кребс по договоренности с командованием Советской Армии перешел линию фронта в полосе 8-й гвардейской армии на участке 35-й гвардейской стрелковой дивизии в районе Потсдамского вокзала и был принят генерал-полковником В. И. Чуйковым. На командный пункт вскоре прибыл заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом генерал армии В. Д.Соколовский, который вел переговоры с Кребсом от имени советского командования. Кребс официально сообщал о самоубийстве Гитлера и об образовании нового правительства.

Выходе переговоров Кребсу было заявлено, что прекращение военных действий возможно только при условии безоговорочной капитуляции немецко-фашистских войск. При этом всему личному составу гарнизона гарантировались жизнь, сохранение орденов, личных вещей, а офицерам — сохранение еще и холодного оружия. После этого генерал Кребс отбыл для доклада

Геббельсу. В 18 часов 1 мая Геббельс и Борман ответили, что отклоняют требования о безоговорочной капитуляции[72].

Тогда мы получили приказ возобновить боевые действия, чтобы в кратчайший срок завершить ликвидацию Берлинской группировки, не давая фашистам ни одного часа на отдых и приведение себя в порядок.

В 18 часов 30 минут 1 мая фашистским группам был нанесен мощный огневой удар всеми наличными артиллерийскими и минометными средствами.

Части 3-й ударной армии В. И. Кузнецова, наступавшие с севера к центру, вскоре соединились южнее рейхстага с частями 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова, наступавшими с юга. Войска 2-й гвардейской танковой армии встретились в районе парка Тиргартен с 1-й гвардейской армией. Остатки Берлинского гарнизона были разрезаны на отдельные изолированные группы. Противнику не оставалось ничего другого, как сложить оружие. И действительно, в 00 часов 40 минут 2 мая была перехвачена радиограмма на русском языке из 56-го немецко-фашистского танкового корпуса с просьбой прекратить огонь. В 6 часов перешел линию фронта и сдался в плен командир корпуса генерал Вейдлинг, который одновременно являлся комендантом Берлина. Ему было предложено обратиться к гарнизону с приказом о капитуляции. В своем приказе Вейдлинг писал, что общее положение делает дальнейшую борьбу бессмысленной. «Каждый час борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых, — говорилось в приказе. — Каждый, кто падет в борьбе за Берлин, принесет напрасную жертву. По согласованию с Верховным Командованием советских войск требую немедленного прекращения борьбы»[73].

В это время 52-я гвардейская стрелковая дивизия вела тяжелые бои, овладевая отдельными домами и очищая кварталы от засевших там групп противника.

В 2 часа 30 минут 2 мая после массированного артналета в атаку на 151-й полк пошли вражеские танки и штурмовые орудия. Сосредоточив усилия, фашисты ворвались в расположение 4-й стрелковой роты и овладели железнодорожным мостом. Эта группа противника имела задачу обеспечить прорыв основной вражеской группы в северном направлении.

Через 15–20 минут подошли еще 7–8 танков, несколько штурмовых орудий, 5–6 бронетранспортеров с пехотой. Другие группы пехоты и танков стремились прорваться севернее железнодорожной станции Гезундбрунен. Все их действия были строго согласованы, хорошо продуманы. Именно в это время противник активно сковывал огнем и мелкими атаками 153-й и

155-й полки. К тому же 153-й полк С. П. Зубова был изолирован от 155-го и 151-го полков и не имел связи с командиром и штабом дивизии.

Все это не позволяло маневрировать с целью оказания помощи 151-му полку для ликвидации вклинившегося на его участке противника.

К 6 часам гитлеровцам удалось частью прорваться и выйти в район огневых позиций 1-го дивизиона 124-го артполка. К счастью, там находился командир полка подполковник Н. И. Бигоненко, который лично возглавил управление боем. В этом ожесточенном бою он был ранен, но продолжал руководить действиями дивизиона. Враг, потеряв 8 танков, несколько бронетранспортеров и более роты пехоты, дальше продвинуться не смог.

За умелое руководство в бою и мужество гвардии подполковник Н. И. Бигоненко был удостоен звания Героя Советского Союза.

Противник, хорошо зная город, подземные ходы сообщения, появлялся там, где мы не всегда его могли встретить подготовленным огнем и контратакой. Положение дивизии осложнялось еще и тем, что она не имела сильного противотанкового подвижного резерва — все средства усиления, за исключением 125-й отдельной танковой роты, с 29 апреля были взяты из дивизии на главное направление удара армии.

И только благодаря решительным действиям личного состава учебного батальона, 82-го батальона связи, 56-й разведывательной роты, роты 61-го отдельного саперного батальона, 58-й роты химзащиты, резерва командира дивизии и офицерского состава штаба под руководством начальника оперативного отделения штаба дивизии майора В. Т. Широкоумова враг получил отпор. Из допроса пленных мы узнали, что они принадлежали 628-му батальону пехотного полка «Инепринг», 605-му и 735-му зенитным полкам дивизии СС «Нордланд», 9-й авиадесантной дивизии и другим подразделениям, не подчинившимся приказу прекратить огонь, сложить оружие и сдаться в плен. В этой ударной группировке насчитывалось до 2000 солдат и офицеров. Посаженные на танки, бронетранспортеры, штурмовые орудия и автомашины фашисты пытались прорваться на соединение с северной группировкой. Однако успеха не имели и были разгромлены. Нашим гвардейцам, стоявшим насмерть, этот разгром врага достался немалой кровью. Трудный был для дивизии бой. А тут еще вскоре произошла досадная неприятность. В штабе 1-го Белорусского фронта стало известно, что якобы через боевые порядки 3-й

ударной армии из Берлина прорвались немцы. Маршал Г. К. Жуков приказал командующему 3-й ударной армией В. И. Кузнецову разобраться и доложить.

Вскоре в дивизию прибыли два офицера из штаба армии и один — из штаба фронта. Мне вместе с ними пришлось выехать на место боя. Подозрение, что противник прорвался в полосе 52-й дивизии, отпало.

На самом деле оказалось, что фашисты численностью до 17 тысяч с 80 танками и штурмовыми орудиями прорвались на участке 125-го стрелкового корпуса 47-й армии и устремились к Эльбе. Вскоре они были уничтожены в лесах северо-западнее Берлина.

Не сдавались и фашисты, засевшие в северной крепости парка Гумбольт-Хайн. Они всячески пытались вырваться из «котла».

Надо было найти вражеское командование и предложить ему прекратить бессмысленное сопротивление. На эту миссию добровольно вызвалась гвардии старший лейтенант Зинаида Петровна Степанова, работавшая в штабе дивизии разведчицей-переводчицей.

И вот на штабном вездеходе оперативная группа, в которую, кроме Степановой, входили подполковник П. И. Попов и радист Семен Федорович Калмыков, которого пришлось потом на время оставить «заложником», направились к крепости парка Гумбольт-Хайн, где располагался командный пункт врага. К группе вышли два генерала. Вначале они категорически отказывались капитулировать. Но после длинного разговора, убедительных аргументов, одним из которых был рев моторов наших самолетов над Берлином, генералы приняли наш ультиматум.

К 15 часам 2 мая сопротивление Берлинского гарнизона полностью прекратилось, к исходу дня весь город был занят советскими войсками. Берлин — фашистское логово — пал. Вереницы пленных во главе с когда-то чванливыми офицерами и генералами брели по улицам столицы.

За 2 мая советскими войсками в Берлине было взято в плен 134 700 человек[74]. А всего с 16 апреля по 7 мая, то есть за период Берлинской операции, советские войска взяли в плен около 480 тысяч солдат и офицеров противника, захватили 1550 танков, 8600 орудий, 4510 самолетов[75].

Значительный вклад в разгром врага внесла и 52-я гвардейская стрелковая дивизия. В уличных боях, очищая город от фашистов, части дивизии в период с 22 апреля по 2 мая 1945 года, преодолевая сильное огневое сопротивление противника, прошли свыше 20 километров, заняли более 120 кварталов и улиц

и 3 мая вышли на правый берег Шпрее.

В результате наступательных и оборонительных боев гвардейцами 52-й дивизии совместно с приданными средствами усиления с 16 апреля по 3 мая 1945 года было убито и ранено 2755 и пленено 6495 фашистских солдат, и офицеров, в том числе два генерала. Уничтожено и захвачено большое количество боевой техники, имущества и военного снаряжения.

За это же время дивизия потеряла убитыми 439, ранеными 1761 солдата и офицера.

Верховный Главнокомандующий в приказе от 2 мая 1945 года 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Г. К. Жукова и 1-го Украинского фронта под командованием Маршала И. С. Конева, завершившим полный разгром Берлинской группы немецких войск, объявил благодарность. Частям и соединениям, наиболее отличившимся в боях за овладение Берлином, в их числе и 52-й гвардейской дивизии было присвоено наименование «Берлинские». Дивизия была награждена третьим орденом — орденом Кутузова 2-й степени.

8 мая 1945 года представителями немецкого верховного командования в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции.

Победа! Как ждали этого момента солдаты и командиры, весь советский народ! И они пришли к этому великому победному часу, отстояв свободу и счастье своей Родины и освободив народы Европы от коричневой чумы фашизма.

…Закончена война. Берлинская тишина нас как-то оглушила — настолько непривычной она показалась! Трудно передать то душевное состояние, в каком находился советский воин-победитель. Гордость, торжество и ликование переполняли сердце каждого. То тут, то там раздавались оружейные залпы — каждый полк, каждое подразделение по своему усмотрению салютовали в честь одержанной победы. Но что это по сравнению с артиллерийской канонадой, залпом орудий и оглушительным разрывом тяжелых бомб!

Берлинцы вышли из подвалов, убежищ, глубоких ям, откапывали свои семьи. Они брели по улицам — кто к своим чудом уцелевшим домам, кто в поисках хоть какого-нибудь приюта. Тысячи людей разбирали ими же сооруженные баррикады, заваливали большие воронки, подметали улицы.

Узкими улицами, маневрируя среди развалин и битого кирпича начальник политотдела полковник В. Е. Горюнов, начальник штаба дивизии подполковник Я. Д. Емельянов и я на автомашинах едем к центру города, в район бывших правительственных учреждений фашистской Германии. И вот мы

у здания имперской канцелярии. Здесь уже полно наших солдат и офицеров.

Через проем двери, заваленный книгами, из которых была сделана баррикада, входим в здание, занимавшее целый квартал. Ходим час, другой — ни одной уцелевшей комнаты. Толстые стены пробиты снарядами тяжелых пушек, в потолках с железобетонными перекрытиями зияют огромные дыры. Всюду на паркетных полах валяются разбитые люстры, бумага, папки.

Один из солдат подходит ко мне:

— Товарищ генерал, хотите сувенир? — и подает немецкий высший офицерский орден, который в свое время в торжественной обстановке вручал сам фюрер. Теперь такие ордена валяются, как хлам, под ногами на пыльном полу рейхсканцелярии.

— Где же последнее время жил Гитлер? — спрашивают солдаты друг у друга.

Знающие отвечают:

— Здесь же, но под землей.

Выходим на площадь и попадаем в имперскую канцелярию с боковой стороны. Небывалого размера вестибюль, из него лестница ведет в гитлеровское логово. Еще раз огибаем здание и попадаем в другой отсек подземелья из нескольких этажей с огромным количеством комнат.

Нам говорят, что последние несколько дней здесь жили Гитлер, Геббельс, Риббентроп.

В этот же день мы были в рейхстаге, разрушенном не менее, чем рейхсканцелярия. Все уцелевшие части стен уже были испещрены множеством надписей наших воинов.

…Как-то звонит мне командир 12-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор А. А. Филатов:

— Товарищ Козин! Торжество победы старший офицерский состав корпуса решил отметить в вашей дивизии как первой вошедшей в Берлин.

— Возражений нет, товарищ генерал-майор.

На это торжество прибыли командир 23-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор П. М. Шафаренко, командир 33-й стрелковой дивизии генерал-майор В. И. Смирнов, их заместители и другие старшие офицеры.

И вот в тот вечер мне было сообщено то, чего никогда не забуду…

После второго тоста адъютант старший лейтенант Трехалов вручает генерал-майору А. А. Филатову телеграмму. Тот прочитал, встал:

— Товарищи офицеры! Это телеграмма от командующего

нашей 3-й ударной армии генерал-полковника В. И. Кузнецова. В ней говорится, что на основании решения штаба 1-го Белорусского фронта командир 52-й гвардейской стрелковой дивизии Нестор Дмитриевич Козин с группой своих гвардейцев направляется в Москву на парад Победы.

Читатель легко поймет мое состояние, мои чувства, которые я испытывал после такого сообщения, — быть участником парада Победы в Москве на Красной площади!

От каждого фронта и флота на парад посылалось по одному сводному полку, в который включались герои из героев.

По одному полку от фронта! Это совсем немного. Ведь героев, бесстрашных и смелых воинов, были тысячи, десятки тысяч. И тем выше была честь быть участником этого исторического торжества.

И вот 24 июня 1945 года. Столица нашей Родины Москва встречала и чествовала своих воинов-победителей, воинов-освободителей. Нашим сводным полком, состоявшим из рот по числу армий 1-го Белорусского фронта, командовал командир корпуса генерал-лейтенант И. П. Рослый. 9 часов 59 минут. Взоры каждого участника парада устремлены на ворота Спасской башни. Кремлевские куранты бьют девять, и на десятом ударе из Кремлевских ворот на белом коне верхом выезжает принимающий парад Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и командующий парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

Аплодисменты москвичей и гостей переходят в долго не смолкающую овацию, особенно она была мощной, когда Г. К. Жуков произнес:

— Поздравляю вас с победой советского народа и его Вооруженных Сил над немецко-фашистской Германией…

По всей Красной площади прокатывается многократное победоносное солдатское «У-ра-а-а!»

После парада и приема правительством мне удалось встретиться с теми, с кем еще и раньше, до войны, пришлось вместе служить, начинать свой нелегкий солдатский путь. Они тоже прошли путь от Москвы до Берлина. И какая это была великая радость!

Память о параде Победы, о встрече с боевыми друзьями никогда не умрет!

Вл. Бескишкин
И, как прежде, в строю… (Вместо послесловия)

Время все дальше отодвигает от нас огненные годы невиданной в мире войны. Прошло почти тридцать лет, как отгремели последние залпы великих сражений, но и теперь редко какой день Нестор Дмитриевич не надевает свою военную форму: его опять приглашают на завод, в школу, в институт или на стройку, а то звонят из какого-нибудь далекого сельского района, просят приехать.

…Нет, не изгладило время в памяти народа величие ратного подвига человека-солдата и, видно, никогда не изгладит. Наоборот, с каждым днем возрастает интерес к событиям тех суровых лет, все больше хочется узнать подробностей из эпопеи беспримерного героизма и отваги советских воинов, вынесших на своих плечах все тяготы войны.

Не сосчитать, пожалуй, сколько раз Нестор Дмитриевич выступал перед аудиторией, рассказывал о боевых, делах тех, с кем шли трудными дорогами войны, с кем вместе терпели стужу и голод, сидели под дождем в окопах и траншеях, вместе пробирались дремучими лесами, ржавыми болотами, калились на жаре, под бомбежками и ураганным артобстрелом форсировали реки, с кем вместе устояли и разгромили фашистские орды под Москвой, с кем вместе дали отпор у берегов Волги, а потом дошли до вражеского логова — Берлина, раздавили его и водрузили Знамя Победы. Сотни раз рассказывал, но и сейчас чувствует, что не поведал всего того, что пришлось испытать, пережить, увидеть.

Для теперешних подростков это уже история. А их дедам и отцам трудно без волнения слушать песню про белых журавлей. Старые раны не заживают.

…Июль 41-го. Фашисты, озверев, бешено рвутся на Москву, на своем пути грабят, жгут, убивают, насилуют. Батальон Козина в составе 586-го стрелкового полка 107-й Барнаульской дивизии в районе Ельни ведет жестокие бои с фашистами. Особенно трудным был день 22 июля, когда ни на минуту не прекращалась схватка с частями эсэсовского полка «Великая Германия» дивизии «Райх». Но как бы ни силен был враг, значительно превосходящий наших в живой силе и в боевой технике, к вечеру гитлеровцы были разбиты, а уцелевшие остатки отошли назад.

К вечеру батальон Козина выдержал еще две атаки врага. И опять вышел победителем. Исход боев решали внезапность удара и быстрота действий. А добиться победы и сберечь своих людей — это и есть военное искусство, боевое мастерство, умение грамотно управлять.

…Там, где полк проходил, — словно бритвой
Были срезаны вражьи полки,
Прямо с марша — в жестокую битву,
За гранату, в атаку, в штыки!
Словно буря сибирская рвется
Над рядами и взводов и рот,
Там, где Козин с врагами дерется,
Где Люманов в атаку идет![76]

Бои, бои, бои… Они не затихали ни днем ни ночью. Порой очень нелегко приходилось сдерживать яростный натиск фашистских орд, стремившихся к Москве. Но советские солдаты стояли насмерть, они, несмотря на нехватку оружия и боеприпасов, особенно бронебойных снарядов, не только успешно отбивали атаки врага, но и сами переходили в решительные контратаки, громили его. Один гитлеровский обер-ефрейтор в своем письме домой признавался: «…Потери от огня русских велики, нигде таких потерь мы не несли, нигде мы не видели такой стойкости, такого воинского упорства… Вчерашний бой не похож на сегодняшний, а что будет завтра?..»

Батальон Козина в каждом бою выходил победителем, особенно успешны были ночные вылазки и внезапные атаки. С 24 августа 1941 года Нестор Дмитриевич уже командовал 85-м стрелковым полком 100-й ордена Ленина дивизии, которая 18 сентября 1941 года была преобразована в 1-ю гвардейскую. Об успехах дивизии и полка не раз писали газеты, а гвардейцам посвящались специальные бюллетени. В одном из них — от 20 января — говорилось:

«Снова неувядаемой славой покрыли себя бойцы, командиры и политработники подразделения орденоносца тов. Козина.

В бешеной злобе, предчувствуя свою неминуемую гибель и превращая каждый двор, каждую хату в крепость, коварный враг оказывает отчаянное сопротивление, пытается задержать наступательный порыв наших войск. Но, несмотря на ураганный пулеметный, минометный и артиллерийский огонь, который вел враг, несмотря на пущенные им в бой танки и бронемашины, отважные воины сломили вражеское сопротивление, продвигаясь вперед, вперед и вперед.

Настал час суровой расплаты. Враг дрогнул, враг отступает на запад.

В течение дня гвардейцы освободили три населенных пункта, которые снова стали советскими, уничтожили до батальона немецкой пехоты. Сотни фашистских солдат и офицеров нашли здесь себе могилу. В бою за деревню Б. были захвачены многочисленные трофеи, среди них — 3 орудия, 4 зенитные установки, 2 ручных пулемета, 9 повозок с боеприпасами.

Гвардейцы! Выгоняйте врага на мороз, бейте фашистов так, как их бьют воины Козина! Вперед и только вперед! Сильнее удар по врагу!»

Боевым делам гвардейцев подразделения посвящалась и песня «Боевая наша дружба», напечатанная в газете «В бой за Родину!»

Мы все своей Отчизне служим
И повторяем вновь и вновь,
Что боевая наша дружба
Сильнее страсти, больше, чем любовь.

Ясны бойцу ночные тайны,
Любой рубеж ему открыт.
В бою немало встреч случайных,
Но не случайно враг всегда разбит.

От подлых псов, их ярой спеси
Не остается и следа…
Гвардейцы-козинцы затянут песню
Про эти дни, про грозные года.

Боец, ты чести удостоен:
Гроза фашистов — это ты.
Ты в мире — самый стойкий воин,
Ты — славный русский богатырь.

Прощанья час с фашистской дрянью
Настанет скоро. И вот тогда
Народ с восторгом песню грянет
Про эти дни, про грозные года.

* * *

Совершая неожиданнее и смелые налеты, чаще ночью и на рассвете, гвардейцы наводили на гитлеровцев такой страх, такую панику, что те просто места себе не находили.

О «дерзостях» подразделения Козина было известно во многих фашистских частях.

Как-то командир полка И. М. Некрасов получил через девочку из деревни Садки записку от командира одного эсэсовского батальона. В ней говорилось: «Господин полковник, давайте договоримся: ночью не будем воевать. Вы воюете не по правилам… Жду ответ. Капитан Фауст».

Некрасов вызвал Козина, показал записку:

— Так какой будет ответ? Поручаю дать его вам…

— Еще какой ответ дадим, товарищ полковник!

Почти двое суток готовился бой. Потом действительно козинцы дали такой «ответ», что от эсэсовского батальона почти ничего не осталось.

Крепко били советские воины фашистскую нечисть, освобождали одно село за другим. За четыре года войны все было — и штурм высот, оседланных врагом, и форсирование десятков больших и малых рек, и взятие городов, и атаки опорных пунктов. Все это не так легко перечислить, а выполнить тем более. Но солдаты делали свое дело — гнали захватчиков с родной земли, возвращая людям свободу и счастье.

…Уже который час длится бой. Кажется, осталось совсем немного — и они достигнут окраины! Усилие— и враг не выдержит натиска. Еще немного — и он будет выбит, и они возьмут деревню и выполнят приказ Но это ровным счетом почти ничего не значит за этим приказом последует новый, за деревней — другая деревня, за лесом — другой лес, за высотой — другая высота, за берегом — другой берег, и сколько бы ни идти всегда впереди будет расстилаться новый лес новый берег, которых надо достигнуть, и сколько бы высот ни брать, всегда будет новая высота, которую надо завоевать, — пока не будет полной победы. А они — и бойцы и командиры — уже устали и обессилели. Но победили. Они выполняли свой святой нелегкий солдатский долг. Они не падали духом.

«Придет время, и седовласые историки напишут о фактах, о людях, о славных гвардейских делах советских воинов боевого подразделения майора Нестора Козина. И сегодняшние будни лягут бессмертными строками в золотую летопись нашего народа.

…На боевом счету подразделения десятки освобожденных населенных пунктов, тысячи уничтоженных фашистких солдат и офицеров, большое количество захваченного военного снаряжения.

…Равнение только по передовым! Бейте гитлеровцев так, как бьет их подразделение Козина! Пусть же образцы отваги, бесстрашия и любви к своей Родине гвардейцев станут достоянием всех воинов Красной Армии!

…С захватывающим дыханием будут благодарные потомки читать волнующие строки ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. А пока бой продолжается. В соседнем селе враг. Сегодня будет освобождено это уже четвертое село».

Так писала газета «В бой за Родину!» 7 января 1942 года о боевых делах гвардейцев полка.

Как-то сидим мы с Нестором Дмитриевичем в его квартире, беседуем о делах минувших. В это время по радио зазвучала песня «На безымянной высоте».

Мне часто снятся те ребята,
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

— Хорошая песня. Так оно не раз было, — произнес Нестор Дмитриевич, когда песня утихла. — Сражались в основном ровесники теперешней молодежи. Они жизни своей не щадили ради счастливой жизни нового поколения, ради свободы своей Родины. Было трудно, очень трудно, но двадцатилетние парни проявляли мужество и героизм, вместе со своими отцами и старшими братьями шли в смертельную схватку с врагом.

И вот теперь, бывая в гостях у коллективов предприятий и строек, у тружеников полей и ферм, у учащихся, и студентов, у молодых воинов и курсантов Барнаульского высшего военного авиационного училища летчиков, Нестор Дмитриевич рассказывает о тех подвигах.

Подвиги, совершенные более четверти века назад, бессмертны. Память народа — крепкая память. Народ высоко чтит заслуги тех, кто ковал Победу, окружает их почетом и уважением. Открываются новые музеи и мемориалы на полях былых сражений, в парках и на площадях поднимаются скромные памятники и торжественные обелиски. Дети приносят сюда цветы. В праздничные дни проводятся слеты ветеранов войны, торжественно отмечаются даты воинской доблести. Люди собираются, чтобы вспомнить боевую свою молодость, своих

верных товарищей, почтить память не вернувшихся в родные края с тех кровавых полей, овеянных героикой и перенесенными страданиями. Их память хранит и живых и погибших.

— Знаете, на каждую встречу иду с волнением, — признается Нестор Дмитриевич. — Тяжелые воспоминания о дорогах войны, о цене побед, рассказы о боевых товарищах-сослуживцах, с очень многими из которых встречаюсь и переписываюсь сейчас…

Встречи, выступления… Они нужны людям, особенно молодежи. И эти встречи не забываются.

Вот Панкрушихинская районная комсомольская организация отмечала свое 50-летие. И на свой большой праздник комсомольцы села Кривое пригласили Нестора Дмитриевича Козина, Дмитрия Венедиктовича Денисова, Ивана Егоровича Гаманкова и других ветеранов войны. Каждому из них было что вспомнить, о чем рассказать, дать напутствие молодежи. В зале стояла полнейшая тишина, все, кто присутствовал, старались не пропустить ни одного слова. Мысленно вспоминали и погибших.

Чешский борец-коммунист Юлиус Фучик в сорок втором году писал из гестаповского застенка, из которого ему уже не суждено было выйти: «Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас…»

Как тут не вспомнить эти пламенные слова!

Потом юбиляров поздравляли пионеры — будущая комсомольская смена. А затем с ответным словом выступили комсомольцы.

Нет, такие встречи не забываются, они нужны: это молодежи, с ее постоянным задором, неиссякаемым энтузиазмом, дерзаниями, с ее верностью делу, подхватывать эстафету старшего поколения, хранить и приумножать боевые и трудовые традиции своих отцов.

«Мы, рабочие и служащие Карабинского совхоза Солтонского района, сердечно благодарим Козина Нестора Дмитриевича за содержательную и захватывающую лекцию «Подвиг советского народа и его Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны».

Лекция прославленного героя-генерала Козина Н. Д. произвела огромное впечатление на присутствующих, особенно на молодежь. Воспитательное значение этой лекции для подрастающего поколения в духе патриотизма, верности идеям партии, народу велико.

…Хочется сказать: «Дорогой Нестор Дмитриевич! Приезжайте к нам еще. Мы ждем Вас!»

Секретарь парткома А. Сидорцов. Директор совхоза Б. Соков.»

Кстати сказать, в подразделениях, которыми в годы войны командовал Нестор Дмитриевич, было много солтонцев, некоторые и сейчас проживают в Солтонском районе. И понятно, встречи со своим бывшим командиром для них всегда волнующи. Им есть что вместе вспомнить, есть о чем друг другу рассказать.

Передо мной десятки таких отзывов сельских и городских коллективов. И в каждом из них — выражение глубокой благодарности «сибирскому богатырю» за его ратные заслуги и просьба обязательно приехать еще раз.

А ратные заслуги Нестора Дмитриевича перед Родиной, народом велики. Начав войну в июле сорок первого года капитаном, он менее чем через полтора года стал уже генералом и командовал дивизией. За время войны его дивизия пленила одного румынского и трех немецких генералов с их штабами и войсками, в том числе двух в самом фашистском логове — Берлине.

Небезынтересен такой случай.

Только что закончились уличные бои в Берлине, в которых дивизия Козина принимала самое активное участие. Враг полностью капитулировал. И вот в штаб-квартиру Нестора Дмитриевича пришла группа советских журналистов взять материал для своих последних фронтовых очерков и зарисовок.

Долгой была беседа, к тому же и обстановка позволяла. Уходили журналисты с блокнотами, полными записей.

Со своей же стороны они оставили Нестору Дмитриевичу стихи. Вот они:

Ты вел полки к сверкающим победам,
Немецких генералов в плен ты брал.
Тебе приходится Суворов дедом,
Тебя Кутузов сыном бы назвал.
В бою ты был отважен, стоек, грозен,
Учил солдат, как немца надо бить.
Твои победы, Нестор Дмитрич Козин,
В народе нашем долго будут жить!

— Быть другом и наставником молодежи почетно, — говорит Нестор Дмитриевич.

И это не просто слова. За свою активную работу Н.Д.Козин награжден Почетными грамотами и нагрудными значками ЦК ВЛКСМ, ЦК ДОСААФ, общества «Знание» РСФСР. Бюро крайкома ВЛКСМ утвердило Нестора Дмитриевича командующим военно-спортивной игрой «Орленок». Разыгрываются призы его имени, проводятся спорткроссы, первенства. Он является почетным

членом краевого автомотоклуба ДОСААФ. Уже одно это перечисление говорит, насколько большая воспитательная работа ведется им.

— Вот мы часто говорим, что молодежь должна учиться на лучших традициях своих отцов, — продолжает Нестор Дмитриевич. — А что это конкретно означает? Я считаю, что следовать лучшим идеалам — это призыв партии идти по следам мужественных борцов революции, подражать бесстрашию и героизму, проявленным советским народом и воинами в ожесточенных схватках с врагами нашей Родины. Революционные, боевые и трудовые образцы старшего поколения всегда являются символом благородства нашей молодежи, не жалеющей сил в труде, учебе, защите своей социалистической Родины. Преданность делу партии, делу народа глубоко вошла в патриотическое сознание молодежи, и особенно ее передовой части — комсомолии.

И это так. Не зря коммунисты и комсомольцы были там, где труднее, где решалась судьба боя. Они, проявляя чудеса храбрости и отваги, громили фашистов, за собой вели и остальных воинов.

Особо надо сказать о сибиряках. Наши земляки были грозой для врага, они наводили на него страх, приводили в трепет, обращали в паническое бегство. Слава их будет жить вечно. Уместно напомнить известное высказывание Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского о сибиряках: «У нас, фронтовиков, укоренилось глубокое уважение к питомцам седого Урала и безбрежной Сибири. Это уважение и глубокая военная любовь к уральцам и сибирякам установилась потому, что лучших воинов, чем Сибиряк и Уралец, бесспорно, мало в мире. Поэтому рука невольно пишет эти слова с большой буквы. Оба они такие родные и настолько овеяны славой, что их трудно разделить. Оба они представляют одно целое — самого лучшего, самого храброго, упорного, самого ловкого и самого меткого бойца»[77].

— К этим словам Маршала трудно что-либо добавить, — говорит Нестор Дмитриевич. — Здесь полно раскрыты существо души советского воина и, в частности, сибиряка, его способности и характер.

Встречаясь с молодежью, Нестор Дмитриевич прежде всего стремится на конкретных, живых примерах воспитывать у молодежи глубокий патриотизм, развиваемый ленинской партией в единстве с пролетарским интернационализмом, учить ее коммунизму, чтобы молодежь знала и глубоко понимала ленинские заветы о защите социалистического Отечества, ясно представляла себе цели и задачи Советских Вооруженных Сил и

необходимость их дальнейшего укрепления и развития в современных условиях.

Сейчас большое значение приобретает развитие трудовых фамильных династий. Но, видимо, пока не меньшее значение имеют, если можно так выразиться, и военные династии.

У Нестора Дмитриевича четверо сыновей, трое из них навсегда связали свою судьбу с военной службой: Владимир — подполковник, служит в артиллерийских частях, Анатолий — капитан 2-го ранга, инженер-механик подводного флота, Марлен — майор, летчик 1-го класса. Общий семейный стаж военной службы уже насчитывает около 120 лет.

Да, время пока еще такое, что давать отбой, ослаблять внимание к укреплению своих Вооруженных Сил мы не можем, не имеем права.

Тут, пожалуй, к месту будут и эти слова Юлиуса Фучика, написанные им за месяц до ареста и опубликованные в подпольном выпуске «Руде право»:

«…Нас преследовали, сажали в тюрьмы, выгоняли с работы… А уничтожили нас? Нет! Наоборот, сотни тысяч новых бойцов поняли, наконец, нашу правоту, присоединились к нам…

Потому, что мы делаем все, что нужно сделать, чтобы человечество шло вперед, к прекрасному будущему. Мы не сами придумали свои задачи, мы лишь глубоко познаем и осмысливаем задачи, которые выдвигает перед человечеством история и которые рано или поздно должны быть разрешены…

…Но каких жертв можно было избежать, если бы большая часть человечества вовремя поняла нашу правду, которую она понимает сейчас… Мы вспоминаем об этом для того, чтобы и мы и все извлекли уроки из этого исторического опыта… Не позволим никому разбить прочное единство народов…»[78]

Как все это звучит по-современному!

Все вынесший и выстоявший, не раз глядевший в глаза смерти, Козин Н. Д. не в состоянии забыть кровавых уроков истории, опыта Великой Отечественной войны.

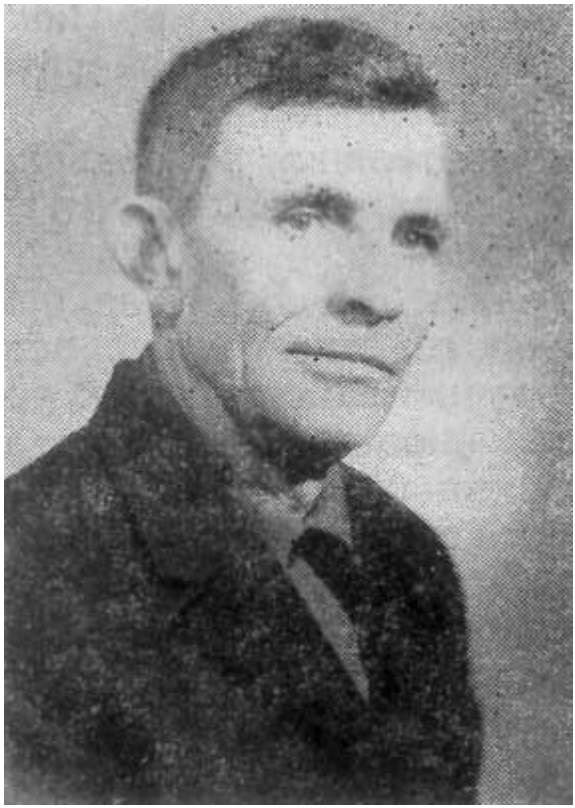
В декабре 1972 года Герой Советского Союза, почетный гражданин Барнаула генерал-майор запаса Н. Д. Козин отмечал свое 70-летие. Заслуженного юбиляра сердечно поздравляли седые генералы, прошедшие сквозь огонь войны, и офицеры, и солдаты, которые сражались под его началом на самых ответственных участках многих фронтов, и партийные, советские и комсомольские органы, и молодежь, которая учится на примерах яркой боевой жизни героя любить так же страстно и беззаветно великую Родину.

Семьдесят лет — возраст солидный. Но Нестор Дмитриевич

полон сил, он по-прежнему остается в строю, всегда среди народа, живет его делами и заботами, передает свою эстафету в надежные молодые руки.

Иллюстрации

Нестор Дмитриевич Козин



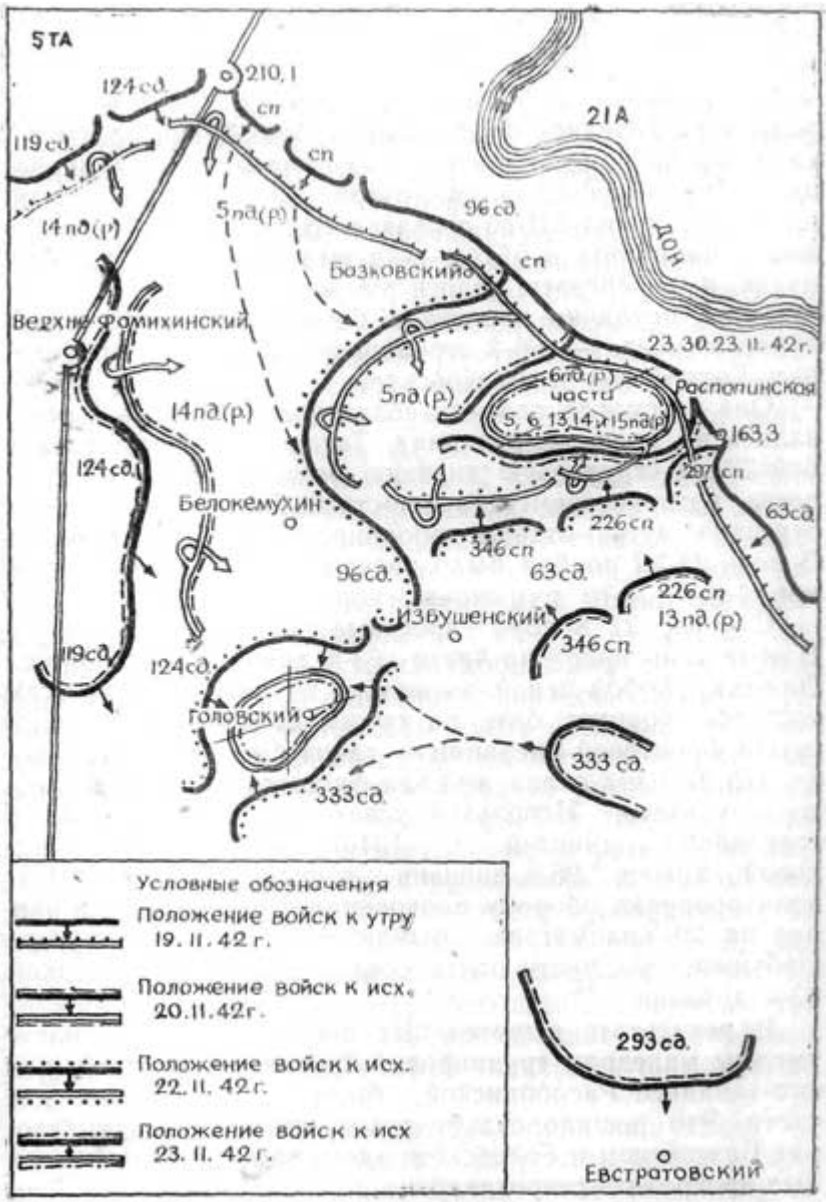
Ф.Г. Кондратьев.

В.А. Алтухов.

В.И. Тайков

С.А. Иванов.

Слева направо: Н.Д. Козин, начальник политотдела дивизии Н.Ф. Ведехин, автоматчик Богданов, комиссар дивизии П.Г. Коновалов. Август 1942 г.



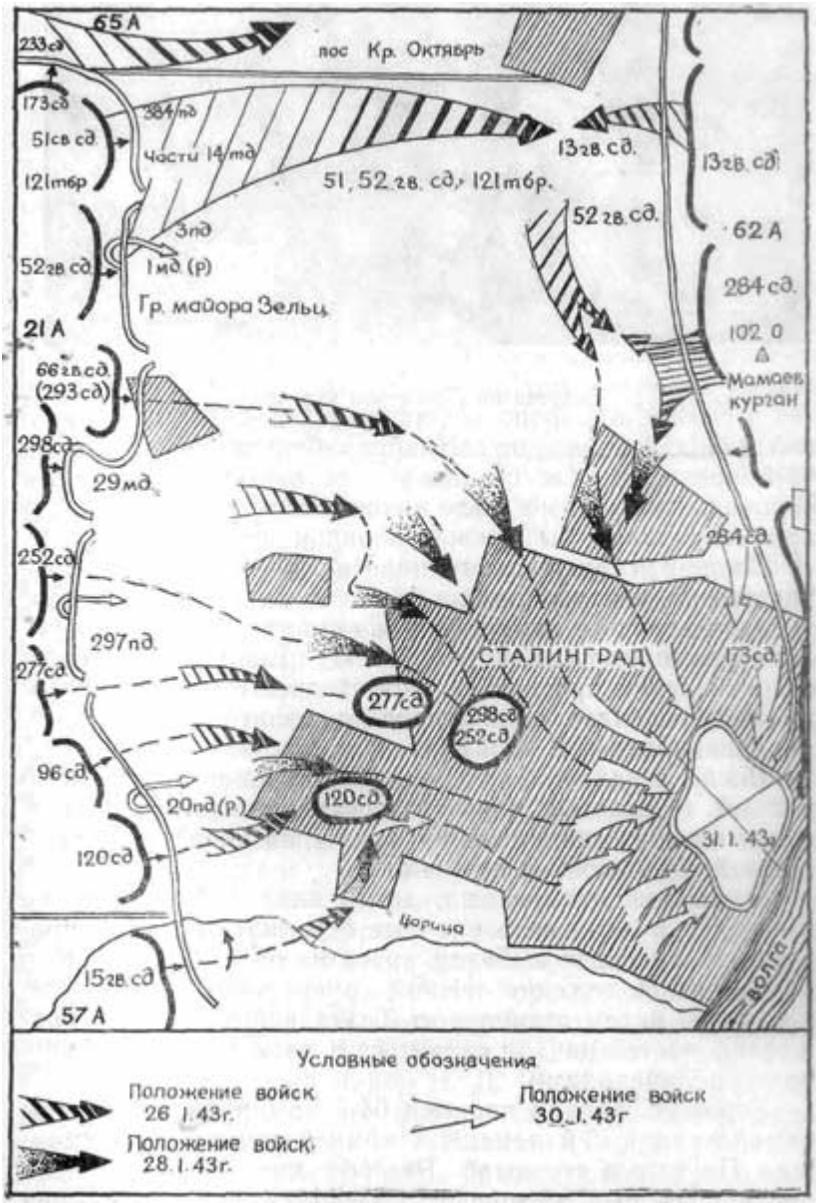
Окружение и пленение 5-го фашистского армейского корпуса.

Е.И. Иткис.

П.Г. Коновалов.

Боевое знамя дивизии.

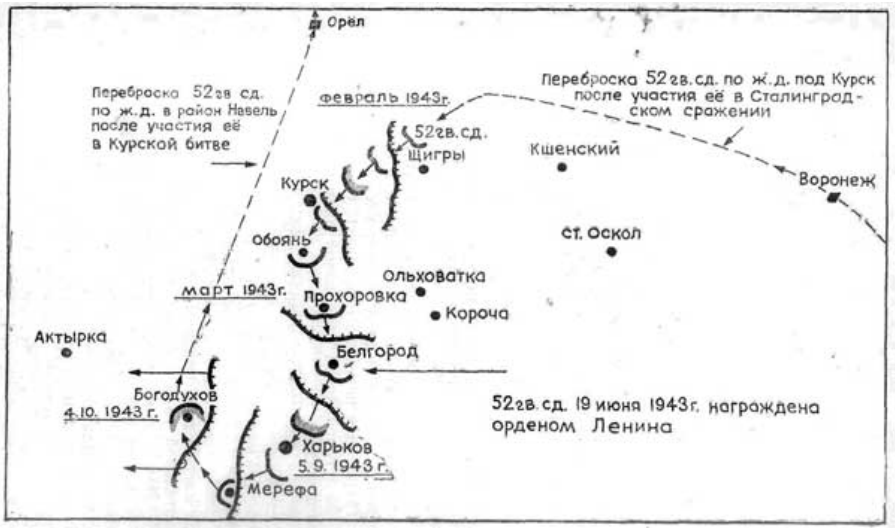
52-я и 13-я гвардейские дивизии встретились у поселка Красный Октябрь.



Соединение 52-й и 13-й гвардейских дивизий у поселка Красный Октябрь.

Встреча на Мамаевом кургане.

Г. Г. Пантюхов.



Боевой путь 52-й гвардейской стрелковой дивизии в 1943 году.

И. Ф. Юдич.

С. П. Зубов.

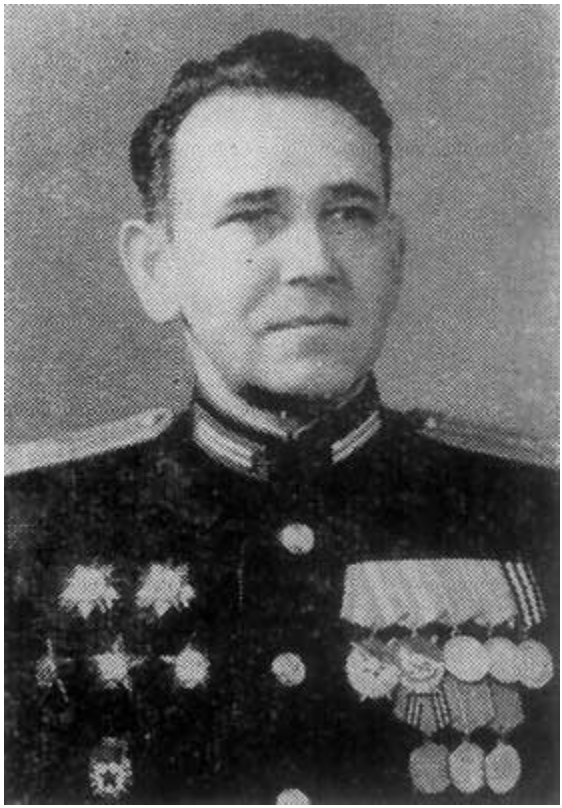
И. Т. Обушенко.

Н. И. Бигоненко.

К.Г. Губернаторов.

П.Д. Алексешников.

М.С. Султанов



В.Т. Широкоумов.

Группа генералов — участников штурма Берлина — перед парадом Победы на Красной площади в Москве. В первом ряду первый слева — Н. Д. Козин.

Встреча ветеранов 52-й гвардейской дивизии

На встрече с курсантами Барнаульского автомотоклуба ДОСААФ. Рядом с Н. Д. Козиным — Герой Советского Союза полковник в отставке Г. М. Левин и полковник в отставке Г. Г. Гулеватый.

notes

Примечания

1

50 лет Вооруженных Сил СССР. Воениздат, 1968, стр. 251.

2

14 июля 1941 года была создана группа резервных армий в составе 29, 30, 24, 28, 31 и 32-й армий (Великая Отечественная воина Советского Союза. Воениздат, 1970, стр. 76).

3

Ф. Г. Кондратьев ныне проживает в г. Бийске.

4

В настоящее время В. А. Шмонин проживает в городе Майкопе Краснодарского края.

5

Ныне А. Н. Калмыков проживает в Солтонском районе Алтайского края, работает учителем в школе.

Ныне майор запаса В. Ф. Маслов живет в Барнауле.

7

Архив Министерства обороны СССР, ф. 378, оп. 11015, д. 11.

8

Архив МО СССР, ф. 1054, оп. 1, д. 1, л. 15.

9

Архив МО СССР, ф. 378, оп. 11015, д. 5, лл. 18–19.

Сейчас эти часы хранятся в музее героев-сибиряков в Новосибирске.

11

Гвардии полковник В. С. Якушкин в настоящее время работает в Институте военной истории МО СССР.

12

«Военно-исторический журнал», 1959 г., № 6, стр. 87.

13

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1971, стр. 202.

14

Г К. Жуков. Воспоминания и размышления, стр. 323

50 лет Вооруженных Сил СССР, стр. 274–275.

16

Ныне капитан запаса Иван Севостьянович Ульянич проживает в Житомире.

17

Ныне полковник запаса Николай Трифонович Кудряшов проживает в поселке Солнцево Ленинского района Московской области.

18

См. статью Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко «Юго-Западный фронт в битве за Москву». — В сб.: Битва за Москву. М, 1966.

19

«Московская правда», 12 марта 1970 г.

20

Архив Министерства обороны СССР, ф. 229, оп. 5427, д. 9, л. 7.

21

Архив МО СССР, ф. 229, оп. 6508, д. 18-а, лл. 17–18.

22

Архив МО СССР, ф. 601, оп. 70689, д. 5, л. 8.

23

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, стр. 382.

24

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, стр. 361–363.

25

Маршал Советского Союза А. И. Еременко. Битва за Сталинград, стр. 71.

26

Архив МО СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 30, л. 5.

27

Архив МО СССР, ф. 335, оп. 5113, д. 129, л. 170.

28

Архив МО СССР, ф, 2265, од. 1, д. 30, лл. 19, 145.

29

Архив МО СССР, ф. 2265, оп. 1, д. 159, л. 81.

30

Архив МО СССР, ф. 301. оп. 6732, д. 30, лл. 52–54.

31

История Великой Отечественной войны, т. 2, стр. 436–437.

Битва под Сталинградом. Воениздат, 1944, стр. 19.

33

См. 50 лет вооруженных Сил СССР. Воениздат, 1968, стр. 323

34

Архив МО СССР, ф. 359, оп. 5041, д. 21, лл. 13, 19.

35

Архив МО СССР, ф. 301, оп. 6732, д. 30, лл. 49, 61–68.

36

Архив МО СССР, ф. 335, оп. 5113, я. 123, л. 20.

37

В то время я имел звание полковника, но генерал Стэнеску, обращаясь ко мне, называл «господин генерал». — Примеч. автора.

38

Архив МО СССР, ф. 335, оп. 5113, д. 123, лд. 23–25.

39

Архив МО СССР, ф. 335, оп. 5113, д. 248, л. 43.

40

Отто Рюле. Исцеление в Елабуге. Военное издательство Министерства обороны СССР, 1969, стр. 100–103.

41

Ганс Дерр. Поход на Сталинград. М., 1957, стр. 121.

42

Архив МО СССР, ф. 335, он. 5113, д. 248, лл. 33–34.

«Военно-исторический журнал», 1962 г., № 1, стр. 82.

44

Великая победа на огненной дуге. — «Политическое самообразование», 1973 г., № 8, стр. 50.

45

Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939–1945 гг. М., изд-во «Иностранная литература», 1957, стр. 191.

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, стр. 452.

47

Архив МО СССР, ф. 203, он. 2843, д. 323, л. 1.

48

С августа 1942 года Г. К. Жуков являлся первым заместителем Наркома обороны и заместителем Верховного Главнокомандующего. — Примечание автора.

49

Генерал армии Н. Ф. Ватутин незадолго до этого был назначен командующим Воронежским фронтом. — Примечание автора.

«Военно-исторический журнал», 1967 г., № 8, стр. 71.

51

ИМЛ. Документы и материалы отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 13586, лл. 215–218, 246.

«Военно-исторический журнал», 1969 г., № 10, стр. 20.

Рижские гвардейские. Рига, «Лиесма», 1972, стр. 31.

Рижские гвардейские. Рига. «Лиесма», 1972, стр. 34.

55

Майор Педанов погиб при взятии Берлина 22 апреля 1945 г.

56

История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 5, стр. 57.

«Коммунист Вооруженных Сил СССР», 1964, № 1, стр. 63.

58

Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 541, лл. 29–30.

Ныне И. Т. Обушенко, кандидат технических наук, проживает в Омске.

60

История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 5, стр. 80.

61

Не того Кенигсберга, что находился в Восточной Пруссии (ныне Калининград), а расположенного в 15–20 км восточнее Одера.

62

Архив МО СССР, ф. 1165, ост. 1, д. 86, лл. 21–26.

63

Архив МО СССР, ф. 1165, оп. 1, д. 68, л. 53.

64

История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 5, стр. 251–253.

Архив МО СССР, ф. 317, оп. 29869, д. 4, л. 71.

Г. Г. Семенов. Наступает ударная. Воениздат, 1970, стр. 267.

67

Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2352, д. 296, л. 238

68

Архив МО СССР, ф. 239, оп. 2317, д. 90, л. 68.

Ныне П. Д. Алексешников проживает в г. Анжеро-Судженске Кемеровской области, работает строителем.

Ныне проживает в р. п. Тальменке Алтайского края.

71

Совершенно секретно! Только для командования! Документы и материалы. Изд. «Наука», 1967, стр. 619.

Военно-исторический журнал», 1959, № 5, стр. 87.

«Военно-исторический журнал», 1959, № 5, стр. 87.

Последний штурм. Воениздат, 1970, стр. 387.

50 лет Вооруженных Сил СССР. Воениздат, 1968, стр. 437.

76

Слова из «Песни о некрасовцах», написанной поэтом Иваном Молчановым, пользовавшиеся у бойцов большой известностью и популярностью (песня эта была напечатана в «Алтайской правде» 25 сентября 1941 года). — Примеч. автора.

В пламени и славе. Новосибирск, 1969, стр. 313.

«Комсомольская правда», 25 июня 1968 г.